E 20
1133

Г. С. ГОРДЕЕВ

E20 — 1133

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★★ 1925 ★★ ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
№ 123228

Главлит № 34540. Гиз. № 93. Тираж 7.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва. Пименовская ул., 1/16.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ВОЙНЫ

ГЛАВА I.

1. Мировое хозяйство.

В XX столетии мировое хозяйство, как „реальная совокупность", проявлялось в самых отдаленнейших уголках обоих полушарий. Привычка к ежедневным проявлениям мировых связей сделала их незаметными. Из отдельных хозяйств создался „комплекс" хозяйств, „организм", „колония клеток",—словом, единое целое, любая часть которого может жить и развиваться только при взаимодействии с другими [1]). „Робинзон,—говорил Маркс,—есть выдумка XVIII века". Невозможность изолированного существования заставляет отдельные хозяйства приспосабливаться к установившимся связям, расширять эти связи ко всеобщей выгоде.

Рост производительных сил неизбежно вызывает уплотнение и рост мировых связей.

Чем ближе к началу войны 1914 года, тем быстрее рос товарооборот. Краткая история развития мирового хозяйства м жет быть изображена в следующих цифрах:

Годы.	Население в милл. чел.	Торговля.		Средства сообщения.			Телеграф.	Подводные кабели.	Производство.		
		Всего в милл. долл.	На душу в долл.	Номинальн. тоннаж в 100 тонн		Железных дор.			Хлопка т. ф.	Угля метр. малых тонн.	Чугун.
				Парусных судов.	Паровых судов в 1.000 тонн.	В тысячах миль.					
1800	640	1.479	2,3	4.026	—	—	—	—	520	11,6	0,8
1850	1.075	4.049	3,7	11.470	864	24	5	0,025	1.435	81	4,7
1900	1.543	20.105	13,0	6.674	13.857	500	1.180	200	6.247	800	40
1910	1.616	33.634	20,8	4.624	22.046	637	1.307	291	9.013	1.141	65
1915	1.672	31.302	18,7	3.535	28.160	717	1.526	335	8.824	1.169	64
1919	1.701	75.311	44,2	4.046	28.177	731	1.577	—	9.630	1.107	—[2])

[1]) Бухарин, „Мировое хоз.", 1918 г. Точно так же, как всякое индивидуальное предприятие является частью „национального", „народного" хозяйства, каждое из этих „народных хозяйств" включено в систему хозяйства мирового. Стр. 8.

[2]) „Мировое хозяйство", 1922 г.

Насколько широко было общение народных хозяйств одного с другим, можно было видеть из назначения вывоза и из происхождения ввоза по отдельным странам. Так, например, Россия в среднем за 5-летие 1909—1913 г.г. ежегодно ввозила и вывозила:

Название стран.	Ввозила: % общ. ввоза.	Вывозила: % общ. вывоза.
Бельгия	0,66	4,13
Болгария	0,01	0,10
Дания	0,75	2,31
Германия	13,62	28,98
Франция	4,92	6,29
Греция	0,12	0,87
Великобритания	13,21	20,47
Италия	1,39	4,29
Голландия	1,70	12,06
Норвегия	0,75	0,48
Австро-Венгрия	2,90	4,23
Португалия	0,19	0,04
Румыния	0,17	1,37
Швеция	0,52	0,02
Сербия	0 00	0,02
Испания	0,21	0,37
Турция	1,06	2,08
Итого по Европе	**73,13**	**88,77**
Египет	0,75	0,31
Аргентина	0,00	0,03
Австралия	0,04	0,01
Бразилия	0,06	0,02
Британская Индия	2,35	0,00
Китай	6,95	0,73
Япония	0,41	0,12
Голландская Индия	0,03	0,00
Персия	3,21	3,00
Соединенные Штаты	7,12	0,89
Остальные страны	6,06	5,12
Итого по вне-европейским странам	**20,81**	**6,11**[1])

Значение мирового хозяйства для каждого „национального организма" вскрылось особенно показательно во время войны 1914—1918 г.г. Деградация производительных сил после войны, всеобщий голод характеризуются как „развал мирового хозяйства", „распад современных валют" и т. д. Таким образом деградация производительных сил ставилась в непосредственную связь с разрывом мировых хозяйственных сношений.

2. Рост народного хозяйства России

„Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы". Маркс.

Мировое хозяйство было возможно только на основе развития народных хозяйств отдельных стран. Народное хозяйство, как единое целое, сложилось не сразу. Вебер приводит указания, что в раннее

[1]) Zuckermann, „Stat. Atlas zum Welthandl.", стр. 172, 1921 г.

средневековье в срединной Европе поселения не были связаны даже проселочными дорогами. Между поселениями время от времени пролагались тропы, которые потом зарастали, терялись; вместо них при нужде прокладывались новые [1]). Лет 60 тому назад у нас в России было немало деревень, которые совершенно не нуждались во внешнем мире. В таких деревнях все нужды удовлетворялись почти полностью продуктами своего хозяйства. Покупки на рынке были редкостью. Постепенно эта оторванность деревни была уничтожена, и каждый товаропроизводитель связался со всей массой других товаропроизводителей посредством рынка. „Мелких производителей связывает и подчиняет себе рынок“ [2]).

Национальный рынок, взятый в системе мирового хозяйства, является сколком мирового рынка: как мировой рынок аппаратом цен подчинил себе разрозненных и коллективных товаропроизводителей, так и национальный рынок продолжает объединение разрозненных товаропроизводителей в единое целое. „Основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный [3]). Каждая клеточка, каждое хозяйство, будучи включено через рынок в народно-хозяйственный процесс, подчиняется рынку. Всякое отстающее хозяйство обречено на гибель. С ростом производительности труда в отдельных хозяйствах, а отсюда с ростом производительных сил всего национального целого рынок все расширялся, втягивая в сферу своего влияния все большее количество производителей и все возрастающее количество продуктов. Рынок врастал в отдельные хозяйства.

Рост русского народного хозяйства начался довольно поздно сравнительно с европейскими странами. Наиболее показательно этот рост отмечается увеличением продукции основных элементов народного хозяйства, как указано в нижеследующей таблице:

Рост продукции основных отраслей народного хозяйства России

Годы.	Добыча угля	Чугуна	Соли	Руды	Нефти	Построено жел. дорог в тыс. в.
	в тысячах пудов.					
1860	18.290	20.408	26.233	—	—	1,2
1870	42.355	21.945	29.014	45.996	—	9,9
1880	200.785	26.091	47.572	60.200	—	21,1
1890	367.204	55.212	84.857	106.497	226	28,3
1900	1.003.113	177.217	120.146	413.337	631	49,6
1910	1.521.984	185.689	125.029	344.177	588	61,9
1911	1.739.142	219.100	129.000	428.966	558	63,2
1912	1.904.5	—	—	501.200	565	63,9
1913	2.213.843	—	—	—	561[4])	64,8
1914	—	—	—	—	—	73,1

[1]) Вебер М., „История хозяйства“, 1923 г., стр. 18.
[2]) Ленин, „Собрание сочинений“, т. IX, стр. 507.
[3]) Ленин, т. XV, стр. 194.
[4]) „Статистический Ежегодник“, 1914 г., под ред. Шарого.

Перевезено:

Годы.	Пассаж. в милл.	Багажа и товаров пассаж. скор.	Грузы больш. и малой скор. в млрд. пуд.	В том числе хлебн. груз. в милл. п.
1900	—	—	—	777
1910	—	—	—	1.269
1911	—	—	—	1.281
1912	—	—	—	1.200[2])
1913	268	116	161)	1.346

Посевная площадь и сбор всех хлебов в 50 губ. Европейской России

Годы.	Посевн. пл. в милл. дес.	Годы.	Сбор хлебов в милл. пудов.
1881	59	1886—90	2.243
1893—95	60	1891—95	2.487
1896—1900	64	1896—1900	2.734
1901—1905	69	1901—1905	3.205
1906—10	70	1906—10	3.211
1911	72	1911	2.908
1912	71	1912	3.798[3])
1913	73	1913	4.260

Громадные массы производимого чугуна, каменного угля, нефти и других продуктов должны были разместиться на рынке внутри страны. Вывоз на внешний рынок у нас вообще был слаб: 73 тысячи верст железных дорог перевозили миллиарды пудов различных грузов. Все это говорило о бесспорном росте внутреннего рынка, о росте его емкости и широты захвата.

Рост внутреннего рынка отрывал крестьянское хозяйство от натуральной замкнутости и изолированности. На русской почве вырастали герои первоначального накопления—наши „Разуваевы“ и „Колупаевы“. Включение в товарооборот крестьянского хозяйства обозначало для него продажу продуктов собственного производства и покупку продуктов других хозяйств, подобных ему, а главным образом изделий городской промышленности. Этим самым создавался базис для роста внутренней промышленности.

3. Приливы капитала в земледелие

„Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города и деревни“. Если подвести различные отрасли промышленности под название городской индустрии, а различные отрасли сельского хозяйства под другую рубрику—собственно сельское хозяйство, то мы получим две

1) Оппенгейм, „Россия в дорожном отношении“, 1920 г., стр. 110—128.
2) Лященко, „Зерновое хозяйство“, 1913 г., стр. 26.
3) Там же стр. 3.

крупнейшие отрасли народного хозяйства. Отношение между ними подчиняется тем же законам, что и отношение каждой из отраслей промышленности к другим.

Отдельные отрасли народного хозяйства в целом то расширяются, то сжимаются. Эти процессы происходят непрерывно, при полном взаимодействии всего целого. Отклонение от равновесия в сторону повышения обозначает повышение прибыли, увеличение накопления и прилив капитала в данную отрасль производства. Отсюда возможно увеличение продукции, изменение органического строения капитала; последнее вызывает соответствующее повышение производительности труда в данной отрасли. Длительное повышение цены над стоимостью увеличивает для такой отрасли перечисленные выгоды. В земледелии благоприятное соотношение цен имело место в Англии с конца XVIII и до половины XIX века.

ГЛАВА II

1. Состояние сельского хозяйства до войны

После реформы 1861 года в сельском хозяйстве России происходил длительный и в то же время мучительный процесс перехода от полунатурального хозяйства к товарно-денежному. Целый ряд крепостнических остатков цепко держал наше сельское хозяйство в плену. Только путем бесконечных страданий и разорений части крестьян в сельском хозяйстве произошли передвижки такого рода, что на место полунатурального сельского хозяйства 60-х годов установился новый тип товарно-денежного хозяйства.

К началу XX столетия сельское хозяйство полностью было уже подчинено рынку. „Капитал,—говорил Ленин,—освободил земледелие от феодализма, втянул его в торговый оборот, а вместе с ним в мировое экономическое развитие, вырвал его из застоя и заскорузлости средневековья и патриархальности“ [1].

Деревня, где прежде мысли не перелетали за частокол околицы, была втянута в водоворот мировых связей. В мире распыленных крошечных хозяйств рынок стал „организующей силой“. Рынок перестроил наше русское земледелие, выделил специальные рыночные культуры и даже целые районы, работавшие по преимуществу на рынок. (Хлопок в Туркестане, виноград в Туркестане и Крыму, льноводные, пшеничные и др. районы.)

Россия встала на капиталистические рельсы, но двигалась вперед очень медленно.

Бедность капиталами как города, так и деревни, налоговое бремя, арендные платежи, покупки земель, бесправие крестьян—все вместе взятое мешало земледелию двигаться по пути прогресса.

---

[1]) Ленин, „Собрание сочинений“, т. IX, стр. 266.

Рожь

Если обратимся к рассмотрению движения сельского хозяйства по отдельным культурам, то прежде всего необходимо фиксировать внимание на повышении сборов ржи. Последние поднялись сравнительно со сбором 1888 года, принятым за 100%, до—120% в 1914 г. Рожь была в малой степени рыночным продуктом. Она шла, главным образом, на внутри-хозяйственное потребление. Из общего сбора за 1907—1912 г.г. в 3.921 милл. пудов ржи вывезено за границу 226 милл. пудов, т.-е. всего 5,8%. Вывоз ржи, в среднем, за год равнялся 37 милл. пуд. из 653 милл. пуд. ежегодного сбора.

По ценности на рожь падало из общего вывоза 202 милл. руб., или 5,5%.

Вывоз ржи с 13,7 милл. пудов в 1861—1865 г.г. поднялся лишь до 39,4 милл. пуд. в 1913 году; в процентах—со 100% до 287%.

Перевозка ржи на внутреннем и внешнем рынках составляла в 1912 г. 79 милл. пудов из 1.401 милл. пудов общего сбора, т.-е. 5%. Рожь была, и до сих пор осталась, главным средством питания крестьянства, поэтому перевозка ее совершалась, главным образом, внутри районов и совершенно не учитывалась статистикой. Вообще рожь—злак, по преимуществу возделываемый в СССР. Из 2,7 миллиарда пудов мировой продукции ржи производится в СССР 1.300 миллионов. Если прибавить к СССР Германию, то окажется, что эти две страны производят до 70% всей мировой продукции [1]).

Удельный вес ржи среди остальных полевых культур в Европейской части СССР был таков: в среднем по Европейской России засевалось ржи:

	По всему СССР	
Годы.	%	%
1901—1905	34,1	— 31,9
1906—1910	32,9	— 28,9
1911—1915	32,1	— 27,3 [2]).

Вследствие слабой, сравнительно с другими культурами, рыночности рожь постепенно уступает место другим, наиболее рентабельным и легко находящим сбыт культурам.

Пшеница

Совершенно иным был темп роста сборов пшеницы. С 1888 по 1914 г. продукция пшеницы увеличилась до 160%.

Пшеница шаг за шагом отвоевывала посевную площадь у ржи, а также распространялась и на новых, совершенно не обрабатывав-

---

[1]) Lange, „Landwirtschaftlich. statistischer Atlas", Berlin 1917. Все сведения, приводимые нами здесь и дальше о мировой продукции хлебов, взяты из приводимого атласа и относятся к 1909—1913 г.г.

[2]) „Сельское хозяйство России в XX веке", под ред. Огановского, 1923 г., стр. 116.

шихся раньше землях. Пшеница по преимуществу является рыночной культурой. За 1912 год на 784 миллиона пудов общего сбора ее вывозилось на внешний рынок и перевозилось на внутреннем рынке 265 милл. пудов, что составляет 30% всего сбора, сюда не входит оборот этой пшеницы на рынках внутри районов. Она более, чем рожь, потреблялась в городах и за границей. Рост внутреннего рынка в конце XIX столетия был не настолько значительным, чтобы остановить рост экспорта сельскохозяйственных продуктов. Пшеница была связью кубанских и волжских земледельцев как с внутренним, так и с внешним рынками. Ее развитие шло при самом непосредственном участии и под воздействием рынков мирового и национального.

Пшеница является одним из наиболее ходких зерновых продуктов на мировом рынке. В противоположность ржи, которая не имеет „будущего", пшеница имеет необъятный рынок, что вполне гармонирует с возможностью расширения пшеничных посевов в России на необрабатывавшихся площадях всего засушливого района.

В мировом масштабе Европа производит 49% всей пшеницы. Доля СССР с Сибирью составляет 24%. Далее крупная доля падает на Соединенные Штаты—до 16%, затем идут Индия, Канада и другие страны.

Ячмень

Ячмень сравнительно с 1888 г., принятым за 100%, дал прирост сбора к 1914 г. до 210%. Ячмень является еще более рыночной культурой, чем пшеница, не говоря уже о ржи. Из общего сбора в 1912 году 470 миллионов пудов ячменя перевозилось на внешний и внутренний рынки 108 милл. пудов, т.-е. около 25%. С 1900 по 1912 г. вывоз его увеличился более чем в 5 раз, в то время как внутренние перевозки увеличились только в 2 раза[1]). Дальнейшее развитие посевов ячменя должно прогрессировать сильнее, чем остальные зерновые культуры, так как спрос на него на мировом рынке значителен, а конкурентов меньше, чем у других культур. Из общего мирового производства 39 милл. тонн на долю Европы падает 59,3%, Азии—23,1% и Северной Америки—12,9%. Из этого количества на долю СССР падает 27%. Слабая потребность в ячмене на внутреннем рынке и увеличивающийся спрос на мировом ставят развитие посевов ячменя в зависимость от благоприятной мировой рыночной конъюнктуры.

Удельный вес, среди других культур, как пшеницы, так и ячменя с каждым пятилетием повышался. Так, по Европейской части СССР из общей посевной площади на долю пшеницы падало:

По всему СССР.

Годы:	Пшен.	Ячм.	Пшен.	Ячм.
1901—1905 . . .	22,3%	9,3%	26,1%	9,3%
1906—1910 . . .	23,7	10,2	28,3	10,2
1911—1915 . . .	24,2	11,0	30,2	11,0)[2]

[1]) Лященко, „Зерновое хозяйство", 1913 г. Все цифры, касающиеся перевозок хлебов, взяты из указанной работы.

[2]) „Сельское хозяйство России в XX в.", 1923 г., стр. 116.

Большая рыночность, сравнительно с рожью, обеих культур переводила центр тяжести нашего земледелия с производства чисто-продовольственных крестьянских культур—ржи и овса—на производство товарно-продовольственных—пшеницы и ячменя.

Овес

Овес при трехпольной системе является часто необходимым дополнением к остальным культурам. Затем он требуется как кормовое средство. Темп роста сборов овса немного обогнал рожь, но очень далеко отстал от пшеницы и ячменя. Это, главным образом,—товар внутреннего потребления. Перевозки его на внутреннем рынке поднялись с 31 миллиона пудов в 1895 году до 68 миллионов в 1912 году, а перевозки на внешний рынок равнялись в 1895 году, как и в 1912 году, 64 миллионам пудов. За этот промежуток времени колебания вывоза овса были в сторону увеличения и уменьшения от указанной цифры, но в общем вывоз остался стационарным. Внутренний же рынок обнаружил определенную тенденцию к увеличению. Перевозки овса для 1912 года на внутренний и на внешний рынки составляли 133 миллиона пудов из 764 миллионов общего сбора, что равняется 17%.

Наличие овса в севообороте объясняется, главным образом, отсталой трехпольной системой. Постепенно площадь овса, относительно площади других культур, уменьшается. Так, по Европейской части СССР, в процентах, площадь овса занимала следующее место:

	Всего по СССР.	
Годы.	%	%
1901—1905	19,2	18,6
1906—1910	18,9	18,7
1911—1915	18,2	17,6 [1]

Кукуруза

Из общего мирового производства в 65.256 тысяч тонн на долю Европы падает 60%, на долю Северо-Американских Соединенных Штатов—24%, на долю СССР из общей Европейской доли—21%.

Большой интерес вызывает незначительная по общему сбору, но важная качественно культура кукурузы. Она особенно интересна для нас своими засухостойными качествами. На всем юго-востоке Поволжья и юге Сибири она должна найти широчайшее—„американское"—распространение. В Соединенных Штатах во всем севообороте и в общем вывозе хлебов она занимает виднейшее место. В мировом производстве кукурузы на долю Соединенных Штатов падало 68,7%, а на долю Европы—15,3%, из них на долю СССР падает лишь 2,1%.

Об удельном весе кукурузы в общем мировом производстве говорят следующие относительные величины: на пшеницу падает 29,6% общего сбора пяти важнейших злаков, на долю кукурузы—28,1%, овса—18,3%, ржи—12,9%, ячменя—11,1%.

---

[1]) „Сельское хозяйство России в XX веке", 1923 г., стр. 116.

В 1911 году из общего сбора в России в 105 миллионов пудов кукурузы было вывезено на внешний рынок 81 миллион пудов, а в 1912 году при производстве в 97 миллионов пудов ее было вывезено 46 миллионов пудов. Таким образом процент перевозок кукурузы превышает процент перевозок остальных хлебов.

Сбор кукурузы поднялся с 1888—1890 г.г., принятый за 100%, до 280% для 1914 года. Темп роста сбора кукурузы превышает рост всех остальных зерновых культур.

Из общей площади полевых посевов на долю кукурузы в 1910—1912 г.г. падало 1,9% [1]), тогда как в Северо-Американских Соединенных Штатах кукуруза дает 68 миллионов метрических тонн из 109 миллионов метр. тонн общего сбора зерновых хлебов.

Американское сельское хозяйство, особенно в засушливых районах, получает сильнейшую выгоду от введения засухостойной кукурузы. Кукуруза, как пропашная культура, вносит большее разнообразие в полеводство, страхуя фермера от неожиданных засух.

Поставленные в ряд по темпу роста сборов, зерновые хлеба примут следующее размещение:

	1888	1895	1900	1905	1910	1914
			в процентах.			
Кукуруза	100	170	114	100	285	280
Ячмень	100	147	127	189	250	210
Пшеница	100	104	112	160	196	160
Овес	100	116	128	133	150	120
Рожь	100	109	126	95	106	120 [2])

Насколько тесно связан рост той или другой культуры с рынком, с ее успехом на рынке, показывает следующее дополнение к приведенной табличке. В 1912 году было перевезено:

	%
Кукурузы	47
Пшеницы	30
Ячменя	25
Овса	17
Ржи	5

Последний столбец показывает, что зависимость от рынка только на 25, 30, 47% определяет темп роста отдельных культур.

Картофель

В общем мировом производстве картофеля на долю Европы падает 89,6% и 8% на долю Америки, при чем из общей европейской продукции картофеля на долю СССР падает 27%. Германия значительно опередила СССР по сбору картофеля. Первая собирала 45 милл.

---

1) „Сельскохозяйственный промысел в России", 1914 г., изд. Департамента Земледелия.

2) Рыбников, „Эволюция сельского хозяйства Юго-Востока", Госплан, 1921 г., стр. 14.

тонн, а последний—34 милл. тонн. Россией из 100 десятин посева в 1913 году засевалось картофеля 3,8% общей посевной площади, в 1917 г.—2,8%, в 1921 г.—2,6%. В Германии из 100 десятин посева на картофель падало около 14% [1]).

Посев картофеля один из видов интенсификации сельского хозяйства. С посевом картофеля связано производство спирта, крахмала, патоки и т. д. Картофель является выгодным кормом для свиней и даже рогатого скота. Темп увеличения сборов картофеля был значительно выше всех остальных зерновых культур. Со 100% в 1888 г. он поднялся до 338% для 1914 г. При чем темп нарастания сборов идет неуклонно, не давая провалов в неурожайные годы.

Развитие картофельных посевов шло более, чем развитие какой-либо другой культуры, в ногу с ростом емкости внутреннего рынка. Увеличение мелких городских, промышленных, местечковых рынков, развитие крахмально-паточной, спиртовой промышленности опирались на сырьевую картофельную базу. Картофель, как мало транспортабельный продукт, мог выдерживать только незначительные перевозки. Чем гуще места сбыта, тем больше будет расширяться посевная площадь картофеля. Рассчитывать на экспорт картофеля в сыром виде совершенно не приходится. В 1912 г. вывоз картофеля равнялся 15 миллионам пудов, что составляло лишь 0,9% общей продукции.

Лен

Развитие льноводства в России не было значительным в конце XIX и в начале XX столетия. Сбор льняного волокна в 1888 г., принятый за 100, увеличился в 1910 г. лишь до 150%. С 1886—1912 г.г. сбор волокна из года в год сильно колебался, создавая неустойчивость предложения. Лен является одной из наиболее рыночных культур. До 75% общего сбора льняного волокна вывозилось за границу [2]). Большая часть оставшегося волокна шла в переработку на отечественных фабриках. Причины колебания сбора льняного волокна, помимо климатических условий, мы должны объяснить уровнем цен, бывших на мировом рынке за этот промежуток времени.

Сахарная свекла

Развитие свекловодства происходило таким образом, что сбор свеклы в 1888 г., принятый за 100, дал увеличение до 280% в 1914 г. Темп развития свекловодства достаточно быстрый, но он был бы еще значительнее, если бы фискальная политика по отношению к сахарной промышленности не тормозила распространения сахара среди населения.

Вся продукция сахарной свеклы шла на переработку на сахарные заводы. Вывоз свеклы за границу был ничтожен (3—5 миллионов пудов). Сахарная свекла на все 100%—рыночный продукт.

---

[1]) Огановский. „Очерки по экономической географии России", часть I, 1923 г., стр. 120.

[2]) Там же, стр. 191.

Травы

Травосеяние в нашем сельском хозяйстве явление почти исключительно XX века. Так, в 1901 г. по Европейской России засевалось 518 тысяч из общей площади в 69.049 тысяч десятин, т.-е. 0,7% всей площади. В 1912 г. травосеяние занимало 917 тысяч, в 1916 г.—1.593 тысячи десятин, в 1917 г.—1.569 тысяч десятин. По всей России в 1916 г. засевалось 1.705 тысяч десятин, а в 1917 г.—1.676 тысяч десятин. До XX века травосеяние встречалось, подобно отдельным оазисам, в десятки десятин [1]).

В XX столетии темп развития травосеяния опередил некоторые другие полевые злаки, поднявшись со 100% в 1901 г. до 177% в 1912 г. и до 307% в 1916 г. При этом необходимо принять во внимание, что травы распространялись, главным образом, в отдельных районах. Так, процент площади, занимаемой корнеплодами и сеянными травами, по переписи 1916 г., по отношению ко всей площади имел следующие проценты:

Московская	27,5	Харьковская	8,3
Петроградская	23,7	Тамбовская	7,3
Смоленская	20,9	Нижегородская	6,3
Ярославская	19,2	Архангельская	5,4
Псковская	17,2	Пензенская	4,4
Киевская	14,9	Воронежская	4,0
Тверская	14,8	Вологодская	3,6
Витебская	14,6	Олонецкая	3,6
Черниговская	13,7	Пермская	3,6
Владимирская	13,2	Екатеринославская	3,4
Минская	13,1	Бессарабская	2,8
Подольская	12,5	Самарская	2,7
Калужская	12,4	Симбирская	2,6
Могилевская	11,5	Саратовская	2,5
Новгородская	11,5	Вятская	2,2
Тульская	10,6	Херсонская	2,2
Волынская	9,8	Уфимская	2,1
Рязанская	9,6	Казанская	1,7
Орловская	9,1	Астраханская	1,6
Курская	8,9	Обл. В. Донского	1,5
Костромская	8,6	Таврическая	1,5
Полтавская	8,5	Оренбургская	1,3 [2])

От центра на запад веерообразно идет распространение интенсивных культур.

Сборы всех хлебов

Сбор всех хлебов в России

(без Восточной Сибири, Туркестана и Уральской области):

1895	3.223	100%	1904	4.416	119%
1896	3.300		1905	3.783	
1897	2.777		1906	3.256	
1898	3.249		1907	3.721	
1899	3.692		1908	3.845	
1900	3.495		1909	4.716	
1901	3 058	118%	1910	4.609	134% [3])
1902	4.128		1911	3.699	
1903	3.951		1912	4.827	

[1]) „Сельское хозяйство России в XX веке", 1923 г., стр. 200—201.
[2]) „Статистический Справочник", Вольф и Мебус, 1924 г., стр. 159.
[3]) „Сельскохозяйственный промысел в России", 1914 г.

Сбор зерновых хлебов и других растений за 1885 — 1912 г.г. по 50-ти губ. Европейской России (в милл. пудов)

Годы.	Пшеница.	%/%	Рожь.	%/%	Ячмень.	%/%	Овес.	%/%	Гречиха.	Просо.	Горох.	Чечев. бобы.	Кукуруза.	%/%	Картофель.	%/%	Лен. Семя.	Лен. Волокно.	%/%	Конопля. Семя.	Конопля. Волокно.	Свекловица.	%/%	Табак.
1888	467	100	1.020	100	196	100	511	100	69	85	34	—	34	100	437	100	28	16	100	17	9	250	100	4,0
1890	331	—	903		202		508		50	83	25	—	39		505		20	17		11	7	258		3,1
1895	485	104	1.113	109	279	147	597	116	48	76	37	15	58	170	909	208	33	26	162	21	13	296	118	3,3
1900	530		1.285	126	248	127	659	128	49	87	34	14	39	114	1.030	235	27	24	150	17	14	340	136	3.3
1905	749	160	976	95	362	189	680	133	54	778	28	10	34	100	1.140	260	32	28	175	20	16	405	162	8,8
1910	917	196	1.083	106	490	250	770	150	68	132	38	20	97	285	1.442	330	25	24	150	29	15	355	142	3,4
1911	575		905		426		612		60	74	33	15	105		1.414		29	26		20	14	717		5,1
1912	784		1.408		40		764		70	129	44	19	97		1.538		31	39		23	21	700	280	5,4
1913	1.090		1.382		579		878		65	126	44	20	92		1.432		35	—		24	—	—		—
1914	770	160	1.221	120	412	210	613	120	48	80	28	14	95	280	1.481	338	22	—		20	—	—		—[1]

1) „Статистический Ежегодник", под редакцией Шарого, 1914 г., стр. 90.

Что касается сбора всех зерновых хлебов, то повышение его, принятого в 1895 —1900 г.г. за 100%, дало для 1901—1915 г.г.—118%, для 1906—1910 г.г.—119% и для 1911—1913 г.г.—134%. Иначе говоря, темп подъема отдельных культур значительно сглаживался и умерялся в общей сумме сбора.

Урожайность

Увеличение сбора хлебов произошло, с одной стороны, за счет повышения урожайности, с другой—за счет увеличения посевной площади.

Средняя урожайность зерновых хлебов в 50-ти губерниях Европейской России в пудах с десятины.

Годы.	На надельных землях.	В %%	На частновладельч.	В %%
1861—1870	29	100	33	100
1871—1880	31	106	37	112
1881—1890	34	117	42	127
1891—1900	39	134	47	142
1901—1910	43	148	54	162

Посевная площадь увеличилась с 1901—1905 г.г. от 77,2 тыс. десятин до 89,9 тыс. к 1913 г.

ГЛАВА III

1. Участие районов в производстве хлебов

Рост продукции хлеба к началу войны в различных районах был различен. Центр России еще в XVI веке стал выделять переселенцев на окраину. Происходили массовые оползни населения центральных районов—сначала в северные украинские губернии, потом в южные. Один слой за другим оседали переселенцы на окраинных землях. Обработке подвергались девственные почвы, дававшие большие урожаи. Новороссийский, Нижне-Волжский районы до сих пор еще редко населены, там до сих пор ведется крупно-посевное хозяйство с большим процентом залежей. Каждый район в росте посевных площадей, а в связи с этим и в продукции хлеба имел не одинаковое значение.

Новороссийский район увеличил площадь посевов с 1860 г. по 1911—1912 г.г. в три раза. Близко к Новороссийскому подходит Нижне-Волжский район, где с 1860 до 1911—1912 г.г. увеличилась площадь немного менее чем в два раза. Затем идут районы, мало увеличившие площадь под зерновыми хлебами, как-то: Средне-Волжский, Малороссийский, Приуральский, Белорусский, Литовский, Прибалтийский, Приозерный и Северный. Остальные районы, как Центрально-Земле-

дельческий, Промышленный, к 1914 г. понизили посевную площадь сравнительно с 1860 г.[1]) Следовательно гигантскую долю увеличения посевной площади нужно отнести за счет двух первых районов.

Повышение урожайности—второй фактор увеличения сборов—проявлялся больше в районах слабого увеличения посевной площади, чем сильного.

Участие районов в росте сбора отдельных злаков было тоже неодинаковым. К началу XX века строго очертилось своеобразие каждого из упоминавшихся районов. На-ряду с районами по преимуществу промышленными существовали и существуют районы, производящие по преимуществу и промышленное сырье. На-ряду с интенсивными районами существуют экстенсивные, вплоть до перелога.

Если мы будем рассматривать районы по удельному весу ржи в общем сборе хлебов, то получим по площади следующее расположение:

	% %
Центрально-Промышленный	48
Белорусский	47
Приозерный	45
Средне-Волжский	43
Центрально-Земледельческий	42
Северный	41
Приуралье	37
Юго-Западный	26
Нижне-Волжский	22
Сибирь	15
Новороссийский	10
Степной Край	5
Северный Кавказ	2
В среднем по СССР	**26**

Общей посевной площади находилось под рожью.

Отклонения от среднего для СССР в 26% доходят до 48% для Центрально-Земледельческого района и 2% для Северного Кавказа.

Совершенно иначе перестраиваются ряды районов по пшенице:

	% %
Степной Край	64
Нижне-Волжский	61
Северный Кавказ	53
Новороссийский	48
Сибирь	45
Малоросс. и Юго-Западн.	25
Средне-Волжский	15
Приуралье	12
Центрально-Земледельческий	7
Северный	2
Белорусский	1
Центрально-Промышленный	1
Приозерный	04
В среднем для СССР	**30**

Общей посевной площади под пшеницей.

[1]) См. „Центрально-Промышленная область", Москва 1924, стр. 174.

	1860 г.	1912 г.		1860 г.	1912 г.
Владимирская	100%	68%	Нижегородская	100%	93%
Калужская	100 „	69 „	Рязанская	100 „	86 „
Костромская	100 „	88 „	Тверская	100 „	78 „
Московская	100 „	63 „	Тульская	100 „	89 „

Пшеница, наиболее рыночный продукт, размещена на окраинных районах. При слабом промышленном развитии этих районов, они служили аграрным дополнением как наших промышленных центров, так и европейских промышленно-развитых стран.

Овес и ячмень, каждый в отдельности, служили дополнениями: первый больше ко ржи, второй—к пшенице. Поэтому их ряды строятся обратно-пропорционально один к другому.

Овес	%%	Ячмень	%%
Приуральский	35	Новороссийский	29
Северный	34	Северный Кавказ	22
Сибирь	29	Малоросс. и Юго-Зап.	13
Приозерный	29	Северный	13
Центрально-Промышленн.	27	Приозерный	8
Центрально-Земледельческ.	25	Белорусский	7
Средне-Волжский	22	Приуралье	6
Белорусский	20	Центрально-Промышленн.	4
Степной Край	16	Нижне-Волжский	3
Малоросс. и Юго-Зап.	15	Сибирь	3
Нижне-Волжский	6	Степной Край	2
Северный Кавказ	6	Центрально-Земледельческ.	2
Новороссийский	4	Средне-Волжский	02
В среднем для СССР	**17**	**В среднем для СССР**	**11**

Размещение культур по районам, по их удельному весу в районах, применяясь к наиболее распространенному виду злаков—пшенице, будет следующим:

	Пшеница.	Рожь.	Овес.	Ячмень.
	В процентах.			
Степной Край	64	5	16	2
Северный Кавказ	53	2	6	3
Новороссийский	48	10	4	29
Сибирь	45	15	29	3
Малоросс. и Юго-Западн	25	26	15	13
Средне-Волжский	15	43	22	0,2
Приуралье	12	37	35	6
Центрально-Земледельческ.	7	42	25	2
Северный	2	41	34	13
Центрально-Промышленн.	1	48	27	4
Белорусский	1	47	20	7
Приозерный	0.4	45	29	8
В среднем по СССР	**30**	**26**	**17**	**11**

2. Рынок и строение земледелия в районах

Строение земледелия в отдельных районах дает наиболее убедительные доказательства зависимости движения их от рынка. При этом действуют четыре фактора: 1) цены на хлеб; 2) близость рынка, свя-

занный с этим вопрос о транспортных расходах и транспортабельности продукта; 3) торгово-посреднический аппарат; 4) цены изделий городской промышленности, которые потребляются в сельском хозяйстве. Принимая все четыре момента во внимание, мы видим, как Центрально-Промышленный район постепенно переходит к сеянным травам, корнеплодам, главным образом картофелю, огородничеству. То же самое делается в Приозерном крае, так как в этих обоих районах имеются громадной емкости рынки—Москва и Ленинград с их промышленностью. Травы дают основу для молочного хозяйства.

Вблизи от рынков хозяйства все более занимают посевную площадь скоропортящимися и малотранспортабельными продуктами, которые одновременно более выгодны, чем зерновые.

Совершенно иначе построено земледелие в Новороссийском районе, Предкавказьи и Сибири. Здесь мы имеем связь с отдаленными внутренними рынками и еще более удаленными—внешними. В таких районах можно сеять только зерновые культуры, как наиболее транспортабельные в экстенсивном хозяйстве. Транспортные расходы и посреднические вычеты достигают в них громадной доли. Нередко землероб получает меньше, чем съедают транспорт и посредники. Цена хлеба на месте из-за этого низка. Городские товары доходят до хлебороба удороженными. В таких районах можно и должно вести не только зерновое, но и зерновое крупно-посевное и экстенсивное хозяйство. Это вовсе не означает еще отказа от поощрения процессов интенсификации в этих районах.

3. Рыночная связь районов

Связь районов друг с другом посредством рынка позволила им вести однобокое хозяйство, далеко ушедшее от ойкосного хозяйства Родбертуса. Гипертрофия производства пшеницы, хлопка, картофеля и других культур ставит районы в полную зависимость от рынка. Циркуляция обмена веществ между аграрным СССР и заграницей, между русским городом и деревней, между отдельными районами и, наконец, внутри каждого отдельного района есть необходимое условие нормального существования сельского хозяйства в целом.

Центральные рынки—Москва и Ленинград, подобны сердцу, биение которого втягивает в себя миллионы пудов сырья, продовольствия, мяса и т. д. и выбрасывает обратно миллионы пудов мануфактуры, сахара, железа, гвоздей, сельхоз. машин и т. д.

Роль кровеносных сосудов в обращении товаров играет сеть железнодорожных и водных путей, а внутри районов—крестьянский транспорт. Остановка движения, разрыв рыночной связи немедленно отзовутся в отдельных районах, а отсюда—на всем сельском хозяйстве в целом. Зависимость районов один от другого только по ввозу была следующей:

	Районы с превышением прибытий над отправлениями хлебов (в миллионах пудов).		Районы с превышением отправлений над прибытиями хлебов	
	1901—1903 г.	1908—1911 г.	1901—1903 г.	1908—1911 г.
Северный	8,1	11,6	—	—
Озерный	65,7	71,6	—	—
Прибалтийский	54,6	75,6	—	—
Северо-Западн.	17,3	27,0	—	—
Центральный	44,4	62,2	—	—
Привислинский	79,8	77,5	—	—
Средне-Волжск.	—	—	28,7	34,2
Заволжский	—	—	24,7	49.5
Заднепровский	—	—	53,3	35,5
Южно-Степной	—	—	—	17,0
Днепр.-Донской	—	—	110,3	110,3
Волжско-Донской	—	—	81,2	95,6
Северо-Кавказский	—	—	71,5	111;2
64 губернии России	—	—	90,0	135,9 [1]).

Первые шесть районов не могут существовать без восьми остальных, не нарушая всего хозяйственного строя внутри районов. В свою очередь восемь последних не могут существовать в неизменных условиях при устранении связи с шестью первыми. Кроме того, существует связь промышленных центров с сельским хозяйством в целом и с его сырьевыми базами в частности.

ГЛАВА IV

1. Подъем сельского хозяйства

В XX столетии конъюнктура для развития нашего сельского хозяйства сложилась довольно благоприятная. Ликвидация после революции 1905 года выкупных платежей, переход к 1913 году до 30 миллионов десятин земли из рук помещиков в руки крестьян, повышение цен на хлеб и особенно на промышленные культуры на рынке—все это увеличило возможности подвижек в нашем сельском хозяйстве. Повышение продукции хлебов дало возможность вывозить в XX столетии значительно больше хлеба, чем прежде. Так,

в 1861—1865 г.г.	было	вывезено	79,8	милл.	пуд.	всех хлебов	100%
„ 1866—1870 „	„	„	130,0	„	„	„	163 „
„ 1896—1900 „	„	„	444,0	„	„	„	556 „
„ 1901—1905 „	„	„	608,0	„	„	„	762 „
„ 1906—1910 „	„	„	615,0	„	„	„	770 „
„ 1911 г.	„	„	824,0	„	„	„	1032 „
„ 1912 „	„	„	551,0	„	„	„	691 „
„ 1913 „	„	„	650,0	„	„	„	815 „ [1]).

Общее увеличение посевной площади и сборов хлебов нами уже было приведено. Что касается цен, то индексы различных товаров

[1]) Лященко, „Зерновое хозяйство", стр. 51.

дали следующее колебание за 1900—1913 г.г. (1890—1899 г.г. приняты за 100).

Годы.	По всем товарам.	Хлебные продукты.	Животные продукты.	Химическ. продукты.	Бакалейные товары.
1900	112	98	117	103	103
1901	114	106	115	101	108
1902	110	112	121	99	102
1903	107	102	121	98	104
1904	111	106	121	102	108
1905	115	117	127	105	108
1906	124	122	137	112	108
1907	131	146	148	121	106
1908	125	146	148	115	102
1909	127	135	152	111	101
1910	128	117	154	113	104
1911	130	128	143	117	110
1912	138	145	153	122	118
1913	136	128	168	119	112[1]).

Из приведенной таблицы видно, что хлебные товары имели более высокие индексы за целый ряд лет из приведенных 14 лет. По отношению же к отдельным группам товаров, как бакалее и химическим, положение хлебов было особенно благоприятным. В исключительном положении находятся животные продукты. Они дают превышение, сравнительно со всеми другими продуктами, на довольно значительный процент—168% вместо 136 для всех товаров, 120—для хлебных, 119—для химических и 112—для бакалейных. Каждый пуд животных продуктов в 1913 г. мог покупать значительно больше всех товаров, чем в 1900 г. При таком положении производители животных продуктов в 1913 г. получали из национального дохода большую долю сравнительно с 1900 г.; если бы эта часть полностью шла непосредственно товаропроизводителям, то темп развития животноводства при всех равных данных должен бы быть значительно большим.

Благоприятная рыночная коньюнктура для животных продуктов была результатом развития не только нашего народного хозяйства: повышение цен было продиктовано мировым рынком.

2. Сельское хозяйство и народное хозяйство

Сельское хозяйство нельзя рассматривать изолированным, создавать для него планы, игнорируя развитие всего народного хозяйства. Это положение считается общепринятым среди буржуазных ученых Западной Европы[2]). Мы не приводим ссылок на Ленина, Маркса, Каут-

[1]) „Труды по изучению современной дороговизны", т. I, Маслов, стр. 32.

[2]) См. Aereboe, „Allgemeine landwirtschaftl. Betriebslehre", 1923, S. 1. Wigodzinski, „Agrarwesen und Agrarpolitik", 1920, S. 8. Skalweit, „Agrarpolitik". Boyle, „Agricultural Economics", 1921, p. 1—15.

ского, которые нашим доморощенным экономистам кажутся „засохшими ортодоксами", оторванными от жизни. Всякое исследование сельского хозяйства, чтобы быть плодотворным, необходимо предполагает методологически включение сельского хозяйства в общую схему народного хозяйства. Совершенно ясно, что рост сельского хозяйства, как одной из отраслей всего хозяйства, не может происходить самостоятельно. Подъем всего народного хозяйства может происходить только всей совокупностью, особенно у нас—замкнутых с промышленными изделиями на внутреннем рынке. Обычно прогресс сельского хозяйства начинается с момента роста внутренней национальной промышленности. Революция в земледелии вызывается крупной промышленностью, говорил Маркс, при чем интенсификация земледелия возможна только на определенной ступени промышленного развития [1]).

ГЛАВА V

1. Мировой рынок и сельское хозяйство

Посмотрим, как действует внешний рынок на состояние нашего сельского хозяйства. Связь СССР с мировым рынком держится вывозом сырья и продовольствия и ввозом фабрикатов.

Экономическое состояние всякой страны, включенной в мировой товарооборот, может быть разделено на три стадии. Первая стадия—самая долгая по времени и самая разорительная для народного хозяйства включенной в товарооборот отсталой страны. В страну ввозящую, например, СССР, проникает иноземный торговый капитал, не заинтересованный в усовершенствовании производства. Начинается планомерное ограбление страны. Вывозится все, что может дать страна лучшего—меха, волокно, кожи, мед и т. д.

Включение в мировой товарооборот страны с натуральным хозяйством по преимуществу является основанием для разложения натурального и вырастания денежного хозяйства внутри страны. На определенной стадии известное количество торговых капиталистов переходит в качественно отличный тип капиталистов-промышленников.

Расширяясь в глубь территории, захватывая все большее количество объектов эксплоатации, торговый капитал вынужден строить транспорт: железные дороги и водные пути. Постройка железных дорог и речных судов, как отмечал уже Маркс в письме к Николай—ону, должно обязательно вызвать постройку ремонтных мастерских и целого ряда заводов, работающих на новостроящийся транспорт.

---

[1]) Aereboe „Al. land. Betriebslehre", S. 239.

Постройка желдорог пробуждает силы, спавшие до сих пор в глубинах полунатурального строя, оторванных от общения с рынком. Появляется целый ряд новых отраслей промышленности. Существовавшие раньше, например, текстильные фабрики стремительно расширяют свое производство, так как новые железные дороги расширяют рынки сбыта для промышленных изделий.

Вместе с железнодорожным строительством для страны начинается вторая стадия „смычки" с мировым хозяйством. Хозяйство ввергается в горячку наживы. Перед заскорузлым крестьянином вместо традиционных предрассудков во весь рост встает стихия рынка.

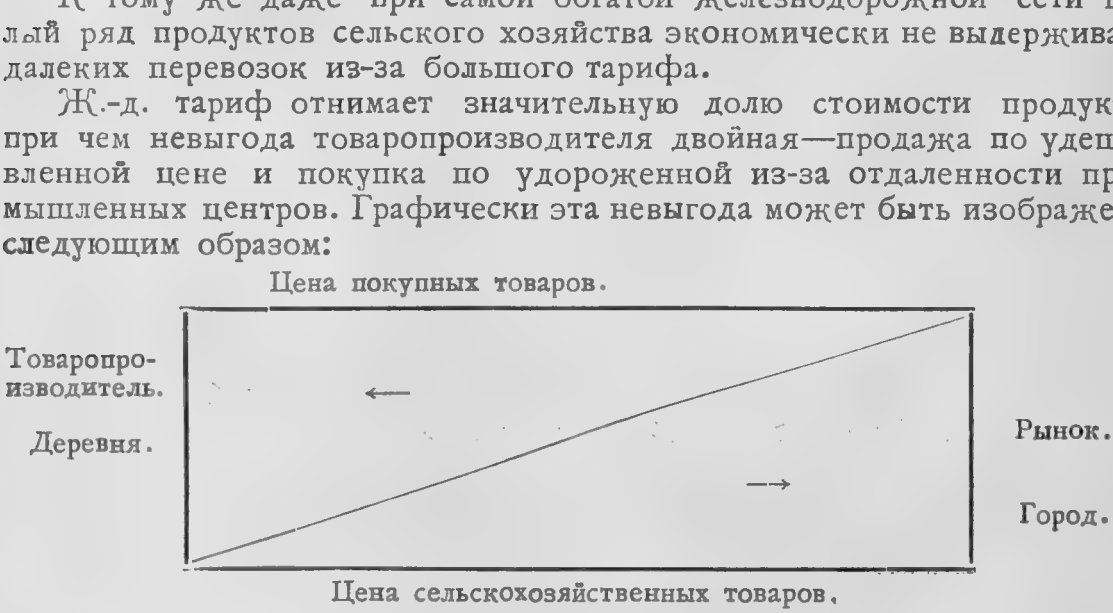
Наконец третья ступень—когда в стране в связи с накоплением капитала вырастает туземная промышленность, которая широко захватывает целый ряд отраслей. Из-за границы приливает капитал, который, инвестируясь в промышленные предприятия, увеличивает рост городской индустрии. Страна получает в системе мирового хозяйства совсем другое значение. Она увеличивает вывоз фабриката и относительно и абсолютно уменьшает вывоз сырья и продовольствия. Изменение пропорций вывоза сырья и фабрикатов является лучшим барометром индустриализации страны.

2. Мировой рынок и сельское хозяйство СССР

Влияние на сельское хозяйство мирового рынка отчетливо представлено примером СССР. Что характерно для сельского хозяйства СССР? Железные дороги перебрасывают, главным образом, нескоропортящиеся продукты—зерно, живой скот, лес, грубые корма и т. д. Следовательно торговля СССР отличается слабой дифференциацией своих объектов. Для перевозки категорий скоропортящихся грузов на большое расстояние нужны значительные приспособления—холодильники, специальные склады, устройство портов и т. д.

К тому же даже при самой богатой железнодорожной сети целый ряд продуктов сельского хозяйства экономически не выдерживает далеких перевозок из-за большого тарифа.

Ж.-д. тариф отнимает значительную долю стоимости продукта, при чем невыгода товаропроизводителя двойная—продажа по удешевленной цене и покупка по удороженной из-за отдаленности промышленных центров. Графически эта невыгода может быть изображена следующим образом:



Чем ближе к рынку сельский хозяин, тем более высокую цену получает он за свои продукты и тем по более низким покупает городские товары[1]). Поэтому связь сельского хозяйства с мировым рынком не обеспечивает предпосылок, необходимых для его интенсификации.

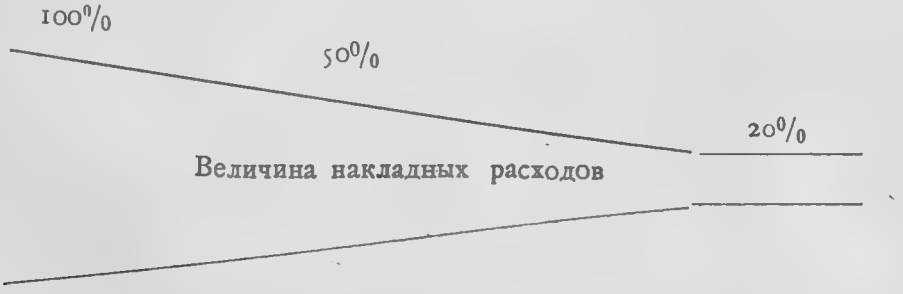
3. Внутренний рынок и сельское хозяйство

В стране со слабой промышленностью между производителем и потребителем обычно стоит целый ряд мелких, крупных и крупнейших представителей торгового капитала—посредников.

Из-за скудости капиталов учетный процент в такой стране обычно выше, чем в промышленно-развитых странах. Незначительность оборота, малое разнообразие товаров увеличивают накладные расходы каждой единицы товара.

Товары городской промышленности продаются значительно выше, чем товары в промышленно-развитых странах. Дешевизна продукта достигается массовым производством. Страна со слабой промышленностью может рассчитывать только на свой малоемкий внутренний рынок, а следовательно, не может использовать, на первое время, выгоды массового производства. Слабость промышленного развития, отсутствие элеваторной системы и холодильников ставят наш экспорт в подчинение иностранным скупщикам. Наша пшеница расценивается значительно ниже, чем американская [2]). Сибирское масло вывозится в Голландию и Данию, чтобы после переупаковки отправиться со значительным увеличением цены на английский рынок, но под маркой датского маслодела.

Все подобные вычеты дают значительную сумму недоборов для крестьянского хозяйства. Весь вопрос, следовательно, заключается в том, какова величина части цены, которая поглощается перекупщиками, транспортом и прочими накладными расходами, с одной стороны, и с другой,—как эволюционируют цены товаров, нужных сельскому хозяину. Промышленное развитие стран дает нам возможность изобразить процесс уменьшения накладных расходов следующим графиком (%% взяты произвольные).



[1]) Необходимо еще прибавить, что при перевозке скота, например, живьем, помимо отмеченных расходов, получаются дополнительные потери от перевозки. Так, бык при перевозке живьем на расстояние 1.600 верст теряет в весе 2—2½ пуда, к чему прибавляются попутные расходы—проводник, загоны, падеж и т. д. См. „На новых путях", 5/1 А. А. Рыбников, стр. 438.

[2]) Boyle, „Agricultural Economics". 1921., стр. 412.

С развитием внутреннего рынка, как следствия роста туземной промышленности, накладные расходы должны падать. Сокращение накладных непроизводственных расходов, удешевление производственных расходов, вызывающее в результате понижение цен фабриката, являются основанием для интенсификации сельского хозяйства [1]).

Что значит интенсификация сельского хозяйства? Большая трата капитала на единицу площади,—капитала, объединяющего понятие живого и накопленного труда. Конкретно эта выражается в трате средств на покупку сельскохозяйственных орудий, машин, перевозочных средств, хозяйственных построек и т. д.

Большая трата капитала обозначает введение удобрения, трудоемких культур, изменение в связи с этим самой системы землепользования, введение усовершенствованных орудий обработки и т. д.

С ростом интенсификации сельского хозяйства должны быть построены амбары, особые склады, скотные дворы,—словом, страна из деревянной должна превратиться в железную. Каждый производитель получает силу, с помощью которой он извлекает из земли в 2—3—5 раз больше, чем прежде. Интенсивное хозяйство предполагает широкое дорожное строительство.

Обзаведение всем необходимым для ведения интенсивного хозяйства предполагает наличие соответствующего дохода от занятия сельским хозяйством. Если крестьянин Кубани продает 1.000 пудов пшеницы и за нее получает, вместо следуемых при продаже на мировом рынке 1.500 рублей, примерно лишь 700 рублей, то он теряет таким образом 800 рублей в порах торгового и посреднического аппарата и на транспорте. Такой оборот дела лишает материальной основы процесс интенсификации. Затем, как мы уже говорили, внешний рынок недосягаем для целого ряда отдельных культур. „Смычка" с мировым хозяйством держит аграрные страны в состоянии экстенсивного земледелия. „Нация, занимающаяся исключительно земледелием, подобна человеку, у которого нехватает одной руки для занятия материальным производством", сказал еще Лист [2]).

Развитие производительности труда в земледелии дало возможность выделиться, как особой отрасли, индустрии. В дальнейшем земледелие превратилось из определяющей в определяемую отрасль. Земледелие развивалось уже в зависимости от роста и развития промышленности [3]). Для сельского хозяйства стала важна развитая промышленность, но промышленность туземная, а не далекая иностранная. Развитие городов, промышленных поселков, железнодорожных станций, портов и т. д. обозначает умножение числа внутренних рынков и увеличение их емкости [4]). Туземная промышленность, во-первых,

---

[1]) Aereboe, „Al land Betriebslehre" стр. 258.

[2]) List, „Das nationale System der politischen Oekonomie", 1922, 4-te Aufl. То же русский перевод под ред. Трубникова, 1891 г., стр. 210.

[3]) Ленин, „Собрание сочинений", т. IX, стр. 248.

[4]) Aeroboe, цит. соч., стр. 243. „Каждый новый телеграф, телефон, который касается посредственно или непосредственно поместья, каждый электрический кабель, каждый скототорговец, который попадает в край, каждый ветеринар, доктор, строитель, ремесленник, который оказывается вблизи, изменяют хозяйственное положение поместья, потому что все эти вещи имеют влияние на цену продуктов и средств производства хозяйства данного поместья".

удешевляет продукты, потребляемые деревней; во-вторых, уменьшает издержки на транспорт, приближая производителя к рынку; в-третьих, удешевляет процент на ссудный капитал [1]); в четвертых, подчиняя сельское хозяйство все более рынку, промышленность вводит большее разделение труда как между отдельными районами, так и между отдельными хозяйствами внутри районов.

В конечном счете невысокие цены на хлеб сами по себе, но высокая эквивалентность сельскохозяйственных продуктов, большая частота товарооборота важна для процесса интенсификации, процесса дифференциации, а в связи с этим роста производительных сил в сельском хозяйстве.

4. Промышленность и сельское хозяйство

Россия должна быть по нашей схеме отнесена к началу 3-й ступени. 90-е годы XIX столетия достаточно твердо поставили Россию в положение промышленно-развивающейся страны. Развивались новые промышленные очаги, как Юг, Кузнецк в Сибири, оживляя внутренний рынок. Быстрое железнодорожное строительство вызвало постройку ряда гигантов-заводов. Рост металлургии вызвал к жизни много предприятий, связанных с работой железнодорожного строительства и крупной металлургии. Сахарная промышленность, спиртовая, крахмально-паточная, как связанные с сельским хозяйством, влили в него совершенно новую струю. К властителю дум товаропроизводителя—мировому рынку—прибавился внутренний рынок. В зависимости от темпа роста промышленности перестраивалось и росло сельское хозяйство. Когда мы говорим, что рост производительности труда в сельском хозяйстве с 1900 по 1913 год поднялся на 17%, мы, считая этот рост слабым, при иных условиях допускаем более сильный темп. Мы должны поэтому обратиться к основному фактору, воздействующему на сельское хозяйство,—к промышленности. Каков был ее рост? На этот вопрос могут дать нам ответ следующие таблицы.

Валовая продукция в милл. рублей

	1890 г.	1893 г.	1900 г.	1908 г.	1913 г.
Текстильная	515	637	842	1.312	1.840
Пищево-вкусовая	411	421	686	1.181	1.562
Животная	68	72	111	158	227
Бум.-полиграф.	33	38	80	130	207
Керамическая	31	33	80	96	206
Обработ. дерева	36	40	97	122	246
Химическая	46	56	97	175	327
Металлическая	127	170	379	427	—
Металлургическая	87	117	243	215	—
Вся металл. пром.	214	287	615	643	1.453
Каменный уголь	18	23	99	125	253

1) Каутский, „Аграрный вопрос", изд. 1906 г. „Именно промышленность создала затем технические и научные условия нового рационального сельского хозяйства, революционизировала его при помощи машин, искусственного удобрения, микроскопа и химических лабораторий". Стр. 395.

Основной капитал в милл. рублей

	1890 г.	1893 г.	1900 г.	1908 г.	1913 г.
Текстильная	314	388	510	796	1.115
Пищево-вкусовая	353	363	585	1.008	1.381
Животная	35	35	53	76	109
Бум.-полиграф.	38	43	91	149	237
Керамическая	51	54	137	152	342
Обработ. дерева	34	39	95	118	228
Химическая	37	45	78	141	263
Металлическая	42	84	180	212	478
Металлургическая	205	276	571	509	1.148
Вся металл. пром.	247	360	751	722	1.626
Каменный уголь	37	47	203	254	515
Нефть	6,45	6,86	45	97	196
Всего	**1.156**	**1.385**	**2.551**	**3.517**	**5.965**

Валовая продукция в относительных величинах

	1908 г. = 100.			%	%
Текстильная	39,5	48,8	54,1	100	140
Пищево-вкусовая	35	36	58	100	132
Животная	47	46	70	100	143
Бум.-полиграф.	25	29	61	100	159
Керамическая	34	36	83	100	225
Обработ. дерева	28	33	80	100	197
Химическая	26	32	55	100	186
Металлическая	29	39	89	100	—
Металлургическая	40	54	112	100	—
Вся металл. пром.	—	—	—	100	225
Каменный уголь	14	18	80	100	202 [1].

Развитие нашей промышленности шло скачкообразно: с 1890 г. по 1913 г. мы имеем два скачка. Первый—с 1893 по 1900 г.—эпоха грюндерства, когда предприятия росли с необычайной быстротой, капиталы приливали в Россию с беспримерной стремительностью. По отдельным отраслям в этот период имеется более чем удвоение, а по тяжелой индустрии, для угля, продукция увеличилась почти в пять раз, для всей металлической промышленности—почти в три раза. Основной капитал увеличивался за этот период на 12% ежегодно, вместо 6,6% для 1890—1893 г.г.

После такого блестящего выступления наша промышленность пережила период тяжелой депрессии с 1903 до 1908 г., при чем пережитая депрессия в России обусловливалась „не мировыми, а исключительно местными причинами“ [2]). В то время как Соединенные Штаты, Англия и Германия легко оправились от кризиса 1901 года, они до этого кризиса и после этого кризиса обнаружили быстрый и непрерывный рост производства [3]), в России, как мы видим, депрессия сильно затянулась.

---

[1]) Зайцев, т. I, II, стр. 25.

[2]) „Записка Совета съездов Представителей Промышленности и Торговли о мерах к подъему отечественной железной пром. и машиностроения“, 1908 г., стр. 9.

[3]) Там-же, стр. 8.

Новый скачок начался с 1908 года. Вся металлическая промышленность увеличила продукцию более чем вдвое—с 643 милл. рублей до 1.453 милл. р. Каменный уголь то же. Все остальные отрасли промышленности меньше пострадали во время депрессии, чем тяжелая индустрия, они обнаружили легкость ускорения темпа производства вплоть до удвоения.

Основной капитал вырос с 1908 по 1913 г. с 3.517 милл. рублей до 5.965 миллионов рублей в 1913 г. Ежегодно рост равнялся 17%; увеличение в общем равно 516%. К началу войны Россия переживала полосу значительного подъема. Война варварски разрушила поступательный ход русского народного хозяйства и ввергла его в пучину лишений и тягчайшей разрухи.

Причины порывистого движения нашей промышленности могут быть объяснены слабой связанностью тяжелой индустрии с внутренним рынком. Когда представители промышленности намечали необходимые меры для подъема тяжелой индустрии, то они прежде всего заявили, что спрос сельского хозяйства на металл ничтожен [1]). При среднем душевом потреблении 1,16 пуда чугуна для всей России исключительно сельскохозяйственные губернии потребляли значительно меньше—от 0,07 до 0,96 пуда на душу.

Незначительное потребление сельско-хозяйственным населением металла заставляло ориентироваться промышленников на государственные заказы, на заказы городского строительства, судостроения и т д. [2]).

Следовательно тяжелая индустрия, взрощенная государственными заказами, развила свои производственные возможности вне связи с широкими потребностями народного хозяйства в целом.

Отсюда хроническое перепроизводство промышленных изделий. В течение 1903—1908 г. г. заводы работали с неполной нагрузкой. В то же время в стране был сильнейший машинный голод; земля обрабатывалась сохами; сложные машины были редким явлением.

Меньше от кризиса пострадали отрасли, ближе связанные с потреблением населения, как текстильная, пищево-вкусовая и другие.

Несмотря на слабую связь непосредственно деревенского рынка с тяжелой индустрией, промышленный подъем 1908—1913 годов живо отозвался на сельском хозяйстве. Потребление машин, искусственного удобрения и проч. товаров сильно увеличилось за этот период. В деревне происходил процесс усиленной дифференциации, что увеличило емкость деревенского рынка.

5. Смычка нашей промышленности с сельским хозяйством

Взаимная неувязка промышленности и сельского хозяйства, помимо условий, лежавших на стороне самого сельского хозяйства—мы об этом будем говорить позже,— вызывалась глубокой диспропорцией

---

1) „Записка Совета създов Представителей Промышленности...“, стр. 25.

2) Там же, стр. 37. „Очевидно мечтать об укреплении нашей металлургической пром. на почве подков, осей, кованых колес, плугов и спасительных для русского крестьянина железных крыш практическим людям вовсе не к лицу“.

цен на сельскохозяйственные машины, железо, чугун, с одной стороны, и сельскохозяйственные продукты,—с другой. Сравнительно с другими странами, мы имели до войны сильный раствор „ножниц", как теперь принято выражаться.

В силу общих социально-политических условий у нас прививалась промышленность крайне медленно. Она требовала постоянного покровительства путем увеличения таможенного тарифа. Но, несмотря на поощрительные меры, она консервировалась на долгие годы в одних и тех же технически-производственных условиях. Германия, Англия и Соединенные Штаты чрезвычайно быстро меняли свое техническое оборудование предприятий, вызывая тем самым удешевление товаров. Этот метод конкурентной борьбы—удешевление товаров—был мало применяем нашими промышленниками. В результате самые высокие пошлины не могли спасти нашей промышленности от гнетущей конкуренции Запада. Приходилось время от времени повышать установленные таможенные ставки. Посредством таможенных застав Россия как бы отодвигалась на задний план среди промышленно-развитых стран. Здесь вполне применимы слова Ленина, что кто не движется вперед в общественной жизни, тот остается назади.

Применительно к сельскому хозяйству покровительство нашей промышленности вызывало дороговизну сельскохозяйственных машин при более дешевых ценах на хлеб, чем за границей.

Наиболее ходовые орудия, особенно в мелком крестьянском хозяйстве,—косы и серпы были обложены:

в 1819	году	30	коп.	серебром	за	пуд.	в 1881	году	55	коп.	золотом	за	пуд.
„ 1841	„	40	„	„	„	„	„ 1885	„	120	„	„	„	„
„ 1858	„	42	„	„	„	„	„ 1887	„	140	„	„	„	„
„ 1862	„	44	„	„	„	„	„ 1894	„	120	„	„	„	„
							„ 1910	„	165	„	„	„	„

Кроме значительных транспортных расходов, удорожавших орудия и машины, на них еще налагалась пошлина. Дорогие цены на серпы и косы сужали потребление даже таких первобытных орудий.

Что касается всех сельскохозяйственных машин и орудий, то здесь политика покровительства нашей внутренней промышленности со стороны правительства пережила несколько этапов. До 1885 г. ввоз сельскохозяйственных машин был беспошлинным. В то время, однако, выгоды, получавшиеся от беспошлинного ввоза, значительно ослаблялись большими транспортными расходами. „Отечественное машиностроение имеет уже достаточную охрану в высокой стоимости доставки иностранных машин в Россию". Так гласило постановление Комитета 1852 года[1]).

Как мы уже говорили, в стране со слабым товарооборотом к стоимости каждой единицы товара прибавляется значительный процент

[1]) Литошенко, „Таможенное обложение", стр. 2.

накладных торгово-посреднических расходов [1]). Об этом Мец писал еще в 1885 году, но положение мало изменилось и в 1915 году, когда о той же самой армии агентов, которая пожирает значительную долю прибылей промышленника, писал Уралец в „Горно-Заводском Листке“ [2]). Это явление было характерной особенностью нашей отсталой экономики.

Рынок был внутри России настолько слабо организован, что плуг, стоивший в Польше 5 р. 30 к., в Москве продавался за 8 руб. „Громадность русской территории—и слабость транспортных средств, добавим мы от себя,—обращает наших заводчиков „в районных монополистов“ [3]).

Общая тенденция цен на промышленные изделия шла до 90-х годов на понижение. С введением у нас в 1885 году пошлин на ввозные сельскохозяйственные машины в размере 50 коп. за пуд, повысились цены всех сельскохозяйственных машин на внутреннем рынке. Примерно, плуг Сакка одной и той же марки стоил до 1885 года 27 р., в 1889 году—32 р. Молотилка стоила до 1885 г. 550 р., в 1889 г.—600 р. и т. д. [4]).

Пошлина на сельскохозяйственные машины была повышена в 1877 году до 70 коп. с пуда. Части сельскохозяйственных машин облагались еще дороже. В 1893—1894 г. пошлина была понижена до 50 коп. с пуда. В 1898 г. некоторые машины разрешено ввозить беспошлинно, как-то: жнейки, сенокосилки и некоторые другие, а остальные—с пошлиной в 75 коп. с пуда. Эти условия ввоза существовали до 1911 года.

Борьба вокруг пошлин заставила промышленников, заинтересованных в пошлинах, изложить причины своих требований. Наиболее интересна в этом отношении записка профессора Афанасьева, который считал, что пошлины необходимы из-за русских условий производства. При этом он дал расчет стоимости сырья у нас сравнительно с Западом. Так:

	Чугун	Железо полосовое	Железо листовое
	(в кредитных рублях за пуд.).		
В России	1 р. 23 к.	2 р. 24 к.	3 р. 16 к.
У иностранцев	— 51 „	1 „ 21 „	1 „ 71 „

Самый процесс выработки у нас обходился дороже из-за малой производительности рабочего. Кредит у иностранцев был выгоднее и шире, как и сбыт изделий. Даже наши железные дороги с их тарифами были выгоднее иностранцам из-за массовых перевозок ино-

---

[1]) Там же, стр. 14. Мец, „Тотчас же являются полчища экспедиторов, агентов-посредников, содержание которых обходится не дешевле любой гвардии“.

[2]) „Горнозаводский Листок“, 1905 г., № 3.

[3]) Литошенко, „Таможенное обложение“, стр. 31.

[4]) Там же, стр. 99.

странных машин [1]). Условия, отмеченные профессором Афанасьевым в 1887 году, не претерпели значительного изменения вплоть до 1915 года.

В этом последнем году IX съезд представителей промышленности и торговли отметил те же недостатки сельскохозяйственного машиностроения, умалчивая лишь о дороговизне сырья. Разница цен на сельхозмашины, по мнению съезда, внутреннего производства, по сравнению с иностранными, составляла 40—50% продажной цены привозной машины. Промышленникам пошлина в 75 коп. за пуд казалась недостаточной [2]).

Заявление съезда особенно интересно тем, что оно сделано после некоторого понижения цен на сельскохозяйственные машины, которое имело место после 1898 года.

Тип нашего промышленника—полная противоположность фордизму. У нас—хождение по казенным канцеляриям, ходатайство о пошлинах, казенных заказах, различных льготах, вместо реорганизации производства. Фордизм выявляется в рационализации производства, в удешевлении промышленных изделий.

Машина играет в сельском хозяйстве колоссальную роль. Можно, пожалуй, провести прямую пропорциональность между машинизацией и интенсификацией сельскохозяйственного производства. Россия мало употребляла машин и мало интенсифицировала сельское хозяйство, так как ножницы и диспропорция цен на с.-х. продукты и на промышленные товары мешали это делать.

Совершенно иное пропорциональное отношение между ценами на промышленные изделия вообще и сельскохозяйственные машины в частности и ценами на сельскохозяйственные продукты имеет место в Германии. Движение цен на машины выражено в следующих таблицах:

---

1) Литошенко, „Таможенное обложение", стр. 20.

2) „Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России", 1915 г., стр. 180.

По вычислениям проф. Соболева, таможенные ставки к цене облагаемых товаров составляют:

1866—1870 г. г.	14,9%
1886—1890 „	28,1 „
1906—1910 „	30,5 „

„Расценка русских машин определялась заводчиками не по стоимости затрат на производство, а все время следовала за расценкой таможенных пошлин и ввозом иностранных машин. Поэтому самые высокие пошлины нисколько не стесняли иностранного ввоза".

„Труды Совещания 15—18/X 1915 г. по вопросам обеспечения населения с.-х. инвентарем".

Годы.	Сеялка 17-рядн. (цены в марках).	% %	Плуг 2—3-рядн.	% %
1858	—	—	150	115
1864	714	100	130	100
1868	680	95	120	92
1869	622	87	—	—
1870	600	84	115	88
1873	—	—	135	104
1874	—	—	115	88
1877	525	74	90	69
1879	420	59	70	54
1880	—	—	—	—
1882	—	—	62	48
1885	390	55	56	43
1890	363	51	50	38
1895	375	52	50	38
1896	—	—	50	38
1902	362	51	50	38
1906	346	48	50	38
1910	331	46	53	41[1])

Еще интереснее стоимость сельскохозяйственных машин, выраженная в пшенице, мясе и рабочей силе:

Годы.	17-рядн. сеялка стоила центн.				Плуг Сакка стоил центнеров			
	пшеницы.	ржи.	мяса.	раб. дней.	пшеницы.	ржи.	мяса.	раб. дней.
1858	—	—	—	—	14	18	4	136
1864	70	92	20	550	12	16	3	100
1868	66	88	19	523	11	15	3	86
1870	59	78	17	428	11	14	3	82
1876	50	60	9	276	8	10	1	50
1879	43	58	7	220	7	9	1	35
1885	48	55	6	185	6	7	0,9	28
1890	38	42	5	173	5	5	0,7	24
1905	—	—	—	—	5	7	0,7	16
1906	40	44	4	115	—	—	—	—
1910	32	44	4	110	5	7	0,6	17[2])

Приблизительно так же изменялась цена минеральных удобрений, что видно из следующей таблицы:

[1]) Lichtenberger, „Untersuchungen", S. 76; см. так же Aereboe, цит. соч., стр. 256, 380, 389.

[2]) Ibid. S. 76.

Цена минеральных удобрений:

	%	%
Костяная мука	1868—1883 = 100	1891—1897 = 64
Суперфосфат	1870—1879 = 100	1896—1904 = 48
Чилийская соль	1880—1884 = 100	1900—1905 = 72
Серный аммоний	1880—1884 = 100	1900—1905 = 68[1])

Чтобы сделать картину довоенной диспропорции между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственные товары более ясной, мы приводим хлебные цены нашего внутреннего рынка и иностранного. При чем цены нашего внутреннего рынка делятся на два разряда: местные—это цены в местах продажи товаропроизводителями непосредственно купцам; рыночные—это цены в портах Черного, Азовского и Балтийского морей и на таких рынках, как Москва и Ленинград. Для непосредственного товаропроизводителя важна, конечно, цена местная, так как он по этой цене продает свой хлеб. Поэтому при сравнении разницы цен между внутренними ценами и иностранными необходимо это соображение принимать во внимание. Разница цен выражена в следующей таблице:

Средние цены на хлеба (в копейках за пуд)

Годы.	Россия на местных рынках.	Россия (рыночн. цены вообще).	Англия.	Франция.	Пруссия.
1881—1885	73	—	137	156	143
1886—1889	59	—	108	147	132
1891—1895	65	70	97	135	125
1896—1900	68	67	102	131	131
1901—1905	68	71	99	130	134
1906—1910	86	88	114	145	152
1911	95	85	—	—	—
1912	89	99	—	—	—
1913	80	82	—	—	—[2])

Сравнительно с иностранным рынком наш хлебопроизводитель на внутреннем рынке получал значительно меньшую цену за хлеб, чем его собрат в Германии, Англии или Франции, и покупал дороже промышленные изделия,—отсюда проистекает одна из основных причин нашей отсталости в сельском хозяйстве.

Удельный вес всей продукции промышленности у нас был незначителен. Для 1913 года он равен 2.566 милл. рублей при 5.630 милл. р. доходов от сельского хозяйства[3]). Территориальное размещение промышленности сводилось к немногим узловым пунктам. Блага близости

1) Lichtenberger, „Untersuchungen“, S. 76.
2) Лященко, „Зерновое хозяйство“, стр. 124—133; см. так же Брущкус, „Экономия сельского хозяйства“, 1924 г., стр. 103—106.
3) Прокопович, „Опыты исчисления“, стр. 86.

рынка пока касались очень незначительного процента сельских хозяйств. Все это вместе взятое объясняет различие возможностей ожелезивания сельского хозяйства у нас и за границей. Революционизирование сельского хозяйства промышленностью возможно лишь при установлении более или менее тесной связи этих двух отраслей. Взаимодействие здесь возможно лишь на базе большей эквивалентности сельскохозяйственных продуктов. Тогда промышленность проникнет в крестьянское хозяйство в целом и поведет его за собою по пути прогресса.

ГЛАВА VI

1. Крестьянская политика дворянского правительства

Более значительным фактором, задерживающим развитие сельского хозяйства, были социально-политические условия, в которых производил и обменивал свои продукты крестьянин. Эти социально-политические условия тяжелым грузом давили на рост производительных сил. Формула Маркса об имущественных отношениях, ставших в противоречие с ростом производительных сил, нагляднее всего иллюстрируется на русском примере. Производительные силы в 1917 г. взорвали юридическую покрышку.

Тормозом производительных сил была дворянская политика, которую вело правительство. Она выражалась в выдаче ссуд через дворянский поземельный банк на поддержание умирающих феодально-крепостнических поместий. Эти ссуды равнялись 873 милл. рублей, при чем здесь не считаются аннулированные долги при различных торжественных днях царствовавшего дома. К 873 милл. рубл. нужно еще прибавить 1.326 миллионов рублей ссуд, полученных через крестьянский банк, и 1.377 милл. рублей, полученных через частные банки. Всего ссуд получено 3.773 милл. рублей в счет заложенных 66 милл. десятин земли. На 1-е января 1914 г. осталось долга за землевладельцами 3.532 милл. рубл. [1]). Известно, что получаемые в ссуду деньги шли по преимуществу на личное потребление. В хозяйство шли ссуды лишь в виде исключения. Отсюда ясно все задерживающее влияние на развитие сельского хозяйства таких колоссальных сумм.

К последней сумме необходимо прибавить еще выкупные платежи в сумме 2.011 миллионов рублей, которые являются неприкрытой данью крепостнической клике со стороны крестьянства [2]). Крестьяне к 1914 году купили 35 миллионов десятин земли [3]). При этом цены, устанавливаемые дворянским и крестьянским банками, были значительно выше цен частных банков и рыночных. Так, десятина земли в 1914 г. оценивалась:

Крест. банком в	103 р.
Двор. банком „	97 „
Частными банками в	75 „ [4])

[1]) „Сборник статистико-экономических сведений", 8-й год издания, стр. 599.
[2]) Энциклопедический словарь Граната, 7-е издание, т. 12, стр. 18.
[3]) Кауфман, „Аграрный вопрос в России", 1919 г., стр. 54.
[4]) „Сборник статистико-экономических сведений", 8-й год издания, стр. 599.

БИБЛИОТЕКА

Деятельность земельных банков вызывала сильную спекуляцию землей, благодаря чему—опять-таки в интересах крупных землевладельцев—цены на землю ежегодно повышались. Например:

Годы.	В рублях за десятину.
1891	39
1892	45
1896	52
1897	71
1898	76
1900	79
1901	91
1906	127
1907	133
1008	139
1909	144
1910	136
1911	141
1912	145
1913	149[1]).

Опуская районные колебания цен на землю при покупках, мы приводим еще одну таблицу, чтобы подчеркнуть классово-собственническую политику земельных банков при покупках и продажах земли:

	За десятину. 1897 г.	1907 г.
При покупках не свыше 25 десятин земля продавалась по	127 р.	158 р.
от . . 25 до 500 дес. „	63 „	120 „
свыше 500 „ „	44 „	90 „[2]).

Существовал еще способ высасывания живительных соков из крестьянского хозяйства,—аренда. В XX веке, по минимальным расчетам, крестьяне арендовали у частных владельцев 20—25 миллионов десятин [3]).

По некоторым расчетам количество арендованной земли повышается до 50 миллионов [4]). Арендная плата обнаруживала также постоянную тенденцию к повышению. Чем ближе к 1913 году, тем выше росли арендные цены. Особенность положения крестьян, связанная с малоземельем, вызывала необходимость арендовать землю, невзирая на цену. Поэтому арендная плата поглощала не только весь доход с арендуемой земли, но захватывала и часть заработной платы крестьянина, обрабатывающего землю [5]).

К счету, в котором за каждой цифрой стоят тягчайшие страдания миллионов крестьян, в котором каждая цифра вопиет о преступной дикости дворянско-монархической власти, к этому счету необходимо

---

1) Кауфман, „Агр. вопр.“, стр. 173.
2) Там же, стр. 173.
3) Энциклопедический словарь Граната, 7-е издание, том 21, стр. 118.
4) Кауфман, „Аграрный вопрос“, стр. 77.
5) Косинский, „Аграрный вопрос“, т. I, 1906 г., стр. 291.

еще приписать жертвы налогового пресса. Последний сводил крестьян на лебеду и осиновую кору, заставлял проедать основной капитал,— скот и инвентарь [1]).

Обыкновенный бюджет России:

	в милл. рубл.	
за 1866 г.	431	
„ 1877 „	847	
„ 1896 „	1.242	
„ 1906 „	2.075	
„ 1908 „	2.656	исполненная роспись обыкновенных расходов.
„ 1909 „	2.607	
„ 1910 „	2.596	
„ 1911 „	2.974	
„ 1912 „	3.171 [2]).	

Задолженность наша поднялась к 1914 году до 9 миллиардов рублей, платежи по которой равнялись 402 милл. рублей ежегодно.

Помимо того, что взимание налогов мало считалось с хозяйственными соображениями, расходование собранных миллиардов целиком шло вразрез с интересами народного хозяйства. Пляска миллиардов совершалась во имя империалистических замыслов. Деньги бросались на морское и сухопутное вооружения, перевооружение крепостей.

Полная политическая придавленность, запрещение какой бы то ни было самодеятельности населения довершало картину застопоривания хозяйственного роста России. Россия, подобно великану, лежала, крепко связанная Пуришкевичами и Родичевыми.

Смотри также следующую таблицу:

Съемная или сдаточная цена десятины на 1 посев ржи (1908—1912 г.г.)

Центр.-Земледел. район	от 14,10— 27,77	к.
Нижне-Волжский „	„ 2 — 10,62	„
Юго-Западный „	„ 11 — 20,07	„
Новороссийский „	„ 9,29— 21,08	„
Промышленный „	„ 7,57— 28,86	„
Белорусский „	„ 9,58— 17,82	„
Литовский „	„ 9,30— 10,50	„
Приозерн. „	„ 8,35— 18,60	„
Прибалтийск. „	„ 17,42— 19,28	„
Приуральск. „	„ 5,79— 12,84	„
Северо-Кавказск. „	„ 21,77— —	
Зап. Сибирь „	„ 2,89— 6,29 [3]).	

Живучесть крепостнических и натуральных остатков, имевших место вплоть до Великой освободительной революции 1917 года, обеспечивалась всем социально-политическим строем.

При своей неустойчивости и малодоходности крестьянское хозяйство должно было содержать большие непроизводительные группы,—

[1]) Янсон, „Опыт статистического исследования", 1878. Он установил непосильность для крестьянского хозяйства взимаемых налогов.

[2]) Павлович, „Милитаризм и маринизм", 1918 г.

[3]) „Стоимость производства главных хлебов", вып. I, 1915, стр. 6.

помещиков, жандармерию, чиновничество, солдат и т. д. Для удовлетворения своих нужд и особенно для хозяйствования у него совсем не оставалась доходов [1]).

Отвлечение капитала от производительного применения не позволяло быстро развиваться и промышленности. Из народного хозяйства путем непроизводительного потребления извлекались дрожжи, взращивающие производительные силы. Создался как бы порочный круг: промышленность не находила сбыта, будучи окружена безинвентарными земледельческими хозяйствами. После революции 1905 года этот порочный круг был разорван.

2. Дифференциация деревни

Революция 1905 года является гранью, за которой в деревне усилися процесс дифференциации. Надежда получить землю исчезла. Волна крестьян, распродавая свои пожитки, двинулась за Урал, на новые места. Цифры перевезенных пассажиров по тарифу переселенцев по всем железным дорогам общего значения имели следующий вид [2]):

Годы.	
1903	570 т. чел.
1904	250 „ „
1905	250 „ „
1906	1.363 „ „
1907	3.666 „ „
1908	3.189 „ „
1909	3.192 „ „
1910	2.644 „ „
1911	1.902 „ „
1912	1.635 „ „

Массы крестьян в отчаянии всколыхнулись с насиженных мест. Они не могли на месте найти никакого заработка, промышленная депрессия еще не окончилась, и в города выход еще был закрыт. Насколько велика была резервная армия в деревне, показывает один расчет, гласящий, что посевную площадь Европейской России могли бы обработать 13,5 миллиона рабочих рук, а на этой территории в 1914 году жил 141 миллион населения. Если принять процент самодеятельного населения России в 24, как это делает Фалькнер, тогда окажется, что у нас было 24 миллиона свободных рабочих рук. Если же принять итальянскую норму самодеятельного населения—50%, тогда у нас в деревне окажется 57 миллионов излишних рабочих рук.

Промышленное оживление, начавшееся в 1908 году, уменьшило число уезжающих за Урал, так как поток деревенской рабочей силы раздвоился: один пошел в города, другой продолжал течь в Сибирь [3]).

В оставленной выходцами деревне совершалась с невиданной си-

---

1) Маслов, „Теория развития народного хозяйства", стр. 307.

2) „Статистический сборник Министерства Путей Сообщения", 1913 г.

3) Хрящева, „Крестьянство в войне и революции", 1921 г., стр. 30; см. также Челинцев, „Опыт изучения", 1919 г., стр. 92.

лой консолидация крепкого крестьянства в кулачество и еще большее отсеивание маломощных. В 1906 году были прекращены выкупные платежи. Крестьянский банк получил задание распродать землю испугавшихся дворян. В свою очередь переселенцы, убегая с насиженных мест, распродавали за бесценок свое имущество, немало способствуя укреплению кулака и средних элементов.

Столыпинское законодательство всю силу государственной власти обрушило на общины с целью выделения из них и за счет их крепких хозяев. С 1907 года по 1916 включительно было образовано 1.596.625 участковых хозяйств, составлявших 10,5% всех крестьянских хозяйств, на площади 15.896.095 десятин земли [1]).

Процесс расслоения деревни для всего народного хозяйства имел то значение, что увеличивал рыночность сельского хозяйства, расширял и углублял емкость деревенского рынка. Если к этому прибавить урожай хлебов 1909 и 1910 г. г., то под промышленное оживление 1908—1913 годов будет подведено реальное основание, а под кулачество—довольно твердый фундамент.

ГЛАВА VII

1. Рост потребления населения

В связи с общим промышленным подъемом и расслоением деревни увеличилось потребление населением изделий промышленности: сельскохозяйственных машин, минерального удобрения, тканей, сахару и т. д. Так:

Годы.	Общий привоз сель.-хоз. машин и орудий. в тысяч. пудов.	Общий привоз сель.-хоз. машин и орудий. в тысяч. рублей.	Внутреннее производство без кустарей в милл. руб.	Перевозки по ж. д. сельскохоз. машин и орудий в м. п.	Операции зем. скл. по прод. с.-х. машин и орудий в милл. руб.	Рост субсидии Д. землед. в милл. р.	Привоз минеральн. удобрения в милл. пуд.
1889	—	—	—	—	—	—	5,8
1895	1.507	10.090	9,6	2,9	—	—	5,9
1896	1.325	9.690	—	4,5	—	—	—
1897	1.227	7.557	—	4,3	—	—	—
1898	186	11.471	—	5,8	—	—	—
1899	2.290	14.082	—	7,0	—	—	—
1900	2.586	15.856	12,0	8,2	—	—	5,9
1901	2.903	18.261	—	8,3	5,0	5,6	6,6
1902	3.701	20.195	—	10,7	6,0	—	7,0
1903	4.753	27.654	—	12,9	7,9	—	6,7
1904	4.231	20.592	—	13,2	8,8	—	6,7
1905	3.844	20.253	—	12,9	9,5	—	7,1
1906	4.134	20.251	20,0	14.2	8,3	—	7,8
1907	5.030	23.099	24,0	16,1	9,0	7,4	9,4
1908	4.514	27.723	33,0	18,4	9,2	—	10,2
1909	6.698	40.140	35,0	21,6	9,9	—	15 4
1910	7.136	42.118	44,0	24,5	11,7	—	22,8
1911	9.683	55.279	50,3	27,7	12,0	—	26,4
1912	11.066	59.477	52,6	29,7	13,9	38,4	35,3

[1]) „О земле", выпуск I, 1921 г., стр. 60.

Внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий в 1912 году распадалось на следующие виды:

	В милл. р.	В %%
Орудия обработки почвы.	10,4	19,9
Сеялок.	8,3	15,8
Уборочных машин и орудий . . .	13,1	25,0
Зерноочистительных и сортиров. .	2,4	4,7
Молотилок и приводов к ним. . .	10,8	20,7
Машин для подготовки кормов . .	1,3	2,5
Механических двигателей.	2,6	5,0
Прочих машин и запасн. частей. .	3,3	6,6
Всего.	52,6	100 [1].

Перечисление выделывавшихся машин и орудий показывает, что к 1912 году наше сельскохозяйственное машиностроение развилось достаточно быстро. Развитие этой отрасли промышленности является одним из видов включения нашего сельского хозяйства в общепромышленный оборот, в систему капиталистического народного хозяйства.

Еще более приспособление промышленной деятельности к нуждам сельского хозяйства сказалось в организации производства минеральных удобрений. Потребность в минеральных удобрениях после 1908 г. стала быстро расти, поднявшись с 10 милл. пудов ввоза для 1908 г. до 35 для 1912 года. Это обстоятельство, учтенное промышленниками, заставило начать производство минеральных удобрений внутри России.

Производство минеральных удобрений в России

	Суперфосфат.	Серно-кислый аммон.	Фосфор. мука.	Томас-шлак.
1907	4,1	200	220	1.200
1908	4,3	200	230	1.100
1909	5,2	200	320	1.250
1910	5.2	460	440	1.900
1911	5,3	420	500	1.730 [2].

Значение расслоения деревни для увеличения емкости рынка бесспорно. Это доказывается оборотами земских складов по продаже машин и орудий. Так, из Самарского губернского земского склада в 1908 году 96% всех проданных машин и орудий пошли крестьянам. Из Казанского земского склада крестьяне купили в 1907 году 66% всех проданных машин и орудий. В Харьковском земском складе за 6 лет с 1903 по 1908 г.—90% всех продаж падало на крестьянские покупки [3]. На-ряду с ростом потребления машин и орудий увеличилось потребление чугуна и угля, хотя незначительно, и несколько больше увеличилось потребление сахара и тканей. Душевое потребление различных продуктов было следующим:

---

[1]) „Сельскохозяйственный промысел в России", 1914 г.
[2]) Там же.
[3]) Литошенко, „Таможенное обложение", стр. 131.

	Чугуна на душу в пуд.	Х.-б.ткан. на душу в фун.	Сахара на душу в фун.	Кожи на душу	
1900	1,56	—	12,0	—	
1901	1,46	3.6	12,7	—	
1902	1,26	3,8	12,9	—	
1903	1,22	3,8	13,3	—	
1904	1,41	3,8	13,3	—	
1905	1,28	3,4	14,5	—	
1906	1,21	3.7	14,5	—	
1907	1,16	3,7	14,5	—	
1908	—	3,9	14,5	—	
1909	—	4,0	15,8	—	в Зап.Евр. 3 ф., Ам. 7 ф.,
1910	—	4,1	15,5	1,68	в России 1 пара обуви
1911	1,51	—	17,8		на гор. жителя, 1 пара
1913	1,86	4,3	19,3	—	на 4 сельск. жителей.[1]

Рост потребления обнаружился особенно после промышленного подъема в 1908 году. Но вместе с тем он очень сильно отставал от соседних с нами западных стран.

Так, чугуна потреблялось на душу:

С. Штаты	14,21 пуд.
Бельгия	10,55 „
Германия.	8,30 „
Франция	6,47 „
Англия	6,41 „
Россия.	1,51 „[2]).

Недаром Россия называется деревянной, и наши промышленники в 1908 году в докладе считали утопией строить производственный план металлической промышленности на обслуживании крестьянского рынка. До сих пор дерево беспредельно царствует в деревне.

2. Рыночность сельского хозяйства

История сельского хозяйства России показывает медленное нарастание рыночного сельского хозяйства за счет его натуральной части. Помимо налогов и чисто сословных платежей, крестьянин должен был покупать все увеличивающееся количество товаров из города. Промышленность проникала в самые недра крестьянского хозяйства и отрывала один промысел за другим, делая последние занятием совершенно бессмысленным. Крестьянин стал носить фуражку вместо малахая; в деревню проник сахар и чай; вместо холста появился ситец. Водка—исконный спутник в горе и радости крестьянина—была значительным фактором увеличения денежности деревенского хозяйства. Все это достаточно сильно подтачивало натуральные основы последнего.

---

1) Вольф и Мебус. „Статистическ. справочник по эконом. географ.“, стр. 83, 1924 г. Материалы ВСНХ по вопросам о промышленном сырье, 1923 г., стр. 6. „Записка Совета съездов“, 1908 г. стр. 15.

2) „Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России“, 1915 г., стр. 41.

Определение % рыночности, хотя и далеко несовершенно, тем не менее правильно показывает бесспорную тенденцию роста.

В 1840-х годах рыночность не превышала 25% [1]). Щербина определяет денежность крестьянских бюджетов для 1880 г. в 36,3% [2]). Для 1901—1905 г.г. рыночность хлебов определялась в 47,5% [3]). Лященко для предвоенного времени определяет рыночность пшеницы в 55%, ячменя в 34%, а ржи в 23% [4]). Огановский для сельского хозяйства в целом считает % рыночности 53.

Значительный % в натуральной части объясняет малую подвижность нашего сельского хозяйства и сравнительно слабую податливость на требования рынка. Малая рыночность объясняется громадным наличием у нас в сельском хозяйстве мелких и середняцких хозяйств. При низкой производительности труда среднее хозяйство особенно мало покупало и мало продавало. Мелкие крестьянские хозяйства не могли иметь большого удельного веса в экономике страны, так как всякий клочок земли, принадлежащий мелкому хозяйству, обременялся непропорционально большим количеством едоков. Занять всех их на маленьком клочке было нельзя, а при слабой емкости нашей промышленности лишних рабочих девать было некуда.

Так существовали десятки миллионов крестьян, не находя выхода и понижая рыночность всего сельского хозяйства.

ГЛАВА VIII

1. Скотоводство

Состоянием земледелия, его уровнем развития, степенью распаханности земель определяется состояние скотоводства. Скотоводство не имеет самостоятельной линии развития. Оно поставлено в определенные рамки состоянием земледелия [5]). Этим объясняется различие нашего русского скотоводства от датского, аргентинского и скотоводства других стран. Насколько более значительны в последних посевные или природные корма, настолько и скот их значительно лучше нашего.

Наш скот „маловесен, малопродуктивен, поздноспел, малой грузоподъемной силы и с весьма плохим экстерьером". Эти качества не есть что-то присущее нашему скоту. СССР имел и имеет отдель-

---

[1]) Огановский. „Очерки по экономической географии России", часть I, 1923 г., стр. 231.

[2]) „Влияние низких цен на хлеб", том II.

[3]) Огановский. Там же, стр. 231.

[4]) Лященко, „Очерки аграрной эволюции".

[5]) „Пришлось бы при желании изменения строя животноводства изменить строй самого хозяйства", „Богатство России", „Животноводство", Лискун, стр. 7.

ные очаги рогатого скота, который по своим качествам не уступал иностранным и даже превосходил и превосходит его. Так, ярославская корова давала молока 228 ведер [1]), а в племхозе Караваево дает теперь даже 350 ведер при 5,7% жира [2]). Русский скот может быть вполне продуктивным скотом без влития в него крови иностранных пород скота. „Примитивные расы многих местностей таят в себе положительно великие возможности, но требуют своего культивирования" [3]). Материальной основы для культивирования у нас не имеется.

Для улучшения скотоводства необходимо наличие кормов и благоприятные рыночные условия.

Значение кормов частично вскрывается на той же Ярославской губернии, название которой закреплено за разновидностью коровы высокой продуктивности. Ярославская губерния имела большое количество сенокоса и значительный % посевных трав, что обеспечивало более сносное существование рогатого скота, чем в остальных, бескормных районах.

Что же касается Евр. России в целом, то при наличии трехпольной системы, которая держится с очень давней старины, при громадном расширении запашек за счет новых бросовых и пастбищных угодий, скот лишался одной кормовой площади за другой. С лугового и выгонного корма скот вынужден был переходить на солому. А в связи с мельчанием наделов [4]) и соломы нередко нехватало на зиму. Весной во многих хозяйствах дело доходило до того, что скот уподоблялся теням, и его буквально таскали на пастбище, чтобы откормить от зимней голодухи. Отсюда и название русского скота „тасканки" и „горемычки" [5]).

Если Томас Мор говорил относительно Англии, что там овцы пожирали людей, то у нас происходил совершенно обратный процесс. Экстенсивное расширение посевных площадей под продовольственные хлеба, увеличение числа едоков без интенсификации земледелия, хотя бы и с увеличением урожая, отнимали у скота возможность сносного существования.

Улучшение нашего животноводства в целом мыслимо только как результат интенсификации сельского хозяйства, как результат замены существующей примитивной системы землепользования более высокой.

Эволюция скотоводства с 1864 по 1913 г. представлена в следующих таблицах:

---

[1]) „Естественные производительные силы России", т. VI, стр. 81.

[2]) „Материалы по вопросу о восстановлении молочной промышленности севера России, Урала и Зап. Сибири", 1924 г., стр. 41.

[3]) „Богатство России", „Животноводство", Лискун, стр. 11.

[4]) В 1860 г. надел равнялся 4,8 дес. на мужскую душу, в 1880 г.—3,5, в 1900 г.—2,6 (Кауфман, „Аграрный вопрос"), в 1919 г.—4,4.

[5]) „Тасканское существование скота прочно „обеспечивается" таким кормовым рационом. „На новых путях", т. I, стр. 264.

Изменение численности домашних животных в Европ. России (в тысячах голов).

Годы.	Лошадей.	Кр. рогат. скота.	Верблюдов.	Оленей.	Овец грубошерстных.	Овец тонкорунных.	Всего овец.	Коз.	Свиней.
1864—1869	15.499	20 966	—	—	32.516	11.655	44.171	1.392	9.391
1890 . . .	19.778	25.528	—	—	—	—	46.052	—	9.553
1900 . .	19.743	31.661	213	350	42.062	5.565	47.628	1.017	11.761
1910 . . .	21.868	31.314	303	462	39.498	2.235	40.733	856	12.048
1913 . . .	22.771	31.973	309	605	39.287	2.139	41.426	872	13.458[1]

В этой таблице для нас наиболее интересны лошади, крупный рогатый скот, овцы и свиньи. Остальные виды скота вследствие незначительного удельного веса в хозяйстве СССР, их специфичности, для нас мало существенны.

Лошади

Что касается лошадей, то в течение длинного промежутка времени число их увеличилось с 15,4 до 22,7 миллиона штук. При этом встречались продолжительные периоды, когда число лошадей было стационарно почти без перемен из года в год; так, с 1864 по 1887 г. лошадей числилось 15 милл., с 1888 по 1900 г.—19 милл. При чем между этими годами, в голодный 1891 до 1892 г. количество лошадей опустилось до 16 милл. голов. Затем с 1901—1908 г.г. количество лошадей остановилось на 20 милл. голов, колеблясь вниз и вверх на тысячи голов.

Уже самые интервалы в десятки лет, когда количество лошадей почти не изменялось, показывают, что развитие скотоводства было привязано железной цепью к малоподвижному и бесславному трехполью. Увеличение количества лошадей можно иллюстрировать следующей таблицей:

В 1881 г. . . .	на	100	дес.	посева	26	лошадей
„ 1887	„	„	„	„	27	„
„ 1893—1895 .	„	„	„	„	28	„
„ 1896—1900 .	„	„	„	„	29	„
„ 1901—1905 .	„	„	„	„	29	„
„ 1906—1910 .	„	„	„	„	30	„
„ 1911	„	„	„	„	30	„
„ 1913	„	„	„	„	31	„

Произошло увеличение количества лошадей не только абсолютное, но и по отношению к посевной площади. Это вовсе еще не обозначает прогресса скотоводства. Одновременно с увеличением количества

[1]) „Сборник статистико-экономических сведений", 1916 г., стр. 238.

Состояние скотоводства в 1913 г. (в тысячах голов) [1]

—	Лошадей.	Крупн. рогат. скота.	Овец грубошерст.	Овец тонкорунн.	Всего овец.	К о з.	Свиней.
Черноземная полоса.							
Центр.-Землед. район	3.008	3.018	6.790	155	6.945	35	208
Средневолжье	2.837	3.255	7.197	50	7.248	266	813
Нижневолжье	2.186	2.898	5.086	256	5.342	269	290
Новоросс	3.548	4.735	4.094	1.148	5.242	153	2.240
Юго-Западн.	1.810	2.477	1.756	54	1.811	18	1.836
Малороссия	1.839	2.363	2.517	63	2.581	18	1.573
Всего по полосе	15.231	18.749	27.742	1.729	29.172	762	7.962
Промышленн.	1.612	2.417	1.976	3	1.980	5	636
Белорусск.	1.646	2.868	2.402	58	2.461	35	1.896
Литовский	774	1.750	1.439	33	1.473	22	1.136
Приозерный	765	1.588	996	5	1.002	8	409
Прибалтийский	392	1.074	698	290	988	2	562
Приуральский	1.872	2.600	3.688	—	3.688	35	702
Северные	345	735	580	—	580	—	581
Итого по нечерноземн. пол.	7.410	13.011	11.783	392	12.175	110	5.432
Всего по 51 губ. Евр. Рос.	22.776	31.973	39.287	2.139	41.426	872	13.458
Приволжье	1.116	2.011	347	335	682	8	490
Кавказ	2.135	6.326	10.714	1.515	12.230	1.105	1.214
Средние	4.753	5.625	20.247	425	20.672	3.410	178
Сибирь	5.070	6.451	5.741	51	5.792	274	1.501
Всего по империи	**35.846**	**52.388**	**76.388**	**4.466**	**80.805**	**5.672**	**16.844**

[1] „Статистико-экономический сборник“ 1916 г.

лошадей происходил сильнейший процесс мельчания крестьянских хозяйств и расширения посевных площадей. Поэтому увеличение по отношению к посевной площади количества лошадей обозначало для громадного количества мелких бедняцких хозяйств лишних едоков на тощие наделы, которыми пользовались крестьяне. После дележа, когда крестьянину доставалось, примерно, от 1 до 3 дес., при нормальной выработке, он должен был бы работать третью лошади, так как полная лошадь срабатывает от 8 до 10 дес. При введении же некоторых улучшенных машин процесс обработки земли ускоряется.

Следовательно процесс мельчания крестьянских хозяйств вызывал увеличение количества лошадей, но это же самое обстоятельство вызывало и обнищание того же крестьянства, так как на единицу площади оказывалось больше едоков, чем она могла прокормить.

Насколько разнится нагрузка лошадей в крестьянском хозяйстве от нормальной, показывает сравнение наличия рабочего скота по отношению к посевной площади в 100 десятин, по переписи 1916 г., в крестьянских и частновладельческих хозяйствах [1]).

	У крестьян.	У владельц.
По Европ. России	29,1	17,6
Прибалтийский р.	21,7	16,3
Новороссийский р.	23,3	18,2
Средне-Волжский р.	25,2	15,6
Центрально-Землед. р.	25,2	16,5
Малороссийский р.	29,4	16,2
Белорусский р.	32,0	18,0
Юго-Западный р.	37,7	15,2

В XX веке в земледелии происходил процесс интенсификации, требовавший также увеличения количества рабочего скота. Можно на основании распределения рабочего скота по районам отметить зависимость интенсивности хозяйства от количества скота. Так, например, по данным переписи 1916 года у владельцев, как категории наиболее показательной для нас, отмечается в Центрально-Промышленном районе на 100 дес. посева 30 голов, при 28,8% посевной площади трав; в Приозерном—26 при 34,8% посевной площади трав, тогда как в Новороссийском насчитывалось 18,2 головы рабочего скота при 2,7% посевной площади трав.

Более отчетливое представление о регрессе коневодства показывает количество лошадей по отношению к населению. При этом получается, что в 1860 г. на 100 душ населения приходилось 30 лошадей, в 1900 г.—23 лошади, в 1914 г.—22 лошади.

Уменьшение количества лошадей было бы не так ощутительно, если бы у нас одновременно происходил процесс машинизации сельского хозяйства. Мы уже видели из ранее приведенных данных, что машины стали внедряться в сельское хозяйство только за последние пять лет перед войной. До сих пор машина крестьянскому хозяйству была, за малым исключением, неведома.

---

[1]) Предварительные итоги всеросс. сельскохозяйственной переписи 1916 г., стр. 29.

То, что рост количества лошадей не поспевал за мельчанием крестьянского хозяйства и за ростом населения в целом, выразилось в увеличении % безлошадных, поднявшегося в 1905 г. по Европ. России до 29 %, в отдельных же губерниях, как, например, в Тамбовской в 1912 г.—до 35,8% [1]).

Рогатый скот

Крупный рогатый скот перенес те же изменения, что и лошадь. Уменьшение выгонов и лугов уменьшало шансы на развитие крупного рогатого скота. Такие экстенсивные районы, как Украинский и Нижне Волжский, давали, главным образом, мясное направление в скотоводстве. Районы промышленные—Белорусский и Приозерный—давали по преимуществу молочное направление. Близость рынка и рентабельность молочного хозяйства заставляли держаться за коров и даже, применительно к нуждам молочного хозяйства, вводить клин травосеяния. История районов с молочным скотоводством может быть иллюстрирована цифровым примером Ярославской губернии, где:

в 1855 г. . .	насчитывалось	521	тыс. коров
„ 1861 „ . .	„	341	„ „
„ 1865 „ . .	„	347	„ „
„ 1871 „ . .	„	297	„ „
„ 1901 „ . .	„	350	„ „
„ 1913 „ . .	„	362	„ „
„ 1916 „ . .	„	473 [2])	„ „

До 1871 г. цифры стремительно понижались.

Период падения характеризуется слабой связью животноводства с рынком. Не был развит сбыт молока из-за уменьшения кормовых ресурсов. Второй период характеризуется обратными тенденциями. Устанавливается сбыт молочных продуктов, увеличиваются корма в связи с улучшением луговодства и посевом кормовых трав [3]).

Во всех районах крупный рогатый скот выполняет два назначения—доставлять мясо и молоко. Районы, где корова не шла дальше продовольственного обслуживания хозяйства, скотоводство до сих пор мало продуктивно. „Горемычки"—обычный тип коров в таких районах.

Крупный рогатый скот так же, как и лошади, увеличился сравнительно с посевной площадью. Так, на 100 десятин посева приходилось:

В 1881 г.	37	голов	кр.	рог.	скота
„ 1887 „	37	„	„	„	„
„ 1893—1895 . .	40	„	„	„	„
„ 1896—1900 . .	47	„	„	„	„
„ 1901—1905 . .	46	„	„	„	„
„ 1906—1910 . .	43	„	„	„	„
„ 1911	43	„	„	„	„
„ 1913	42	„	„	„	„

1) Челинцев, „Опыт изучения", стр. 84.

2) „Ест. произв. силы России", VI, 12, стр. 80.

3) Лискун, „Богатства России". „Животноводство", стр. 14. „Запросы рынка дадут толчок к выгодному содержанию более ценных и продуктивных животных".

Крупный рогатый скот в связи с процессом расслоения деревни, с увеличением бесскотных, процессом особенно сильным в XX столетии, с 1900 г. неуклонно идет под гору по отношению к посевной площади. Если в районах, связанных с рынком, происходило увеличение коров, а в связи с этим повышение площадей под травами, то районы, слабо связанные с рынком, или оставались стационарными по количеству рогатого скота при одновременном увеличении посевной площади или понижали количество рогатого скота.

Насколько капитализм увеличивал количество бесскотных в связи с расслоением деревни, показывают цифры скота по отношению к населению. Так, в 1860 г. насчитывалось 41 голова крупного рогатого скота на 100 человек, в 1900 г.—36, в 1914 г.—30.

При уменьшении посевной площади на хозяйство уменьшение количества скота осуждает большинство сельского населения на очень невеселое существование. Без лошади нельзя обработать поля, без коровы нельзя сносно продовольствоваться. С измельчанием крестьянского хозяйства скот проедался; количество безлошадных и бескоровных катастрофически росло [1]). Все же крестьянство всей силой цеплялось за лошадь и корову. Лишение той или другой есть начало конца хозяйства и влечет за собой уход в города или наем в батраки. И лошадь и корова являются необходимыми элементами хозяйства крестьянина. И если количество скота понижается, то это может быть, при наличии примитивных орудий в земледелии, объяснено только процессом дифференциации крестьянства, проеданием основного капитала из-за отсутствия достаточного дохода от мелкого хозяйства.

Овцы

Овцы не представляют необходимого условия ведения крестьянского хозяйства, как корова и лошадь. С развитием мануфактуры сукно, хорошее и дешевое, стали продавать на рынке. Большое распространение ситцев лишило овцу того значения, которое она имела до развития текстильной промышленности. Овца была предоставлена конкуренции с овечьими продуктами на мировом рынке, с продуктами, доставляемыми из Австралии и Южной Америки. В России пастбища все уменьшались, вызывая уменьшение числа овец. Оставшиеся овцы от бескормицы становились менее мясными и менее шерстными.

Средняя наша овца поздноспела, маловесна (от 30 до 40 ф.), малошерстна (от 1 до 2 ф.), тогда как улучшенная линкольнская в Англии давала до 30 ф. шерсти и весила 8—9 пуд. Выращивание улучшенных овец сократилось сравнительно с простыми более чем вдвое [2]).

Несмотря на широко развитую сеть гнезд улучшенных пород

---

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. IX, стр. 667. Безлошадных в 1888—1891 г.г. насчитывалось 27%, в 1896—1900 г.—29,2%.

[2]) Лискун, „Не сокращайте разведения овец", 1919 г.

в России, у нас овцеводство шло под гору. Количество овец и абсолютно и относительно падало; особенно велико было падение числа тонкорунных. Так, с 1881 г. с 12,3 милл. голов они упали до 2,1 милл. голов в 1913 г. Грубошерстные овцы, оправившись от неурожая 1891 года, с 1896 г. по 1913 г. колебались между 36,0 и 43,0 милл. голов. При этом в 1892 г. овец насчитывалось 43,0 милл., но за все время с 1864 до 1913 г., ни до указанного года, ни после него, количество овец не достигало 43 милл. В 1911 г. овец насчитывалось только 36,1 милл. За два последние года до войны число овец повысилось: в 1912 г.—37,4 милл. и в 1913 г.—39,2 милл. голов.

Число голов, взятое в отношении к посевной площади, дало следующий ряд:

Годы.	На 100 дес.
1881	77
1887	81
1893—1895	64
1896—1900	75
1901—1905	65
1906—1910	58
1911	55
1912	55
1913	56

Гораздо значительнее понижение числа овец произошло по отношению к населению. На 100 душ населения приходилось овец:

1860 г.	88
1900 „	55
1914 „	22

Районами наиболее многоовечными были районы многоземельные. Выходя за пределы Евр. России, на первом месте по числу овец нужно поставить Среднюю Азию, Кавказ и Сибирь, а в Европ. России—Северный, Приуральский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский и Центрально-Земледельческий.

Свиньи

Свиноводство в своем развитии обнаружило черты, не свойственные нашему овцеводству. На-ряду с экстенсивным свиноводством стало развиваться промышленное свиноводство. Дешевый хлеб и пропорционально более высокие цены на мясо, как мы видели из приведенных индексов, заставили наиболее чуткие районы перестроиться заново. Свинья, посаженная на откорм,—обычное дело для Белоруссии, Юго-Западного, Украинского, маслодельных районов Западной Сибири и северных губерний Европ. России.

К XX в. свиноводство получило новый стимул для развития. Правда, при промышленной депрессии 1901—1908 г.г. сжатие внутреннего рынка мало благоприятствовало свиноводству, но с началом промышленного подъема свиноводство немедленно пошло в гору.

Процент свиней в стаде на-ряду с крупным рогатым скотом повысился. Так, в Европ. России в процентах к общему стаду насчитывалось:

Годы:	Лошадей.	Кр. р. ск.	Овец.	Свиней.
1883 . . .	17,9	23,9	48,8	9,4
1900 . . .	17,3	29,0	43,7	10,0
1913 . . .	20,5	29,4	37.1	12,7 [1]).

В отношении к посевной площади число свиней было следующее:

Годы:	На 100 дес.
1881	15
1887	16
1893—1895	15
1896—1900	19
1901—1905	18
1906—1910	16
1911	17
1912	17
1913	18

То же самое по отношению к населению дает следующие цифры:

1860 г.	на 100 душ нас.	18	свиней.
1900 »	»	»	»	13	»
1914 »	»	»	»	13	»

Только свиньи не дали понижения в 1914 году сравнительно с 1900 г. на 100 душ населения, в противоположность всем остальным видам скота.

В общем национальном доходе в 1913 году доход от животноводства составлял 1.729 милл. руб. из общего дохода по сельскому хозяйству в 5.630 милл. руб.

При сравнении нашего хозяйства с заграничным становится ясным путь развития нашего скотоводства в дальнейшем. Наиболее интересными, с ярко выраженными тенденциями, являются бесспорно Германия, Франция, Бельгия и Соед.Штаты.

Даже беглое обозрение животноводства в Германии показывает, что главные виды скота, с промышленным развитием и с интенсификацией сельского хозяйства, испытывают совершенно различные воздействия. Число лошадей и абсолютно и относительно уменьшается, они вытесняются механическими двигателями, а остающееся количество целесообразнее используется в связи с укрупнением хозяйства. Карликовые хозяйства все чаще обходятся без лошадей. Часть этих хозяйств переходит на работу с коровами, а часть просто на заступы. Труд в карликовых хозяйствах китаизируется.

Происходит замена лошадей рогатым скотом, так как последний сочетает со способностью работать большую или меньшую молочность и мясность. Тенденция вытеснения лошадей достаточно ярко выра-

---

[1]) „Естеств. производ. силы России", т. VI, 12, стр. 17.

жена в статистических данных в Германии, Бельгии, Франции и менее наглядно в других странах.

При перенесении тенденции замены двигательной силы лошади другими двигателями на Россию, эта тенденция претерпевает целый ряд изменений. Во-первых, мы еще далеки от того, чтобы говорить о введении механических двигателей в мало-мальски заметном масштабе. Рогатый скот у нас не вытесняет, а пока вытесняется, напр., на Украине, лошадьми. Следовательно, в ближайшие годы уменьшение количества лошадей должно рассматриваться не как прогрессивное явление, а как деградация.

Рогатый скот, центральной фигурой среди которого является корова, имеет иное будущее в развивающемся народном хозяйстве. Количество коров безудержно и довольно быстро увеличивается. Молочность и мясность рогатого скота являются качествами, обеспечивающими ему почетное положение среди остального скота. Статистика во всех странах континента устанавливает значительный и бесспорный рост числа как специально коров, так и всего рогатого скота в целом.

Интенсификация сельского хозяйства увеличивает корма, вместе с тем изменяет характер скотоводства. Вместо больших выгонов необъятных степей, а у нас широких паров с тощей растительностью, рогатый скот запирается на небольшие клочки земли с посевными травами в лучшем случае, а в иных скот просто держится в стойлах, но зато получает концентрированные, молокогонные и увеличивающие мясность корма. Коровы превращаются в живую фабрику с точным регулированием своеобразного процесса производства мяса и молока.

Число рогатого скота у нас в России абсолютно повышается и даже по отношению к посевной площади увеличилось. Но с 1900 г. количество скота по отношению к посевной площади пошло вниз, при застойном характере его абсолютного количества. По отношению же к населению страна далеко еще не так насыщена рогатым скотом, как целый ряд других стран. Так, в 1914 г. на 100 душ населения насчитывалось рогатого скота:

в России	30 гол.
„ Германии	32 „
„ С. Штатах	59 „
„ Дании	88 „

Если при сравнительно с другими странами большем наличии пастбищ у нас слабо развивается рогатый скот, то в этом повинно наше злополучное трехполье, отсутствие концентрированных кормов, а главное, отсутствие достаточного спроса на молочные продукты на рынке, вернее слабое разветвление самих рынков.

Если мы поэтому утверждаем, что наши кормовые ресурсы обеспечивают только прозябание нашего скота, то не менее правильно другое положение, что разведение рогатого скота получает прочную основу только с развитием внутренней промышленности, которая

вызывает увеличение емкости рынка и размножение самих рынков [1]). „Потенциальные силы, таящиеся в русском животноводстве, могут проявиться лишь при условии общего прогресса всего хозяйства“ [2]),— говорит Лискун. И затем дальше, останавливаясь на роли рынка для развития животноводства, он констатирует: вне этой связи с рынками нет и не может быть здорового экономического интереса в разведении животных. Связь с рынком уже сама по себе имеет огромное значение и может делать весьма серьезные изменения хозяйственного строя в самое короткое время. Оторванность же от рынков способна парализовать деятельность животновода и убивать ее даже в том случае, когда она могла бы протекать при самых благоприятных условиях естественно-исторического характера [3]).

Следовательно, если Россия стоит на третьем месте в мире по числу рогатого скота и на 26-м по числу того же скота на 100 душ населения, то корни скрываются не в самом скотоводстве, а в слабом развитии промышленности, в отсутствии широко разветвленного, емкого внутреннего рынка, при чем мы настаиваем именно на внутреннем рынке. Все вместе взятое объясняется слабым ростом производительных сил.

Скотоводство

в Северо-Американских Соединенных Штатах

(в милл. гол.).

Годы.	Коров.	Проч. р. скот.	Всего р. скота.	Лошадей.	Овец и баранов.	Свиней.	Мулов.
1870	10	15	25	8	40	26	1,1
1880	12	21	33	11	40	34	1,7
1890	15	36	54	14	44	51	2 3
1900	16	27	43	13	31	37	2,0
1910	21	47	68	21	57	47	4.1
1913	20	36	56	20	51	65	4 3

В Бельгии

(в тысячах голов).

Годы.	Коров.	Проч. р. скота.	Всего р. скот.	Лошадей.	Овец и баранов.	Коз.	Свиней.
1846	—	—	1.208	294	662	—	496
1880	738	586	1.324	271	365	248	646
1901	834	812	1.646	344	—	—	1.015
1910	—	914	1.879	317	185	217	1.494
1913	936	912	1.848	278	—	—	1.412

---

1) „На новых путях“, V—I, стр. 263—264.
2) „Богатство России“, „Животноводство“, стр. 14, 1921 г.
3) Там же, стр. 15.

В Германии
(в милл. гол.).

Годы.	Коров.	Проч. р. скот.	Всего р. скота.	Лошад.	Овец и баран.	Коз.	Свиней.
1883	9,0	6,6	15,7	3,5	19	2,6	9
1892	9,9	7,6	17,5	3,8	13	3,0	12
1900	10,4	8,4	18,8	4,1	9	3,2	16
1912	10,9	9,2	20,1	4,5	5	3.4	21

Во Франции
(в милл. гол.).

1852	5,7	6,1	11,9	2,8	33	1,3	5
1862	6,4	6,4	12,8	2,9	29	1,7	6
1882	6,5	6,4	12,9	2,8	23	1,8	7
1892	6,6	7,0	13,6	2,7	21	1,8	7
1900	7,8	6,7	14,5	2,9	20	1,5	6
1910	7,5	6,9	14,4	3,1	17	1,4	6
1913	7,8	6,9	14,7	3,2	16	1,4	7

Все страны показывают согласно, что с интенсификацией земледелия число овец и баранов быстро падает. В смысле мясности овца побивается свиньей. Из-за шерсти невозможно вести овцеводство благодаря заокеанской конкуренции и вытеснению шерстяных материй хлопчатобумажными. Овца любит широкие пастбища. При стесненном континентальном мелкоземельи овца может удержаться лишь на мало пригодных для земледелия площадях.

Из европейских стран лишь одна Англия специализировалась на развитии как мясных, так и шерстных овец, и в этом искусстве она достигла больших успехов. В остальных странах статистически доказывается неуклонное падение овцеводства.

Свиноводство—лучший способ превратить различного рода отбросы и хлеба в питательные мясо и жир. Свиноводство неуклонно увеличивается в промышленно-развитых странах Европы. Разведение свиней производится исключительно из-за мяса. Только в отсталых экстенсивных странах свинья доставляет побочный продукт—щетину, но при обилии щетины обычно свинья дает мало мяса.

При сравнении свиноводства различных стран выводы получаются не в пользу России. Так, на 100 жителей насчитывалось в 1914 году свиней и овец:

	Свиней.	Овец.
В Европ. России	13	40
„ Германии	37	8
„ Дании	90	18
„ Соед. Штатах (в 1915 г.) .	65	50

Скотоводство России в отношении овец и свиней представляет полную противоположность Дании и Германии. При большом количестве овец у нас меньше разводилось свиней, тогда как в Дании и Германии совершенно обратное отношение овец и свиней—больше свиней и меньше овец.

Сравнительная таблица русского скотоводства с иностранным показывает следующее:

На 100 душ населения

	Годы.	Лошадей.	Кр. р. скота.	Овец.	Свиней.	Коз и ослов.
Европ. Россия . .	1914	22	30	40	13	—
Германия	1914	5	32	8	37	—
Дания	1914	20	88	18	90	—
С. Штаты	1915	21	59	50	65	7
Аргентина	1918	130	404	1.160	40	70

Интересные данные представляет собою распределение в европейских странах стад по видам скота. Состав стада в процентах представлен в следующей таблице:

	Лошади.	Козы и овцы.	Свиньи.	Кр. рог. скот.
Англия	4	64	8	23
Франция	7,2	41,2	16,3	35,2
Европ. Россия	20,5	36,9	12,3	27,0
Бельгия	7	12	34	47
Германия	8,2	87,2	15,6	39

Сводная таблица

На 100 жителей приходится:

	Годы.	Лошадей.	Круп. рог. скот.	Овец и баран.	Свиней.	Коз и ослов.
Европ. Россия . .	1913	18	25	32	10	—
Бельгия	1913	3	24	—	18	—
Германия	1914	5	32	8	37	—
Голландия	1913	5	34	14	22	—
Дания	1913	20	88	18	90	—
Италия	1905	2	18	32	7	7 коз. 4 осла.
Франция	1915	5	31	34	13	—
С. Штаты С. А. .	1915	21	59	50	65	3 козы. 4 осла.
Аргентина	1912	130	404	1.160	40	59 коз. 11 осл.

Сравнение с другими странами показывает, что в России животноводство подошло к пределу, за которым должны резко выявиться черты, присущие интенсивному сельскому хозяйству в целом—увеличение разведения крупного рогатого скота и свиней и уменьшение разведения других видов. В отдельных районах СССР процессы интенсификации скотоводства проявились довольно отчетливо. До сих пор в России животноводство велось из рук вон нерационально технически. Мы вывозили десятки миллионов пудов отрубей, ячменя и др. концентрированных кормов, чтобы немецкие хозяева выращивали нашим хлебом свиней. Что может быть проще, как пропускать все эти корма через живую фабрику-свинью в русском хозяйстве? Крестьянское хозяйство могло бы тем самым занять больше рабочих рук внутри сельского хозяйства, дало бы большую выгоду всему народному хозяйству в целом, не говоря уже о громадных выгодах отдельного хозяйства. Но здесь мы снова упираемся в слабо развитой рынок, в дорогой и мало приспособленный транспорт. Оба эти обстоятельства ставят наше свиноводство в положение хронического перепроизводства. В результате этого крайне нецелесообразный вывоз концентрированных кормов был экономически более выгодным, чем скармливание его свиньям внутри русского хозяйства.

Немалую роль в слабом развитии свиноводства играли эпизоотии, от которых наша ветеринария не могла застраховать наш скот.

2. Резюме

Рынок втянул наше сельское хозяйство в товарооборот настолько сильно, что стал определять направление производительной деятельности сельского хозяина не только в части рыночной, но и в части остающейся внутри хозяйства.

Слабость развития промышленности и транспорта не позволила, однако, интенсифицировать сельское хозяйство в достаточной степени. Поэтому наше земледелие до сих пор не перешагнуло еще через трехполье с отсталой техникой, недородами и низкой производительностью.

Дворянские латифундии таяли под влиянием рынка. Они распадались на мелкие участки, частью с тем, чтобы снова консолидироваться в руках новых капиталистов-землевладельцев, частью с тем, чтобы дать опору кулацким элементам деревни.

Укрупненное, благодаря покупке земель, крестьянство, с одной стороны, с другой,—пролетаризирующееся мелкое крестьянство составляли два полюса в хозяйствах деревни. На разорении одной части сделалась возможной продвижка вперед в хозяйствах другой части. Деревня стала потреблять больше продуктов промышленности. Столыпинское законодательство усиливало процессы расслоения, увеличивая хозяйственную мощь кулацкой части деревни за счет разорения бедняка.

Темп развития сельского хозяйства задерживался двумя причинами, имеющими один и тот же корень—сословно-дворянскую монархию. Она эксплоатировала производительные силы в виде налогов-выкупных платежей, покупных плат двор. и кр. Банкам, в виде больших арендных плат и различных натуральных повинностей. Непроизводительное потребление дохода от сельского хозяйства задерживало развитие промышленности. Создался круг, в котором одно мешало развиваться другому.

К войне наше сельское хозяйство подошло только с отдельными ростками интенсивности. Все же сельское хозяйство оставалось на положении трехполья.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ВОЙНА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

„Для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И эта была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От 8 до 10 милл. солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное 30-летней войной, сжатое на протяжении 3-х—4-х лет и распространенное на весь континент; голод, эпидемии, всеобщее одичание как войска, так и народных масс; вызванная острой нуждой безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите,—все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,—крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: общее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса". Энгельс, Лондон, 17 декабря 1887 г.

(Ленин, Собр. сочин., т. XV, стр. 359)

ГЛАВА I

1. Рынок и сельское хозяйство

Трудно придумать более противоестественное соединение, чем война и сельское хозяйство, чем рост производительных сил и военные действия. Противоестественность такого соединения усиливается еще тем, что оно носит скрытый характер. Немало экономистов и общественных деятелей в начале войны 1914—1918 г.г. были завуалированы настолько, что ждали в русском народном хозяйстве нарушения нормального хода производства не столько от недостатков, сколько от изобилия сырьевых запасов. Слишком большое полнокровие, по их мнению, должно было служить препятствием нормальному развитию народного хозяйства. О разрухе и хаосе, которые воцарились

особенно с начала второго года войны, не было сказано ни звука, если не считать коммунистическую подпольную печать [1]).

Строились оптимистические планы о том, что Россия, как сырьевая база, меньше промышленно-развитых стран, в частности Германии, пострадает от этой войны. Напр., виднейший из русских экономистов Туган-Барановский в „Ежегоднике газеты Речь" писал: „Война, конечно, глубоко отразилась на нашем народном хозяйстве, но от войны пострадала преимущественно промышленная и городская Россия. Что же касается массы русского народа,— крестьянства, то оно экономически мало потеряло от войны и даже — благодаря прекращению продажи водки — находится теперь отнюдь не в худшем, а скорее в лучшем экономическом положении, чем до войны" (стр. 471).

Кн. Трубецкой пошел еще дальше, он еще в январе 1916 г. в „Русском Слове" заявил, что крестьянство от войны только выиграло и продолжает в дальнейшем получать выгоды, а так как у нас подавляющую роль в экономике играет крестьянское хозяйство, то отсюда следовал логический вывод, что Россия от войны проигрывает немного и во всяком случае из войны выйдет мало поколебленной.

Это заявление в печати вызвало много возражений. Ведь оно появилось в 1916 г., когда продовольственный, топливный, железнодорожный и пр. кризисы дошли до угрожающих размеров.

Перед войной, как мы уже говорили, промышленность наша была слабо развита. Сельское хозяйство на-ряду с внутренним рынком производило и для внешнего. Хлебные волны из Сибири и Кубани миллионами пудов перекатывались к Черному и Балтийскому морям и даже через западную границу в Европу. Поволжье по преимуществу работало на центрально-промышленную Россию и Ленинград.

Сельское хозяйство сложилось в течение десятков лет таким образом, что рынок являлся жизненно необходимым к нему дополнением. Хозяйство равнялось по рынку, увеличивало посевы пшеницы, ячменя и промышленно-технических растений за счет других культур. На рынке, в свою очередь, производитель в качестве эквивалента получал машины и орудия, материалы, необходимые как для хозяйства, так и для личного употребления.

Выпадение рынка ставит перед хозяйством проблему переустройства установившегося до сих пор хозяйственного положения.

Этим самым рынку не придается какое-то самодовлеющее значение. Развитие рынка есть лишь следствие развития производства. „Интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяется развитием и организацией производства . . . обмен, таким образом, во всех своих моментах или прямо заключен в производстве или определяется последним" [2]). Это положение устанавливает примат производства над другими стадиями кругооборота капитала в целом. Но это вовсе не значит, что постоянно и неуклонно обмен играет

---

[1]) Зиновьев, Ленин, „Против течения", 1918 г., Ленинград, стр. 9 и др.

[2]) К. Маркс, „К критике политической экономии", 1922 г., изд. „Моск. Р.", стр. 23.

подчиненную, вернее пассивную, роль. Иногда, получая толчок извне, напр., от урожая, войны, обмен расширяется или сужается, а отсюда происходит или его дифференциация и рост производительности труда, или обратные процессы. Поэтому Маркс говорит, что „между различными моментами происходит взаимодействие... Это бывает во всяком органическом целом“ [1]).

Производство, распределение и потребление — органическое целое. Выпадение одного из звеньев нормального процесса воспроизводства, даже временное, не может не нарушить процесса производства в целом, потому что на обход или восстановление выпавшего звена потребуется затрата энергии за счет других фаз. Кроме того, выпадение одного из звеньев заставляет перестраиваться установившиеся взаимоотношения по-новому. Конечно, преимущественное значение производства стоит вне спора, потому что остановка процесса производства даже на небольшой срок лишает материальной базы как распределение, так и потребление.

Что случилось с моментом объявления войны?

Конец июля — начало реализации жатвы в России; на юге реализация начинается даже раньше. Данные движения четырех главных хлебов на рынке показывают повышение притока хлебов с июня, с сильным повышением в июле и следующие месяцы.

В свою очередь из городов идет встречное течение нужных в деревнях товаров, которые в громадных количествах растекаются к осени по базарам и ярмаркам и различным местным торжкам. Особенно чувствительна в этот момент всякая приостановка движения для продуктов бахчеводства, садоводства и огородничества, которые в тысячах пудов направляются в города. Остановка движения подвергает порче груз, со временем груз полностью приходит в негодность.

Приблизительно в начале разгара реализации продуктов сельского хозяйства была объявлена война. Предварительным ее актом было объявление мобилизации солдат и лошадей, а затем, кроме лошадей была объявлена мобилизация и других животных и прочего скота. Следующим актом было объявление железных дорог (18/VIII 1914 г.) закрытыми для приема грузов [2]).

Потоки войск и военных грузов оттеснили на задний план все остальное. Товарное движение совсем приостановилось, или поезда днями простаивали на узловых станциях, образуя пока еще намеки на знаменитые „пробки“. Пассажирское движение сильно запаздывало.

Хозяйство страны постиг как бы столбняк. Рыночные связи были парализованы. Это обстоятельство осложнилось тем, что война переместила рыночные центры, почти полностью уничтожив экспорт хлебов. Железнодорожные пути были построены в предположении вывоза хлебов за границу и не были в состоянии справиться с задачами, выдвинутыми войной. Пшеница кубанского хлебороба сгрудилась в миллионах пудов в Черноморских портах, не находя выхода.

---

[1]) К. Маркс, „К критике политической экономии“, 1922 г., изд. М Р.“, стр. 23.
[2]) „Современный Мир“, 1916 г., № 4, стр. 75.

Деформация рыночных связей вызвала сильнейшую неустойчивость цен. Отклонение цен достигло небывалого размаха. На юго-востоке яйца с 22—25 к. десяток спустились до 9—7 коп. и даже до 4 коп. Масло в Сибири и Вологде с 13 руб. за пуд дошло до 8 руб. В Сибири пшеница докатилась до 18—25 коп. за пуд; овес—до 20—25 к., а ячмень—до 15 коп. В маслодельных районах западной Сибири молочные коровы шли на мясо из-за обесценения масла и ухода на фронт работников [1]). В свою очередь Москва и Ленинград испытывали совершенно обратное явление — повышение цен.

Момент первого остолбенения оставил след в народном хозяйстве. Он ударил по наиболее прогрессивным сторонам сельского хозяйства. Крупные хозяйства сокращали производство, интенсивные культуры заменялись экстенсивными, так как рынок выдвинул простые зерновые хлеба — рожь и овес — на первое место. Довоенные отношения могли бы, конечно, быстро восстановиться, если бы не затянувшаяся слишком долго война, а с нею и разложениие всего народного хозяйства.

2. Мобилизация населения

Первая жертва войны — это массы здорового, цветущего мужского населения, которое еще до официального объявления войны было мобилизовано для сформирования армий. Если прежние войны, даже русско-японская, считали состав своих армий сотнями тысяч, то война 1914—1918 г.г. насчитывала в своих армиях десятки миллионов солдат.

В отношении людского материала Россия представлялась страной наиболее благополучной. Казалось, что людской поток никогда не иссякнет, что отвлечение миллионов рабочих рук, хотя и самых активных, не только не отразится на течении хозяйственной жизни, но даже облегчит положение дел, так как избавит деревню от лишних ртов.

Фактически положение дел в сельском хозяйстве из-за мобилизации испытало значительные затруднения. Мы приводили расчет, по которому ясно, что в Европейской России можно безболезненно для ведения сельского хозяйства удалить более половины рабочего деревенского населения. Но это предположение действительно лишь при наличии оптимальных размеров, с точки зрения использования рабочей силы, крестьянских хозяйств, чего в действительности не наблюдалось. Обычная величина крестьянского хозяйства колеблется от безземельного до нескольких десятков десятин, при чем подавляющее число крестьянских хозяйств малоземельно. По всем этим разрядам самым пестрым и причудливым образом разбросаны семьи различной величины. У одного в хозяйстве имеется лишний рабочий, но женщина или подросток, значительно реже лишними оказываются взрослые мужчины. Примитивность техники, сезонность работ, переходящая от полного безделья к максимальной нагрузке на 3—4 недели

---

[1]) „Современный Мир", 1916 г., № 10, стр. 168. См. также Прокопович, „Война и народн. хозяйство", 1-е изд. 1917 г., стр. 91.

во время уборки урожая. Потом самый характер земледелия, налагающий на мужчин все тяжелые полевые работы, а на женщин и подростков преимущественно дополнительные полевые и домашние работы, — все эти обстоятельства поставили в трудные, а отдельные хозяйства в невозможные условия существования без работника-мужчины.

В армию забирались наиболее здоровые и цветущие работники. Первое время делался отбор сравнительно слабых, которых отсылали обратно в деревню. Но во второй половине 1915 г. и 1916 г. этих различий почти не делалось. Забиралось все подходящее мало-мальски население, способное или воевать или работать в армии. Выбирать было почти невозможно, так как число мобилизованных достигло невиданных размеров.

В довоенное время в армии служило				1.370 тыс.	человек.
Во 2-ю половину	1914 г. было призвано			5.115 „	—„
в 1-ю „	1915 „	„	„	2.330 „	„
во 2-ю „	1915 „	„	„	2.880 „	„
в 1-ю „	1916 „	„	„	1.475 „	„
во 2-ю „	1916 „	„	„	1.270 „	„
в 1-ю „	1917 „	„	„	630 „	„
			Всего . .	15.070 тыс.	человек [1]).

Первый же год войны изъял из хозяйства 7.445 тыс. человек. В результате в 1914 г. обнаружился недостаток в рабочей силе в 50% опрошенных губерний; в 1915 г.—в 81% [2]); в 1916 г. совсем не имелось губерний, где бы не было недостатка в рабочей силе.

Большая дробность и примитивность крестьянского хозяйства и вытекающая отсюда сложность регулирования рабочей силы сказались на громадной территории России уже с первого года. Семьи очутились в положении, при котором они не могли отпускать рабочую силу на сторону. Количество отхожих сельскохозяйственных рабочих катастрофически пало. Напр., на Тихорецком пункте в 1913 г. было зарегистрировано пришедших рабочих—72.000; в 1914 г.—64.000; в 1915 г.—26.859.

Первый же год войны поставил в отношении рабочих рук крупные хозяйства в тяжелое положение. Еще более тяжело было положение крупных крестьянских и казацких хозяйств, так как из самого хозяйства рабочие руки были взяты, количество пришлых уменьшилось до ничтожных размеров, а пленных и беженцев им было труднее получить сравнительно с крупными помещичьими хозяйствами.

Из-за недостатка рабочих рук посевная площадь резко сократи-

---

[1]) Прокопович, „Война и народное хозяйство", 2-е изд., 1918 г., стр. 158. Т. Шестаков приводит в своей работе цифры мобилизованных в 1917 году в 18 милл. человек. Но эта цифра нуждается в очень критическом отношении, так как 18 милл. чел.— это не более как число пайков, состоящих на учете Интендантского управления.

[2]) „Русские Записки", 1916 г., № 4, стр. 192. См. также Милютин, „Сельскохозяйственные рабочие и война 1917 г.", стр. 65:

1914 г. 14 губ. с недостатком раб. рук; 30 губ. не имели недостатков в раб. рук.
1915 „ 36 „ „ „ „ „ 9 „ „ „ „ „ „ „
1916 „ 44 „ „ „ „ „ 0 „ „ „ „ „ „ „

лась в многосеющих районах. В то время, как Центрально-Земледельческий район сократил посев на 4,4%, Нижне-Волжский — на 11,5%, а Центрально-Промышленный на—22,8%, Северный Кавказ—на 23,8%. В различных разрядах крестьянских хозяйств уход работников отозвался неодинаково [1]). Малоземельные хозяйства очутились в безвыходном положении. Еще при хозяине—сильном работнике—хозяйство тянулось с другими вместе. Там, где нехватало, хозяин подрабатывал то извозом, то наймом на поденщину или иными промыслами. Если даже у него не было рабочего скота, то он отработывал обработку своего надела чужим скотом. Подобное штопание дыр производилось в немалом количестве хозяйств: при минимальных расчетах не меньше, чем в 30% всех хозяйств Европ. России.

Война дала основание для гигантского усиления процесса дифференциации. В цифрах по некоторым губерниям этот процесс выражается в процентах следующим образом:

Процент хозяйств

	без посева		без рабочей силы	
	до войны	в 1917 г.	до войны	в 1917 г.
Тульская губ.	4,2	6,5	29,5	30,1
Пензенская губ.	св. нет	7,8	31,6	36,1
Симбирская губ.	10,2	13,4	34,0	35,7
Калуга, Живдр. у. . . .	6,5	14,6	14,3	21,0
Новгородск.	—	—	—	—
Белоов. и Тихвинск. . .	1,0	13,5	17,0	27,0 [2])

Укрепление кулацкого хозяйства за счет бедноты, или в отдельных случаях незначительный ущерб, испытанный им, объясняется очень простыми причинами. Во-первых, кулацкое хозяйство обычно многосемейное. Во-вторых, нередко на-ряду с земледелием кулак занимается торговлей и ростовщичеством. Во главе семьи стоит в таких хозяйствах старик-отец или дед. В таких хозяйствах имелся лучший скот, больше улучшенных сельскохозяйственных машин: жатки, молотилки, сеялки и др. машины являются достоянием почти исключительно зажиточных крестьян. В таких хозяйствах было гораздо легче справиться с засевом и уборкой хлебов. Под надзором и руководством старика подростки и женщины справлялись с посевом в такой мере, что могли даже обрабатывать и арендованную землю.

В середняцких хозяйствах встречались самые различные сочетания рабочей силы с прочими элементами хозяйственной деятельности. Можно было встретить крепнущего середняка на-ряду с опускающимися в группу бедноты.

Мобилизации первого годы войны было достаточно, чтобы понизить общий тонус крестьянской жизни. Понижение происходило из-за самых мало существенных на первый взгляд явлений. Газеты „Русское Слово", „Торгово-Промышленная Газета" и др. в 1914 г. осенью

[1]) „Посевы и скот в Херсонской губ. в 1915 и 1916 г.г." Стат. отд., стр. 5—16; см. также „Критическая оценка материалов всероссийской с.-х. переписи и метод ее разработки", Сам. губ., стр. 4.

[2]) „Бюллетень ЦСУ" № 84, 4—4, 1924 г., стр. 28.

пестрили сообщениями о том, что уборка урожая запоздала, что хлеб портится на полях под дождем. Запоздал умолот. Затянулись из-за этого посевы озимых, в результате цепь причин дала немало незасеянных полос.

Дальнейшие мобилизации еще более обескровили сельское хозяйство, оставляя его на слабых да малых. По переписи 1917 г. состояние сельского хозяйства в отношении рабочей силы было следующим:

	% работников, взятых в войска.	% хозяйств, оставшихся без работников.		% работников, взятых в войска.	% хозяйств, оставшихся без работников.
Архангельская .	45	35	Тамбовская . .	47	36
Астраханская . .	45	31	Тульская . . .	47	26
Вологодская . .	52	36	Уфимская . . .	44	30
Вятская	49	18	Харьковская . .	49	30
Казанская . . .	44	24	Дон. Область .	43	25
Киевская . . .	51	37	Алтайская . . .	53	44
Московская . .	45	44	Амурская . . .	55	43
Нижегородская	46	34	Забайкальская .	54	41
Олонецкая . .	51	35	Приморская . .	43	33
Самарская . . .	49	32	Тобольская . .	51	37
Саратовская . .	47	30	Томская	44	42[1]).
Смоленская . .	43	30			

Из данной таблицы видно, какой громадный процент хозяйств остался совсем без работников. Получение работников со стороны для крестьянского хозяйства, особенно мелкого, было исключено. В периодической печати не раз сообщалось о безотрадном положении солдаток, оказавшихся единственными работниками в хозяйстве. Их хождение по земствам за получением военнопленных обычно кончалось отказом. В редких случаях в крестьянское хозяйство поступал рабочий-военнопленный, но такое хозяйство обычно оказывалось кулацким или близким к нему. Всего показательнее распределение сельско-хозяйственных рабочих дано в следующей таблице:

Данные о с.-х. рабочих по 10-ти губерниям Европ. России, по переписи 1916 г. (в тысячах).

	Своих и наемных рабочих.		Беженцев.		Военнопленных.	Отношение беженцев и военно-пленных к своим и наемным раб.		
	Муж.	Жен.	М.	Ж.	Муж.	Муж.	Жен.	Обоего пола.
В крестхозе . . .	3.183	5.038	32	37	19	1,6	0,7	1,1
В частновладельческих предприят.	96	72	6	6	22	30	8	20,8
Всего . .	3.280	5.111	39	43	42	2,5	0,8	1,5[2])

[1]) Сиринов, „Очерки по аграрной статистике", 1924 г., стр. 397—404.
[2]) „Сев. Записки", 1917 г., № 1, стр. 184.

В деревне пала активность крестьянства. Волна переселений в Сибирь понизилась до такой степени, что в то время как в 1913 г. переселилось 327 тыс., а в 1914 г. — 323 тыс., в 1915 г.—26 тыс., в 1916 г.—январь, февраль — 1,6 тыс. человек. Людской поток в гораздо большем масштабе был направлен теперь в обратном — с востока на запад—направлении; мирная колонизация была заменена истреблением человека человеком.

Мобилизация земельной собственности испытала также значительное понижение. Так, продано земли крестьянам:

	Частновлад.	%	Крест. над.	%
1913 г. 2-е полугодие .	449 т. д.	100	372 т. д.	100
1914 „ 1 „ „	392 „ „	87	312 „ „	—
1914 „ 2 „ „	281 „ „	63	255 „ „	68,8
1915 „ 1 „ „	197 „ „	44	—	—
1915 „ 2 „ „	142 „ „	32	—	—[1]).

Последний столбец охватывает 301,8 тыс. дес. ликвидировавшихся крестьянских хозяйств, что в среднем дает около 3-х дес. на хозяйство. Следовательно, ликвидация бедняцкой группы ослабела, но в меньшей степени, чем распродажа частновладельческих земель. Это показывает опять-таки на менее выгодную реализацию земель бедноты.

Произошла общая подвижка крестьянского хозяйства в сторону понижения общего уровня. В противовес утверждениям Е. Трубецкого и Тугана-Барановского,— число крупных хозяйств уменьшилось и увеличилось количество мелких хозяйств [2]).

Гораздо сложнее было положение частновладельческих поместий. Часть капиталистических хозяйств перед войной интенсифицировала свое хозяйство, заводя более совершенные севообороты, улучшенные машины и племенной скот. Эта часть помещиков сравнительно легче справилась с затруднениями, вызванными недостатком рабочей силы в годы войны. Их хозяйственность заставила принять немедленные меры против недостатка рабочих рук. Напр., херсонский землевладелец Мержанов сообщает о мерах, принятых им в связи с войной, следующее: „Когда объявили мобилизацию, то лично я ничуть не растерялся, а увеличил у себя количество работающих в поле женщин, и вся полевая работа была совершена в срок и качественно не пострадала“ [3]). То же самое говорит Милютин: „Сведения, взятые нами по 16-ти губ. различных сельскохозяйственных районов, дают нам полную возможность утверждать, что недостаток в рабочих руках хотя и наблюдался повсеместно, но не достиг значительной остроты и был вполне восполним усилившимся применением, главным образом, труда женщин, а также отчасти трудом подростков и беженцев, а в помещичьих экономиях—трудом военнопленных“ [4]).

---

[1]) „Русск. Зап.“ 1916 г., №5, стр. 39.
[2]) „Русск. Зап.“, 1916 г., № 4, стр. 198.
[3]) Доклад Шестакова, ч. 2-я, стр. 13. (Рукопись.)
[4]) Милютин, „Сельскохозяйственные рабочие и война“, Петроград, 1917 г., стр. 116.

Осложнение с рабочими обострилось в России потому, что у нас совершенно отсутствовала организация рынка труда. Первый год войны не дал повышенного спроса на рабочие руки со стороны промышленности. В прифронтовой полосе население не привлекалось еще в больших размерах к окопным и прочим работам. 108 тыс. пленных были переданы в частновладельческие хозяйства; беженцы еще не могли играть заметной роли, так как их было мало. Так или иначе в поместьях, где хозяйство велось капиталистически, с трудностями первого года войны справились сравнительно успешно из-за большого наличия сельскохозяйственных машин.

Хуже дело обстояло в хозяйствах, где земля сдавалась в аренду или обрабатывалась испольно крестьянским инвентарем. Таких хозяйств в России было большинство. Из общей частновладельческой посевной площади по Европ. России в 40 милл. дес. площадь посевов, которые производились самими владельцами своим инвентарем, равнялась 7.687 тыс. дес. по данным всеросс. с.-х. переписи 1916 г.

В таких хозяйствах происходили сильнейшие сокращения посевных площадей. Крестьянин отказывался от „голодной" аренды из-за недостатка рабочих рук, из-за уменьшения возможности реализовать продукт, из-за обилия надельных земель, предлагавшихся в аренду. Пленные и беженцы мало могли помочь такому хозяйству, так как в нем не находилось инвентаря. Вообще не было хозяйства, был только один элемент хозяйствования—земля. „В Европ. России,—говорит обозреватель министерства земледелия,—недостаток скота, рабочих рук, высокая заработная плата и неблагоприятные метеорологические условия были причинами весьма значительного сокращения площади посева озимых хлебов, главным образом у крупных владельцев в губерниях Новороссии, в южных уездах Самарской и Саратовской, а также в Уфимской, Оренбургской, Астраханской губ. и в Предкавказьи. Во многих крупных экономиях указанных губерний озимые посевы сократились на 25—30% и даже на 50% обычно засеваемой площади. В крестьянских хозяйствах этих губерний озимый клин был засеян почти полностью, а в единичных случаях даже расширен за счет полей, предназначенных под посев яровых"[1]).

Второй и третий годы войны значительно обострили нужду в рабочих руках: более чем 6 милл. новых солдат взято было из деревень, что не могло пройти бесследно для хозяйства. К мобилизован-

---

[1]) „Известия Мин. Земледелия", 1915 г., № 47, стр. 1154.
Прокопович в „Войне и нар. хоз.", 2-е изд., 1918 г., стр. 63, дает следующую таблицу сокращения посевов озимых хлебов к 1916 г.

1-я группа	Северные и Приозерные губ.	2,1%
	Центрально-Промышленн.	1,7 „
2-я группа	Юго-Западные	0,8 „
	Малороссийские	1,9 „
	Центрально-Земледельческ.	0,1 „
3-я группа	Новороссийские	8,5 „
	Юго-Восточн.	18,5 „
	Ниж.-Волжск.	40,0 „
	Предкавказье	31,0 „

ным нужно прибавить трудовую повинность конных и пеших рабочих в прифронтовой полосе, где она дошла до крайнего предела после поражения 1915 г.

Поражение заставило мобилизоваться так же и промышленность: она получила большие заказы на снаряды, обмундирование и другие военные материалы и припасы. Отсрочки от призыва в армию и высокая заработная плата [1]) вытянули из деревень всех, кто еще там оставался. Кустари остались без рабочих рук и сами из-за отсутствия материалов прекратили работы в деревне и пошли в город [2]). Из 70—95% населения, занимающегося различными промыслами до войны, продолжали ими заниматься лишь 32—55% в 1916 г., несмотря на всю выгодность промысловой деятельности.

Весь поток призванных и ушедших деревенских работников к 1917 году пополнился 600 тыс. военнопленных и 250 тыс. беженцев, а всего 850 тыс. [3]).

На Юге и Юго-Востоке нередки были случаи оставления урожая неубранным из-за отсутствия рабочих рук. Обозреватель за 1916 г. сообщал следующее: „Сильно затянувшийся сев, затруднения с копкой корнеплодов; семенного клевера никто не успел собрать, и до декабря он стоял на полях в копнищах, на покосах, а то и на корню; вспашки, подготовляющей к предстоящим весенним посевам яровых, почти не сделано; озимые посеяны на скорую руку, возделать почву как следует было невозможно, урожай озими проблематичен“ [4]).

Подобные сообщения имелись из Харьковской, Уфимской, Киевской, Саратовской, Симбирской, Астраханской и Полтавской губерний. По сообщениям корреспондентов недосевы в отдельных районах принимали угрожающие размеры [5]).

3. Лошади и волы

С объявлением войны были мобилизованы лошади и волы—главные двигательные силы в нашем сельском хозяйстве. Сначала к войне было преступно-легкомысленное отношение. Повоюем-де 2—3 месяца, и кончено. Подобные воззрения часто клались в основу целого ряда мероприятий, вызванных войной,—мобилизация квалифицированных рабочих, племенного скота, лошадей у однолошадников и т. д.

В результате мобилизаций увеличилось количество безлошадных дворов; понизился качественный состав стад; уменьшилось количество производителей.

---

1) „Русск. Зап.“, 1916 г., № 4, стр. 201. До войны заработная плата с.-х. рабочих разнилась от той же промышл. рабочих на 10—12%, а во время войны на 200%.

2) „Нар. хоз. 1915 г.“, Петроград 1918 г., стр. 18.

3) „Известия Мин. Земледелия“, 1917 г., № 1.

4) „1916 г. в с.-х. отношении“.

5) „Обзор состояния транспорта и рынков по данным периодической печати“, 10-й вып., стр. 9.

Коневодство в России находилось в несколько отличных условиях сравнительно с Западной Европой и особенно Америкой. Наличие громадного количества механических двигателей в последних отводило лошади, как живому двигателю, менее значительную роль. У нас лошадь почти единственный двигатель. Миллионы крестьянских хозяйств находятся в тяжелой зависимости от лошади. Лишение лошади—самое верное средство выбить из колеи крестхоз. По отношению же к конским и вообще скотским мобилизациям была допущена „небрежная расточительность, не вызываемая положением дел“ [1]). Скот забирался массами, чтобы потом вследствие неподготовленности аппарата пропадать в загонах от голода и болезней. В результате из деревни черпали ведрами, а до фронта доходили капли.

„Пока война скользила по поверхности хозяйства страны, правительство пользовалось тем, что давало свободный рынок, не беря на себя задач регулирования. Российская бюрократия, вместе с блестящей шеренгой российских профессоров-экономистов, оказалась до смешного непредусмотрительной, потому что верхами нашей власти руководили помещики, т.-е. наиболее тупая, жадная и трусливая клика, а экономическая мысль России питалась предрассудками, изжитыми даже в прусских канцеляриях“ [2]).

Недостаток скота на фронте вызывал необходимость новых мобилизаций. Ко второй половине 1917 года лошадей было мобилизовано 2,1 милл. голов [3]). Для волов нет отдельных цифр; они шли вместе с рогатым скотом, которого по расчетам в первый год было убито 14 милл. голов, а всего скота—18 милл. голов. Это составляет 17% наличного предвоенного количества. Нормальный же прирост скота равняется 9 милл. ежегодно [4]).

Огановский предполагал, что первый год войны дал сокращение скота на 20%, а на второй год количество скота, „вероятно, сократится не меньше чем на 40%“. Положение рисовалось чрезвычайно грозным. Статистические сведения, собираемые обычным способом центральным статистическим комитетом, подтверждали эти опасения.

По 50-ти губ. Европ. России рабочих лошадей насчитывалось:

Годы.	Рабочих лошадей.	Нерабочих.	Всего.
1914	17.870	4.658	24.819 тыс. голов.
1915	16.391	4.371	22.318 „ „
1916	15.138	5.573	21.972 „ „
1917	12.801	4.086	17.470 „ „ [5]).

---

1) „Запрос 31 члена Государственного Совета 2 июля 1916 г.“.
2) Орлов, „Продовольственная работа Соввласти“, М. 1918 г., стр. 3.
3) Прокопович, „Война и народное хозяйство“, изд. 2-е, 1918 г., стр. 158.

В первый год мобилизовано лошадей на				310 милл.
„ второй	„	„	„	180 „
„ третий	„	„	„	90 „

4) „Русские записки“, 1916 г., № 3, стр. 264.
5) „Предварительные данные о площадях посева зерновых хлебов... в 73 губ. и областях империи 1914—1915 г.“.

Произведенная всероссийская с.-х. перепись по отношению к скоту показала, что прежние способы статистического исчисления хромали на обе ноги. Несмотря на сильнейшее истребление войной скота, количество его против всяческих ожиданий увеличилось; в частности—рабочих лошадей с 21,8 милл. в 1912 г. до 23,9 милл. в 1916 г. Всего же лошадей в первом году насчитывалось 26,7 милл. голов, а во втором — 31,0 милл. голов, иначе говоря, произошло увеличение на 16%[1]).

Факт роста несомненный, но он нуждается в разъяснении. „Увеличение скота в 1916 году,—говорит Иванов,—только кажущееся; объясняется оно лучшей регистрацией вообще и молодняка в частности“ [2]). В этом заявлении значительная доля правды. Мобилизации забирали крупный рогатый скот, лошадей и оставляли крестьянам по преимуществу мелкий скот и молодняк. Вместо вольного рынка, крестьянин по указке урядника должен был отдавать лучший свой скот в ущерб своему хозяйству за бесценок. Мелкобуржуазное крестьянское хозяйство не могло легко отказаться от вольной стихии рынка. Крестьянин всячески избегал жертвовать Молоху войны продукты своего хозяйства. Организационно он передвинул центр тяжести своего скотоводческого хозяйства в сторону увеличения числа молодняка — жеребят, телят. Он увеличивал стадо не столько за счет взрослого неремонтного скота, сколько за счет молодняка. В этом проявилась, как говорит Вихляев, „запасливость“ крестьянского хозяйства. В 1912 году процентный состав конского стада был таков:

	В 1912 году.			В 1916 году.		
	Раб. лошадей.	Молодняка.	Жеребят.	Раб. лошадей.	Молодняка.	Жеребят.
Европ. Россия . .	83	10	6	79	10	9
Аз. Росс.	77	13	8	72	15	13
Россия в целом . .	81	11	6	77	12	10

Молодняк не реквизировался, мог быть выгодно продан, а в случае окончания войны молодняк являлся лучшим залогом для восстановления хозяйства. Объективно подобные субъективные рассуждения покоились на урожае 1915 г., на большом наличии кормов, на слабом сбыте хлебов на рынок.

Наряду с подвижкой к омоложению стад произошла подвижка в сторону мелкого скота. Так, процентный состав стада всего скота Европ. России был следующим:

Годы.	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Коз и овец.	Свиней.
1913	20	29	37	12
1914	20	29	36	12
1916	16	27	44	11

[1]) Огановский, Кондратьев, „Перспективы“, стр. 69.
[2]) „Естественные производительные силы России“, т. VI, 12, стр. 27.

Овца решительно заполнила места прочих видов скота. Здесь опять-таки сказалась большая рыночная рентабельность в военных условиях овцы, так как овцы в первые годы войны не подлежали мобилизации.

Беря лошадей, мы должны сказать, что увеличение рабочих лошадей за время войны вряд ли произошло, хотя это и показывается статистически. Довоенные способы собирания статистических сведений неоднократно критиковались, так что они могут приниматься только как относительно более или менее ценные. Всероссийская с.-х. перепись производилась в крайне неблагоприятных условиях, как об этом в предисловии пишет Румянцев. Не было работников маломальски грамотных статистически; перепись проводилась спешно; население не имело особого желания правильно давать сведения. Все эти сообщения дают нам право считать, что увеличение числа рабочих лошадей есть скорее грех статистики, чем реальный факт. Более правдоподобно увеличение молодняка, что соответствовало рыночной тенденции крестхоза в военное время.

После такого замечания мы вправе считать, что мобилизация лошадей оказала разлагающее влияние на с.-х. производство.

К сказанному еще необходимо добавить то, что беженская волна в большинстве случаев разрушила свои насиженные гнезда, погубила скот, в том числе и лошадей. Незначительный процент беженцев осел вместе со своими лошадьми, большая же масса растеряла их в дороге.

Притом громадная прифронтовая полоса вся была обязана трудовой повинностью. Конный и пеший подвергались тяжелым земляным и пр. работам. Не считая физически истребленного скота в хозяйствах во время отступления и наступления, мы считаем прифронтовую полосу фактом большого осложнения в с.-х. производстве с живым инвентарем.

4. Мертвый инвентарь

Лозунг „все для войны", который в момент шовинистического угара залил даже мыслящие подчас мозги, в с.-х. машиностроении произвел наиболе сильные разрушения [1]). Во-первых, мобилизованы были рабочие, во-вторых, заминка со сбытом машин в первые дни войны заставила рассчитать даже часть оставшихся рабочих. Из обследования части крупнейших заводов выяснилось, что из 21,9 тыс. рабочих до войны осталось лишь 9,7 тыс. рабочих; в первые месяцы после объявления войны недостающее число рабочих взято в армию или распущено [2]).

В дальнейшем отрасль с.-х. машиностроения была лишена преимуществ при получении сырья и провозе его и готовых изделий по железным дорогам и водным путям. Объявление войны оставило машиностроите-

---

1) Гриневецкий. „Послевоенные перспективы", 2-е изд. 1922 г., стр. 20.
2) Доклады и материалы по вопросам, включенным в программу чрезвычайного Всероссийского Съезда представителей бирж. Торг., 1915 г., стр. 13.

лей без денег, так как земские склады не могли покрыть своей задолженности из-за военных событий. До 25 сентября 1914 года из 31 милл. руб. земствами просрочена была уплата 8 милл. руб., т.-е. 25%[1]).

Промышленники просили выдать им 10 милл. ссуды, правительство обещало, но выдача была произведена лишь в конце 1915 года. Дело дошло до того, что с.-х. машиностроители стали взывать к пробуждающейся земской общественности, прося у нее поддержки. Поплавский, представитель промышленников на московском совещании по вопросам обеспечения населения с.-х. машинами, сделал специальный доклад о нуждах промышленности. В основном он просил поддержать требование о включении с.-х. машиностроения в группу заводов, работающих на государственную оборону. Однако лозунг „все для фронта" и прежняя вражда между земствами и синдикатом помешали найти общий язык. С.-х. машиностроение было предоставлено в первый год войны на волю стихии, результаты чего не преминули сказаться в довольно быстром снижении производства.

Сюда же необходимо присоединить плоды зоологического шовинизма—секвестр 40 заводов немецких подданных, передача их министерству земледелия, а потом „хождение по мукам" — по различным арендаторам. Эти обстоятельства почти вывели из строя крупные предприятия. Уже в декабре 1914 г. крупные с.-х. заводы сократили производство на 67%; а к сентябрю 1915 г. 34 крупнейших завода сократили производство на 78% нормальной выработки мирного времени[2]).

В 1916 году по анкете, охватившей 173 крупных завода, производство с.-х. машиностроения понизилось на 75% сравнительно с 1913 г.[3]).

Обезлюдение и обезлошадение деревни, с одной стороны, и разложение производства с.-х. машин,—с другой, обратили на себя внимание общественных организаций. Специально вопросу с.-х. машин был посвящен целый ряд съездов: Киевский, Московский, Петроградский, Омский и т. д. Отдельные земства строили широкие планы организации с.-х. машиностроения. Считалось, что „война—нет худа без добра—наталкивает на многое, заставляет задуматься над целым рядом вопросов[4]).

Но планы поблекли, не успевши расцвесть, земские начинания не дали результатов. Положение же с.-х. инвентаря становилось все более угрожающим. В результате „весь 1916 г. проходит под знаком сочувствия с.-х. машиностроению... Однако было уже поздно" [5]). Запоздание оказалось по двум причинам: предприниматели, видя малую обеспеченность прибылей в с.-х. машиностроении и громадные, прямо невиданные доходы от предприятий, работающих на оборону, прекратили выработку машин и занялись выработкой снарядов для армии.

---

[1]) Доклады и материалы..., стр. 13.
[2]) Измайловская, „Русское с.-х. машиностроение", 1920 г., стр. 49—53.
[3]) „Русские Записки", 1916 г., № 3, стр. 267.
[4]) „Труды совещания 15—18/X 1915 г. по вопросам обеспечения населения с.-х. машинами", 1916 г., стр. 41.
[5]) Измайловская, там же, стр. 57.

Часть особенно упорствующих—их было немного—понудило само правительство в июле 1915 г. перейти на выработку военного снаряжения. Получилось, что в 1916 г. объектов для сочувствия осталось мало, да и те, которые остались, были второстепенные.

Затем при всем своем сочувствии на втором году войны правительство не могло уже управлять хозяйством. Распоряжения правительства обычные, чрезвычайные, гражданские и военные уподоблялись детскому картонному мечу.

В 1916 г. отпущено было оставшимся заводам 4 милл. пуд. чугуна, железа и стали, вместо 13—15 милл. потребного. Но из назначенных 4 милл. заводы получили только 1,3 милл. пудов. При выдаче разрешений на провоз изделий и сырья по жел. дор. и водным путям предприятия получали льготы и преимущества. „Но, как в деле снабжения металлом, все издаваемые распоряжения оставались в значительной степени мертвой буквой“ [1]).

В результате, „в 1917-й год мы вступаем с совершенно разложившейся промышленностью и с определенным голодом в деревне“ [2]). Деревня с первого года войны нарасхват собирала старые запасы с.-х. машин и орудий из с.-х. складов земств. После того как подкрепления с заводов перестали поступать на склады, деревня оказалась предоставленной деревянной сохе и косуле. Заявления заводчиков в 1916 году о том, что они могут удовлетворить лишь 8% обычного спроса, в достаточной мере свидетельствует о слабости снабжения деревни машинами.

Статистические данные о разложении этой отрасли промышленности следующие:

1913 г. . . .	.	100%	то	же	самое	по	стоимости	60	милл.	руб.
1914 „	.	90 „	„	„	„	„	„	43	„	„
1915 „	.	50 „	„	„	„	„	„	30	„	„
1916 „	.	20 „	„	„	„	„	„	12	„	„
1917 „	.	15[3])„	„	„	„	„	„	9	„	„[4]).

Не меньшее разложение испытала кустарная промышленность. Уж самое обращение к кустарным изделиям обозначало деградацию с.-х. производства. Тем не менее эта деградация должна быть значительно большей, так как не оказалось поддержки со стороны кустарной промышленности. В довоенное время кустарное производство исчислялось в 6—8 милл. руб. С объявлением войны часть кустарей была мобилизована, а часть ушла в города благодаря более высокой там заработной плате. Невозможность достать сырье свела оставшихся кустарей на ремонтные работы с тем, чтобы в дальнейшем лишить их всякой возможности продолжать работу, так как сырье пере-

---

1) Измайловская, там же, стр. 58.
2) Там же, стр. 63.
3) „Доклад Советов съездов“, 1915 г.
4) „Новая Петровка“, 1923 г. 7 ноября, стр. 15. См. также Гриневецкий, „Послевоенные перспективы“, 1922 г., 20: „Россия почти утратила эту весьма ценную отрасль промышленности“.

стало к ним совсем поступать. Если не принимать во внимание деревянных косуль и сох, то кустарное производство можно считать ликвидированным к 1917 году. Даже кузнецы с их ремонтом почти все позакрывали свои кузницы.

Потребности населения в с.-х. машинах, около 50%, удовлетворялись перед войной ввозом из-за границы. Связи по снабжению России с.-х. машинами были особенно велики с Германией. Война, следовательно, ударила всего сильнее по этой стороне импорта. Фактически со ввозом во время войны положение было следующим:

В среднем, за	1909—1913 г.	ввезено	9.667	тыс. пуд.
„ „	1914 „	„	7.233	„ „
„ „	1915 „	„	196	„ „
„ „	1916 „	„	391	„ „
„ „	1917 „	„	1.726	„ „ [1]).

Таким образом деревня со всех сторон обезинвентаривалась. Война должна была переломить производственную линию вверх и направить ее вниз. Отсюда при оценке разрушающего влияния войны на хозяйство должно принимать во внимание не только уменьшение производства сравнительно с последним довоенным годом, но и уничтожение тенденции роста, выразившейся в предвоенные годы довольно рельефно.

До войны наметилось улучшение сельского хозяйства. Сильно росло потребление машин и минеральных удобрений. Во время войны почти прекратилось как употребление машин, так и минеральных удобрений. В 1913 г. из общего количества в 42 милл. пуд. минеральных удобрений, употребленных в России, было ввезено из-за границы 31 милл. пуд., и внутри России было выработано 11 милл. пуд. Главная масса удобрений ввозилась из Германии. Война опять-таки ударила по этой связи, благодаря чему:

в 1913 г.	было	ввезено	34	милл. пуд.,
„ 1914 „	„	„	22	„ „
„ 1915 „	„	„	4	„ „
„ 1916 „	„	„	0,11	„ „ [2]).

Внутри страны часть удобрений была взята для выработки военного снаряжения. Затем часть предприятий, производивших минеральные удобрения, находилась в Прибалтике и Польше; эти предприятия прекратили работать в связи с положением на фронте. К этому нужно прибавить причины общего характера, вызванные войной.

При больших усилиях со стороны земств удалось наладить несколько предприятий для производства минеральных удобрений. Но результат все же получился далеко не блестящий. Вместо 42,4 милл. пуд. в 1913 году, на рынок поступило в 1916 г. только 3,9 милл. пуд. минеральных удобрений [3]). Если принять во внимание, что захваченные

---

[1]) Огановский, „Сельское хозяйство России в XX в.“, 1923 г., стр. 337.
[2]) „Сел.-хоз. России в XX в.“, стр. 308—309.
[3]) „Труды Всеросс. съезда Советов Нар. Хоз.“, 1918 г., стр. 445.

немцами губернии больше всего потребляли минеральных удобрений, если преуменьшить соответственно с оставшейся территорией количество потребляемых минеральных удобрений, то все же предложение их на рынке было крайне ничтожно, так как на уменьшенной территории потреблялось минеральных удобрений в 1913 г.—15,5 милл., а в 1916 г.—только 4 милл. пудов, в 1917 г.—3,3 милл. пуд.

Уменьшение потребления минеральных удобрений указанным не исчерпывается. Необходимо принять во внимание, что деревня с уменьшенным количеством скота не могла иметь прежнего количества навоза. Отсутствие работников в деревне вынуждало население оставлять имеющийся навоз на дворе или выбрасывать его за околицу. При таком обороте дела количественные изменения элементов хозяйств должны были превратиться в качественные изменения—падение урожайности.

В тяжелом положении оказались хозяйства, связанные с заграничными семенами. В первую голову пострадали огородные хозяйства, а затем различные промышленно-технические культуры. Ввоз различных семян из-за границы равнялся:

в 1913 г.	3,3	милл. пуд.
„ 1914 „	2,1	„ „
„ 1915 „	1,0	„ „
„ 1916 „	0,0	„ „[1])

Сокращение числа зерноочистительных обозов, отсутствие их пополнения и особенно отсутствие мелких запасных частей лишили громадную часть населения очищенного зерна для посева.

Немалое значение имели затруднения с перевозками и продажей зерновых продуктов. Районы, пользовавшиеся подвозными семенами для посевов, оказались или совсем без семян, или с мало доброкачественными семенами. За время войны количество районов, нуждающихся в подвозе семян, сильно возросло, с одновременным сокращением самой возможности подвоза.

Цепная зависимость явлений в народном хозяйстве влекла за ухудшением одного фактора производства ухудшение другого. Война вызвала разложение не одного, а целой суммы факторов производства, почему ее действие и отразилось особенно сильно на нашем хозяйстве.

Сельское хозяйство ведет свое производство на земле. Земля выступает как один из элементов в производственном процессе. Но этот элемент несколько своеобразен. Еще Рикардо отметил, что земля с пользованием не ухудшается, как это происходит с машиной, а улучшается. То же самое отметил Маркс [2]). Техники земледелия нам доказывают, что в зависимости от системы землепользования, от системы распределения культур, от введения в посев трав, клубнеплодов качество земли повышается. Даже одной системой вспашки можно сильно повысить урожайность.

---

1) „Сельское хозяйство России в XX в.“, 1923 г., стр. 308—309.

2) Маркс, „Капитал“, т. III[2], 1907 г. Моск. Книгоиздат. „Напротив, земля если она привильно возделывается, все улучшается“, стр. 310.

Война в дело пользования землей внесла значительные ухудшения. Как мы уже говорили, снабжение орудиями и машинами сельского хозяйства почти приостановилось. Железа в деревню тоже почти не поступало. Крестьянин, с потерей старого инвентаря, обращался к примитивным орудиям обработки, к несортированному зерну. Плохо обработанная и засеянная засоренным зерном земля дала возможность в громадной степени размножиться сорнякам и всякого рода вредителям. Нередки случаи, когда земля просто забрасывалась, и трехполье превращалось в двухполье. Земля отдыхала, что способствовало накоплению в ней энергии для хлебных злаков. Но вместе с тем бросовая земля таила в себе неисчерпаемые источники сорняков и вредителей. При чересполосном владении бросовые земли являлись рассадниками сорняков и вредителей для всех остальных земель. В результате, уменьшение урожайности и засоренность полей достигли угрожающих размеров.

Война, таким образом, постепенно подготовляла потрясающий голод 1921 г., массовое появление различных вредителей (саранча, озимая совка, грызуны, гессенская муха, льняная блоха, совка гамма, долгоносик и т. д.).

ГЛАВА II

1. Внеэкономический разрыв связей сельского хозяйства с мировым рынком

Мировые связи русского народного хозяйства из-за войны претерпели глубокие изменения. Взаимоотношения, существующие перед войной у России с заграницей, сложились не сразу, не оторванно от хозяйства, а в связи с его ростом. Между ростом ввоза и ростом внутреннего производства наблюдается постоянный параллелизм, что видно из следующей таблицы:

	1887 г.	1897 г.	1908 г.	1912 г.
Сумма внутр. производ.	1.042	2.169	3.716	4.565
в процентах	100%	208%	174%	122%
Импорт	455	635	1.148	1.451
в процентах	100%	139%	180%	126%[1]).

Каждый предыдущий год принимается за 100%.

Ввоз важен, как жизненная потребность для всех отраслей народного хозяйства в большей или меньшей степени. На примере других стран, более промышленных и развитых, мы видим, что мировые связи не слабеют со временем, а, наоборот, крепнут, только меняется их характер. Разрыв сношений при таких условиях подобен разрыву чувствительнейших тканей живого организма: бесследно он пройти не может.

Характер нашей связи с мировым рынком выдвигал на первое место значение вывоза на внешний рынок для продуктов сельского

[1]) „Внешняя торговля и народное хозяйство России“, 1923 г., стр. 136.

хозяйства и ввоза, главным образом, машин и полуфабрикатов для промышленности. Экспорт с.-х. продуктов составлял 80% всего вывоза до войны.

Целый ряд районов—Юго-Восток, Нижнее Поволожье, Сибирь, льняные районы—работали главным образом на мировой рынок. Напр., льна вывозилось в 1913 г. 59,9% всей продукции, масла коровьего—55% [1]). Мы уже приводили процент вывоза хлебов к общей продукции. Наиболее значительным был процент вывоза для кукурузы, ячменя и пшеницы.

Сельское хозяйство в этих районах строилось в течение десятков лет при наличии связей с мировым рынком. Разрыв сношений лишал стимула не только для расширения производства, но даже и для поддержания на старом уровне хозяйств этого района. Смычка с мировым хозяйством дает сельскому хозяйству, с одной стороны, непосредственно машины, орудия, минеральные удобрения, улучшенные семена и средства для борьбы с вредителями; с другой стороны, — в большей степени эта смычка проявляется во ввозе промышленного сырья, машин и изделий для нашей промышленности. Последняя, переварив иностранные товары, выбрасывала их снова в деревню. В среднем, за 1911—1913 г.г. ежегодно ввозилось из-за границы на 597 милл. руб., в то время как вывозилось по тем же графам с.-х. продуктов на 1.343 милл. рублей [2]).

Отмеченная циркуляция взращивала промышленность и увеличивала емкость русского рынка. За время войны разрыв связей выразился в следующем уменьшении как ввоза, так и вывоза:

Годы.	Вывоз в милл. пуд.	% %	Ввоз в милл. пуд.	% %
1909—1913	1.422	100	686	100
1914	814	57	649	94
1915	131	9	240	35
1916	143	10	250	36
1917	59	4	178	25.

В общем падении ввоза во время войны доля с.-х. машин понизилась значительно сильнее, чем доля всех остальных продуктов. Потребность увеличения выработки военного снаряжения заставила форсировать ввоз машин и полуфабрикатов, потребных для работы мобилизованной промышленности. Постоянный недобор, недовывоз из-за границы предметов, потребных для мобилизованной промышленности, отодвигал на второй план ввоз с.-х. машин и орудий. О сельском хозяйстве до конца 1916 г. просто забыли. Поэтому не безынтересно будет сравнить темп падения ввоза в целом и с.-х. машин в частности:

---

1) „Внешняя торговля и нар. хоз. России", 1923 г., стр. 43.
2) „Сельское хозяйство России в XX в.", стр. 321.

Годы	Общий ввоз в милл. пуд.	%	Ввоз с.-х. машин в милл. пуд.	%	Мин. удобр. в милл. пуд.	%
1909—1913	686	100	9,9	100	31	100
1914	649	94	7,2	75	22	70
1915	240	35	0,1	2	4	12
1916	250	36	0,3	4	0,001	0
1917	178	25	1,7	17	—	—[1]).

Ввоз товаров мирно-хозяйственного значения упал до 0. Повышение ввоза с.-х. машин с 4% в 1916 г. до 17% в 1917 г. объясняется опять-таки военными нуждами. Правительство вынуждено было обратить внимание на сельское хозяйство, так как без хлеба война легче всего могла быть проиграна. Поэтому было выписано машин в 1917 г. значительно больше, чем в 1915—1916 г. г., вместе взятых. Однако увеличение ввоза было каплей влаги в иссушенной пустыне.

2. Внутренний рынок

Внутри страны с момента объявления войны рыночные сношения испытали большое изменение. Произошло распадение отдельных районов, поневоле замкнувшихся в самих себя. Причиной распада были транспортные неурядицы и разложение народного хозяйства в целом, которое наступило с началом войны.

Обмен в стране, а тем более между странами возможен лишь тогда, когда для этого имеются материальные предпосылки. Мало иметь товар, который нужно продать, нужно доставить его потребителю. Нужно дать товарам беспрепятственно течь в нужных для них направлениях.

3. Транспорт

В отношении транспорта Россия была значительно слабее других стран. В различных странах железных дорог имелось следующее количество верст:

	Годы:	Протяж. в т. миль.	На 10.000 ж.	На 1.000 кв. миль.
Соед. Штаты	1918	264	24,8	88,8
Германия	1914	39	7,2	230,0
Франция	1914	31	7,1	150,0
Англия	1915	23	5,1	195,0
Бельгия	1914	5,4	7,1	479,0
Швейцария	1919	3,8	9,4	233,0
Россия	1916	48,0	2,7	5,9[2]).

Насколько слабее была развита эксплоатация наших железных дорог сравнительно с иностранными, видно из следующей таблицы:

---

[1]) „Сельское хозяйство России в XX в.", стр. 321—331.
[2]) „Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.", стр. 160.

	На километр приходится за год		На 100 километров сети приходится		
	человеко-километр. в тыс.	грузовых тонн-километр.	локомотивов.	пассаж. вагонов.	грузов. вагонов.
Россия	357	935	31	35	701
Германия	673	1.072	50	110	1.175
Бельгия	1 110	—	99	180	2.077
Великобритания и Ирландия	—	—	61	140	2.122[1]).

Промышленная слабость России считалась квасными патриотами сильной стороной России в войне, в действительности вышло обратное. Редкая сеть, загроможденная военными перевозками, подвергнутая беспорядочному экспериментированию со стороны военных властей, не выдержала предъявленных к ней требований. Отдельные районы оказались оторванными друг от друга. Россия вернулась почти к эпохе Николая I, когда вместо стального гиганта—паровоза работала крестьянская лошадка.

В первый же день мобилизации потребовалось закрытие станций для приема частных грузов. Прием частных грузов был возобновлен только в начале октября 1914 г.[2]). Теснота вокзалов, залежи грузов, скученность пассажирского движения, которую признал сам министр путей сообщения Трепов, за время войны усилились в громадной мере.

Для нормального использования сети нехватало 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов. Хотя мобилизация была произведена в плановом порядке, но в мирное жел.-дор. движение она внесла полный беспорядок. Произошла полная смена направлений. В дальнейшем пришлось на фронт направлять только груженые вагоны и возвращать их пустыми. То же проделывалось и не только на фронте. Срочность военных заданий, беспорядочность требований осложняли до чрезвычайности установленные порядки на жел. дорогах.

С самого начала войны управление жел. дорогами разделилось. Часть глубокого тыла осталась за министерством путей сообщения, а в прифронтовой полосе управление перешло в руки военных властей. Вообще в первый год министерство путей сообщения растерялось,—как потом признавал сам Трепов,—так что „к делу перевозок причастны были почти все ведомства. Распоряжения принимались совершенно несогласованные, распоряжения делались ведомствами, может быть, к тому прямо не призванными, делались даже непосредственно в местных установлениях...“ [3]). При таком многовластии

---

[1]) „Мировое хозяйство...“, стр. 165.

[2]) „О работе жел.-дор. сети в условиях настоящей войны“, 1916 г., Петроград, „не подлежит оглашению“, стр. 8. См. также выдержку из анкеты в 1914 г., приведенную в „Ежегоднике газеты Речь“ на 1915 г. „Серьезнейшее расстройство в регулярные отправления фабрично-заводской промышленности внесло другое, непосредственно связанное с мобилизацией, ей сопутствующей, явление—закрытие жел.-дор. путей для коммерческого движения“.

[3]) „Русские Записки“, 1916 г., № 1, стр. 235.

не чувствовалось никакой власти. Военные власти задерживали порожняк-вагоны в своей части, а в тылу, в то же время, не во что было грузить снаряды для фронта, не говоря уже о хоз. грузах.

Все вместе взятое, несмотря на повышение интенсивности работ жел. дорог, не могло компенсировать прежней провозной способности для народного хозяйства. В то время как

в 1913	г.	перевезено	7.985.	милл.	пуд.	всяких	грузов—100%
„ 1914	„	„	6.636	„	„	„	„ 83 „
„ 1915	„	„	5.376	„	„	„	„ 51 „,

хозяйственные грузы все больше оттесняются грузами военными. Автор анонимной записки, неоднократно цитированной нами, считает, „что потребности армии и все новые перевозки, вызванные исключительно войной, поглощали и продолжают поглощать не менее $^1/_2$ всей перевозочной способности наших жел. дорог“ [1]).

Дороги явно не справлялись с требованиями, к ним предъявленными. По самым минимальным подсчетам Октябрьская ж. д. (бывш. Николаевская) должна была пропускать 2.200 вагонов в сутки, а она пропускала 1.500. Пришлось прибегать к приостановке пассажирского движения—„к товарным неделям“.

Всякого рода „смазчики, толкачи, мешкачи“ сделались необходимым дополнением к работе транспорта, но вместе с тем они ложились тяжелым налогом на потребителя и разлагали транспорт. Разница в ценах на продукты в производящих центрах и в потребляющих достигла невиданных размеров. Так, в 1915 г. цена овса в Петрограде равнялась 3—4 руб. за пуд, в Ельце—1 р. 25 коп., а в Сибири—30 коп. [2]). Мы уже приводили таблицу сравнительных цен по районам, в которой цены Сибири, Предкавказья, Юго-Востока значительно ниже, чем в других районах, более близких к фронту и промышленным центрам. В отдаленных производящих районах хлеба было много, но сбыть его не было возможности, цены были низки. Отсутствие сбыта отнимало стимул у производителя сеять хлеб.

Положение осложнялось для народного хозяйства тем, что перевозки на водных путях тоже уменьшились. Так, в 1913 г. по Волго-

---

[1]) „О работе жел.-дор. сети“, стр. 9.

[2]) Общий итог перевозок по жел. дорогам хлебных грузов по всем губерниям в милл. пуд. представлен в следующей таблице:

Годы.	Отправл.	Прибыло.	Вывезено на внешн. рынк.
1913	1.202	1.116	626
1914	970	932	464
1915	650	615	34
1916	490	379	3
1917	51	106	0,2

„Стат. Сборник“ за 1913—1917 г.г., вып. 2-й, стр. 169; „С. х. России“, стр. 321.

Невско-С.-Двинской группе водных путей было перевезено 2.291 милл. пуд. всяких грузов, а в 1916 г.—1.747 милл. пуд., в том числе хлеба 229 милл. пуд. в 1913 г. и 227 милл. пуд. в 1916 г. [1]).

В связи с разложением промышленности и транспорта происходит процесс обособления деревни от города. Деревня не была заинтересована в продаже своих продуктов. Налоги и прочие платежи производились за счет выплат за реквизированный скот, повозки и т. д., за счет пайкового довольствия семьям мобилизованных. Крестьянское хозяйство лишалось стимула, о котором говорил Юм [2]). Крестьянское хозяйство было придавлено тяжестью бестоварья, оно объективно не только не могло развиваться, но даже удержаться на одном уровне. Оно пошло вниз.

ГЛАВА III

1. Продовольственные мероприятия правительства

При довоенном товарообороте Россия вывозила, в среднем, за 1911—1913 г.г. 585 милл. пудов хлеба в зерне и 41 милл. пуд. муки, всех продуктов земледелия—805 милл. пуд.; продуктов животноводства 21 милл. пуд. и 9,6 милл. штук птицы [3]). Затем внутри страны по жел. дорогам в 1913 г. было перевезено 1.202 милл. пуд. хлеба и по водным путям Волжско-Мариинско-С.-Двинской системы—227 милл. пуд [4]). Бестоварье, закрытие европейской границы, транспортная разруха, сокращение посевных площадей—все вместе взятое привело к катастрофическому падению перевозок. Чтобы обеспечить продовольствием армии и города, правительству пришлось применить целый ряд мер, к обозрению которых мы и переходим

За пятилетие с 1909—1913 г.г., в среднем, ежегодно в России собиралось всего хлебов и картофеля 4.458 милл. пуд. Из них 2.076 милл. пуд. вывозилось и ввозилось 1.301 милл. пуд в различные районы России и за границу [5]). Хлеб передвигался в довольно значительных количествах. Оставалась стационарной лишь часть, потребная для семян и для продовольствия хозяйств. Значительная подвижность хлебных товаров вызывалась ответным движением изделий городской промышленности. Весь сбор хлебов может быть разделен на часть необходимую и прибавочную. Часть необходимая неизбежно должна оставаться внутри хозяйства, часть прибавочная—уходить из крестьянского хозяйства. Крестьянин выпускает прибавочную часть лишь при

---

[1]) „Известия О-ва заводчиков и фабрикантов Моск Пром. района", стр. 327, 1916 г. № 3; „Труды по изучению современной дороговизны", вып. IV. „Нижегородская Ярмарка".

[2]) „Дайте ему (земледельцу) продукты, мануфактуры, и он сам начнет работать более". Давид Юм, „Опыты", стр. 11.

[3]) „С. х. России в XX в.", стр. 317.

[4]) „Стат. Сбор." за 1913—1917 г.г., вып. 2-й, стр. 169.

[5]) П. И. Попов, „Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республик", 1921 г., стр. 8.

условии получения эквивалента за нее, который ему необходим в хозяйстве. П. И. Попов представил в цифрах реальный обмен веществ между городом и деревней в следующей таблице:

Сел. хоз. по отношению к промышленности выступало (в довоенных милл. зол. р.).

Как поставщик:	в 1912—1913 г.	1922—1923 г.	Как потребитель:	в 1912—1913 г.	1922—1923 г.
Прод. продовол. .	1.040	796	Прод. пром. . . .	1.837	395
Сырья	687	371	Пред. шир. потр. .	—	—
Топлива	389	251	Орудия и средства		
Раб. силы	—	—	производ. . . .	316	116

По отношению к мировому рынку сел. хоз. выступало:

Как экспортер:	В 1912—1913 г.	1922—1923 г.
Прод. продовольствия	823	46
„ сырья	223	28
Как потребитель:		
Импортируемых орудий и средств производства	49	2[1]).

Сельское хозяйство за свои продукты (продовольствие и сырье) получало на 2.153 милл. руб. товаров. Происходил обмен равноценностей эквивалентность, установленная в течение десятков лет, регулировала, пропорции обмена. Правда, в этих пропорциях положение сельского хозяйства в России было менее выгодным, чем в странах Запада, но все же, при установившихся пропорциях, сельское хозяйство до войны двигалось вперед.

Государство, взимая налоги с населения, покупало на них продовольствие для армии, оплачивало чиновников и другие потребности государства. Содержание госаппарата, однако, вкладывалось в прокрустово ложе бюджета.

С началом войны все установившиеся отношения были нарушены. Навстречу крестьянскому потоку—хлебу не шел вызывающий его поток товаров. Правительство все больше направляло товары на фронт, а в стране иссякали последние их запасы. Государство, вынужденное содержать, кроме аппарата чиновников, громадную армию, в сильнейшей степени повышало расходы, не покрываемые доходами. Заработал печатный станок. Государство закупало на бумажки товары, не давая взамен других товаров.

Отступив от мер экономических, дезорганизуя хозяйство внеэкономическим воздействием, правительство вынуждено было заняться регулирующей, направляющей деятельностью, чтобы обеспечить продовольствием, сырьем и топливом армию и промышленность.

---

[1]) П. И. Попов, „Сельское хозяйство Союза Республик", 1924 г., стр. 5.

Регулирующая деятельность в силу необходимости должна была в основном заменить экономическое тяготение продуктов деревни в город внеэкономическим принуждением—требованием сдачи хлеба государству, угрозой реквизициями, установлением твердых цен.

Проведение принципа принуждения, вместо экономической свободы, встретило сильное противодействие со стороны заинтересованных землевладельческих групп. Просто не считаться с этими группами дворянскому правительству было невозможно. Потребности фронта в то же время повелительно требовали усиления снабжения. Правительство находилось между Сциллой и Харибдой, между молотом и наковальней, обойти оба препятствия было невозможно. Положение правительства было таково, что ему нужно было и фронт накормить, и дворян землевладельцев не обидеть. Отсюда все мероприятия правительства носят чересчур запоздалый и половинчатый характер.

Половинчатость в первую голову отражается на органах, созданных ведать продовольствие. 1 августа 1914 г. на главноуправляющего земледелием и землеустройством была возложена заготовка продуктов сел. хозяйства для армии. Этим постановлением не были уничтожены продовольственные организации, до сих пор действовавшие в России. Сюда относится наиболее сильная интендантская заготовительная сеть, земское и городское самоуправления, продовольственная часть министерства внутренних дел, командующих округами и армиями, уполномоченных помощи беженцам. Все эти различные организации действовали на свой страх и риск, друг у друга нередко перебивая продукты. Согласования не было никакого. Для установления единства были в 1915 г. министру торговли и промышленности предоставлены полномочия по координации заготовок продовольствия в стране. Однако бюрократическая инерция и ведомственная спесь бесславно похоронили важные обязанности нового органа. Новые полномочия только усилили путаницу [1]).

В 1915 г. 17 августа было организовано „Особое совещание по продовольствию". Оно было наделено лишь совещательными функциями, но председатель, кроме того, что он мог приглашать по своему усмотрению лиц на совещание, получил широкие права назначать твердые цены, а также всю высшую власть вне фронта по заготовкам продовольствия. Однако раздвоение продовольственных заготовок осталось, хотя у председателя особого совещания теперь остался лишь один конкурент в заготовках – военная власть.

Продовольственное осложнение заставило на-ряду с обще-государственными организациями учредить снабжение продовольствием населения через местные самоуправления—городские и земские управы. Из 784 городов в 1915 г. 1/X было опрошено 659 городов, из которых заявили о недостатке продовольствия 500 городов, или 75,8%

[1]) См. Кондратьев, „Рынок хлебов", 1922 г., стр. 80. См. также „Современный Мир", 1916 г., № 4, стр. 78. „В результате такого обилия преимуществ, исключительных положений, „общих руководств", телеграмм, распоряжений, положений, правил, совещаний, уполномоченных, комиссий и комитетов к началу осени кризис продовольствия и топлива разразился с необычайной силой". Загорский.

опрошенных, следовательно самоуправления вынуждены были заняться продовольственным делом. Но нужно оговориться, что большого эффекта от продовольственной деятельности самоуправлений не было: в большинстве случаев они сдавались на милость торговцев, о чем немало говорили делегаты совещания по вопросам о дороговизне [1]).

Но шума они создавали много и сильно путались в порах правительственного заготовительного аппарата.

Закупка хлебов производилась за счет бумажных денег; прилив товаров в деревню постепенно ослабел настолько, что базары и ярмарки утеряли свое торговое значение. При громадном спросе и малом предложении, с одной стороны, и при невиданном выпуске бумажных денег цены на все товары испытывали невероятные скачки.

Погоня за быстро растущими ценами путем выпуска бумажных денег еще быстрее подхлестывала повышение цен. Поэтому пути правительства вели к верному финансовому краху. Правительство из двух возможностей выбрало путь краха, но старалось возможно дольше задержать пришествие конца. Одной из задерживающих мер были твердые цены.

Первый год продовольственной работы прошел все же более или менее удачно для заготовщиков. Задание в 231 милл. было выполнено с превышением. Было заготовлено в 1914—1915 г.—302 милл. пудов всех хлебов, или 131% к заданию. Цены к апрелю 1915 г. на пшеницу повысились до 135%, рожь—до 161%, овес—до 215%, ячмень—до 151%, а к августу того же года вследствие хорошего урожая цены на все хлеба пали: на рожь—до 146%, пшеницу—до 118%, овес—до 184% и ячмень—до 124%.

Удачно проведенный по заготовкам год внес в общее продовольственное дело страшный хаос.

Второй год продовольственных заготовок начался при очень благоприятных условиях. Твердые цены, вызванные быстрым ростом цен в первом году (17/II 1915 г.), были слабой попыткой фиксации цен, задержкой их роста в районах заготовки хлебов для армии. Они были различны в различных районах, их выполнение было довольно слабое. Тем не менее землевладельцы достаточно сильно настроились против них. Мнение, что твердые цены вредны сел. хозяйству, что их возможно применять лишь в случае „крайней необходимости", было господствующим в верхах особого совещания. Благоприятный урожай способствовал утверждению подобного мнения.

Второй год начался без твердых цен. Нужно было заготовить в 1915—1916 г. 343 милл. пудов.

Правительство было радо не стеснять твердыми ценами землевладельцев. Но радость его не была продолжительной. Хлеб не шел на рынок. Несмотря на обильный урожай, сбор хлеба был меньше прошлогоднего:

В 1909—13 г.г.	7.009	милл.	пуд.	всего	хлеба	(ежегодно).
„ 1914 „	6.911	„	„	„	„	„
„ 1915 „	6.386	„	„	„	„	„

[1]) „Труды совещания по эконом. вопросам".

Следовательно понижение сбора объясняется прежде всего сокращением посевных площадей. Затем бестоварье во второй год еще более усилилось, несоответствие цен то же. Бестоварье, бумажно-денежный дождь сделали свое дело, количество товарного хлеба сильно пало к 1915 г.

В 1909—13 г.г.	товарность	равнялась	1.100	милл.	пуд.
» 1914	»	»	802	»	»
» 1915	»	»	542 [1]	»	»

Затруднения с перевозкой, спекуляция осложнили продовольственное состояние городов до чрезвычайности. Настроение против торговцев, доходящее до погромов, отражалось, главным образом, в правой печати, где предлагались довольно радикальные, но мало вразумительные меры борьбы с спекулянтами [2]). Все разговоры про спекулянтов озлобили население, но продовольственных затруднений не упразднили.

Вести от уполномоченных говорили о слабости заготовок, одновременно и города и фронт требовали решительных мер. Снова вяло, неохотно выдвигаются твердые цены. На овес твердая цена устанавливается 5/X 1915 г; на рожь, просо, гречиху, ржаную муку, гречн. крупу и пшено — 6/XII; на пшеницу и пшен. муку—3/II 1916 г. и на ячмень—6/II 1916 г. [3]). Различие сроков установления цен дало неодинаковые твердые цены. Они были выше на хлеба, на которые твердые цены устанавливались позже.

На-ряду с твердыми ценами и во второй год войны существовали беспрепятственно вольные цены. Торговцы могли продавать и покупать какое угодно количество хлебов не по твердым ценам. Торговые запасы хлеба могли подвергнуться реквизиции по твердым ценам, но только в исключительных случаях. В раздвоении, таким образом, был найден выход в борьбе государственного интереса с интересами влиятельных землевладельческих групп [4]).

Вся тяжесть государственных продовольственных мероприятий ударила по крестьянскому хозяйству. После того, как 22/XI 1915 г. уполномоченным было предоставлено право привлекать крестьян к перевозке продовольствия, топлива, к нагрузке и выгрузке, крестьяне мало того что отдавали хлеб по твердым ценам, они выполняли еще целый ряд работ, связанных с проведением топливных и продовольственных мероприятий.

Реквизиции сделались более частым явлением, особенно в тех районах, где заготовкой ведали военные власти. Особое совещание за год зарегистрировало 50—60 случаев реквизиции. Но и это, конечно, не все случаи реквизиций, произведенных на местах.

---

[1]) „Рынок хлебов", стр. 47.
[2]) „Новое Время", „Киевлянин" и др.
[3]) „Рынок хлебов", стр. 143.
[4]) „Русские Записки" за 1916 г., № 6, стр. 290. См. также „Опыт регулирования снабжения хлебом" Ясного, стр. 88.

О запретах вывоза хлебов нужно сказать, что они приняли более широкий характер, так как их получили право делать уполномоченные особого совещания. Однако трудно искать в запретах вывозов какой-либо системы. От темперамента подчас зависело установление свободы или запрета. Можно сказать, что сколько было уполномоченных, столько же было и продовольственных политик.

Продовольственные мероприятия уполномоченных добивали торговый аппарат, так как системой запретов вывозить хлеб, транспортной разрухой, угрозами реквизиции они затрудняли чрезвычайно снабжение городов. Сами же уполномоченные не были в состоянии снабдить все население продовольствием. Не было ни аппарата, ни возможностей. Городские и земские самоуправления тоже были не в состоянии сделать что-либо серьезное. „Правда, организованная общественность, в виде городских и земских самоуправлений и кооперативных организаций, энергично расширяла свою закупочную деятельность, но последняя — разрозненная, не объединенная целостным для всей страны планом—не могла многого дать [1]).

Дело, конечно, не в плане в первую голову, а в цензовых элементах, составляющих основу наших самоуправлений во время войны.

Третий год войны был наиболее трудным в продовольственном отношении. Он обнаружил наибольшие шатания правительства. В борьбе частного хозяйства и государственного интереса пали два министра земледелия—Кривошеин и Наумов. На смену последнему в 1916 г. пришел Бобринский, задачей которого было поставлено установление довоенных отношений между ценами промышленных изделий и с.-х. продуктов. Если в конце 1915 года бюджетная комиссия госдумы признала необходимым пересмотреть целесообразность существования твердых цен, то из недр госсовета 2/VII 1916 г. за подписью 31 члена совета была подана записка, где говорилось, что „твердые цены... отразились угнетающе на с.-х. промысле, мало затронув спекулянтов... сельское хозяйство ответило сокращением производства... По мнению подписавшихся, твердая цена должна быть установлена по себестоимости таксируемого товара для всех участников торгового оборота [2]). Все лето прошло в ожесточенной борьбе.

Выступали две точки зрения: 1) за свободный обмен, вольные цены, 2) за твердые цены, за монополию. Колебания в вопросе продовольственной политики вызвали паралич заготовок хлеба.

Процессу разрушения менового хозяйства необходимо было противопоставить созидательный, регулирующий процесс правительства. Но твердости у правительства не было. Деление рынка на рынок с твердыми ценами и на рынок с вольными ценами продолжалось и дальше. Биржи свободно печатали бюллетени вольных цен, хотя закупка хлеба шла вяло.

---

[1]) Ясный, „Опыт регулирования снабжения хлебом", 1917 г., стр. 16.
[2]) „Запрос 31 члена гос. совета, поданный 2/VII 1916 г.".

Правительство вынуждено было прокламировать новую меру—разверстку. 23/IX 1916 г. разверстка была одобрена, а 2/XII введена в спешном порядке в действие. 31 декабря разверстка должна была быть произведена уже подворно. Разверстано было 772 милл. пуд. Благодаря слабой осведомленности, спешности разверстка была произведена не вполне удачно. Места, распределяя разверстанное, не принимали наложенного количества хлеба на них. Так на 21 губернию падало 506 милл. пуд., а губсовещания приняли только 450, уездные—321, волостные—227, а села—лишь 135 милл. пуд., т.-е. 27% от 506 милл. пуд. Еще слабее дело обстояло с землевладельцами. В Мариупольском уезде они приняли из 250 тыс. лишь 12 тыс., т.-е. 5% положенного [1]). Разверстка производилась самым пестрым порядком.

Товарных запасов разверстка не касалась, торговля шла в меньшей стесненности, чем в 1915—1916 г. Чтобы усилить заготовку, Риттих, новый министр земледелия, распорядился считать твердые цены франко—амбар, а до пристани платилась провозная плата, что повысило стоимость хлеба на 30% в общем. Затем были установлены особые льготы до 6/I 1917 года для сдачи хлеба в этот срок, при чем особо награждались за торгово-комиссионные услуги. Срок еще не истек, и 3/I льготы были продлены до 1/III 1917 г.

Заготовлено было при всем потворстве частной торговле только 540 милл. пуд., или 69,9% разверстки, произведенной особым совещанием по продовольствию.

Третий год войны принес с собой установление твердых цен на некоторые товары и ограничение нормы продовольствия. Были установлены твердые цены на соль и сахар. Но тот и другой товары шли на рынок помимо уполномоченных.

Торговый аппарат самоуправлений был довольно слабый. Кооперация была немногочисленна. Поэтому и таксированные товары не могли попасть по таксе не только ко всем потребителям деревни, но даже и города. В конечном счете таксировка расстроила только товарооборот, не внеся ничего положительного в снабжение товарами деревни.

Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам [2]). Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью [3]).

В город приходил хлеб по взвинченным ценам. Городские товары только поэтому и должны были быть крайне дорогими, а так как предложение их было еще и ограничено, то цены на них в деревне действительно стояли недоступные. Все толки о богатстве деревни в военное время при такой „смычке“ с городом основаны или на

---

1) „Рынок хлебов“, 1922 г., стр. 100—110.
2) „Новое Время“, 26/I 1915 г.
3) Ясный, „Опыты регулирования снабжения хлебом“, стр. 119.

полной безграмотности [1]) или продиктованы классовыми интересами [2]). Деревня получила в действительности в качестве пайков, выиграла от прекращения продажи водки, получила от поставки лошадей и упряжи за 1-й год—1.250 милл. руб.; за 2-й год—1.365; за 3-й год—2.076,— всего 4.691 милл. руб. [3]). Деревня получила еще от продажи хлеба и других с.-х. продуктов значительные суммы и, действительно, покупала на них сласти, белый хлеб и прочие пустяки с хозяйственной точки зрения. Купить средства производства—машины и орудия—почти было невозможно. Часто случалось, что район сидел с большим количеством бумажных денег, но закупить яровых семян не мог, не мог купить лошади, коровы. Деньги шли в кубышки, в чулки и в сберкассы.

За это время происходил процесс обесценения бумажных денег, в результате чего крестьянские кубышки потеряли на $^1/_3$—$^2/_3$ ценности. К октябрю 1917 г. деревня осталась выхолощенной, одновременно с большим наличием бумажных денег.

Хозяйство за это время продолжало изнашивать последний инвентарь, не будучи в состоянии не только обновить его, но даже и отремонтировать. Отпуск металла для нужд населения через министерство земледелия равнялся:

В тысячах пудов.

	Всего.	Для с.-х. машиностроения.	Для с.-х. населения
С I/II по I/X 1916 г.	1.162	869	293
„ I/X 1916 г. по I/I 1917 г.	1.320	993	326
„ I/I—1917 г. по I/III—1917 г.	194	194	—

При таком количестве отпускаемого в деревню железа инвентарь работал лишь сохранившийся. Сделать новый плуг или устроить ему ремонт было невозможно. Кузницы за уходом кузнецов на фронт и из-за недостатка железа прекратили работы [4]).

Фактически произошел сильнейший отрыв деревни от города, отчего производительность земледельческого труда пала, посевные площади понизились. К более подробному рассмотрению последнего мы сейчас и перейдем.

---

1) Данилов, „Влияние великой мировой войны на экономическое положение России", Гиз, 1922 г., стр. 50.

2) „Русское Слово", 1916 г., январь. Ст. кн. Трубецкого.

3) Прокопович, „Война и нар. хоз.", 1917 г., стр. 237.

4) Громан, „Организация нар. хоз. Материалы к V очередному съезду союза городов", 1917 г., стр. 7. „Металлический голод, угольный голод, дровяной голод, кожевенный кризис, кризис мучной, мясной, рыбный, масляной—все это явления по существу одного и того же порядка,—все это пагубные следствия неприспособленности нар. хоз. к требованиям войны. По каждому рынку имеются специфические формы выражения общего процесса истощения, распала, но сущность процесса едина".

ГЛАВА IV

1. Посевная площадь во время войны

„Когда страна потерпела такое гигантское разорение и такой крах, когда мы видим, что этот крах распространяется на весь мир, что завоевания культуры, науки и техники, которые приобретены за много веков, сметены за четыре года этой преступной, разорительной и грабительской войной, и что вся Европа, а не только Россия, возвращается к состоянию варварства,— тогда перед самыми широкими массами и в особенности перед крестьянством, которое более всего, может быть, от этой войны страдало, наглядно встает сознание того, что нужно напряжение всех сил, чтобы избавиться от этого наследия проклятой войны, оставившей нам только разорение и нужду".

Ленин, Собр. сочин., т. XV, стр. 594.

Относительно влияния войны на состояние с. хозяйства обычно, сравнивая сокращение посевных площадей во время империалистической войны и во время революции, приходят к утешительному выводу, вроде Огановского: „В России мировая война оказывает на с. хозяйство сравнительно небольшое отрицательное влияние; вредное воздействие гражданской войны гораздо значительнее" [1]).

Еще более резко подчеркивают разрушительное влияние не столько гражданской войны, сколько революции Бруцкус, Гензель и др. [2]).

Конечно, ни в каком случае нельзя преуменьшать отрицательного влияния на с. хозяйство периода гражданской войны и революции. Но вместе с тем удивительна несерьезность заявлений, вроде сделанных Огановским. Люди после империалистической войны ничему не научились и продолжают повторять мысль Тугана-Барановского, а через него Блиоха, что Россия, именно благодаря своей отсталости и своему с.-х. характеру, легче переживет войну. „Где русскому здорово—там немцу смерть".

Такое воззрение казалось похороненным с концом войны, когда чуть-чуть подсчитали изъяны и разрушения, вызванные войной.

Коммунисты с начала войны отмечали гибельность для нашего хозяйства войны больше, чем для какого-либо другого государства. Ленин подчеркивал, что „наша страна разорена четырехлетней преступной войной больше, чем другие страны. Везде разруха и расстрой-

1) Огановский, „Очерки по эконом. географии РСФСР", ч. I, 1923 г., стр. 103.

2) „Вестник с. х.", МОСХ, 1922 г., №№ 6—7, 15 марта, стр. 23—26. „Социалистическое Хозяйство", 1923 г., №№ 9—10, см. статью Гензеля и ответ на нее Боголепова.

ство, нет товаров в городах и в неземледельческих губерниях страшный, мучительный голод [1]).

Неосторожность Огановского, Бруцкуса и Гензеля в оценке ими влияния империалистической войны на с. хозяйство вызвана, между прочим, опусканием ими темпа предвоенного роста всего нар. хозяйства и в особенности с. хозяйства. После пережитой длительной депрессии наше нар. хозяйство обнаружило живой рост по всем отраслям с 1908 г. С. хозяйство испытало депрессию слабее, чем промышленность, и к тому же оно пережило целый ряд политических моментов, благодаря которым к 1913 г. оно обнаружило большую живость в подъеме. Обшая посевная площадь под рожью, пшеницей, ячменем и овсом по 72 губерниям и областям составляла в 1910 г.— 77,4 милл. дес., или 100%. В 1912 г. посевная площадь тех же культур равнялась—82,5 милл. дес., или 105%, а для 1913 г. произошел новый скачок до 89,3 милл. дес., или 115% [2]).

Сам Огановский устанавливает для зерновых культур рост посевной площади с 1901—1905 г. г. по 1913 г. на 14,8%. Таким образом рост посевных площадей к 1913 г., за последнее десятилетие, выразился не менее чем в 15%.

Второе положение заключается в том, что в начале XX века происходила значительно большая подвижка в с. х. в сторону интенсивных и товарных культур, чем в сторону продовольственных.

Среди зерновых хлебов рост происходил тем сильнее, чем рыночнее была культура. Сельское хозяйство перестраивалось с полунатурального на рыночный лад. Культуры мало рыночные, продовольственные, свойственные больше натуральному хозяйству, уступали место более рентабельным рыночным культурам.

Передвижка культур в сельском хозяйстве особенно показательна на примере интенсивных культур. Так посевная площадь с 1901—1905 г.г. по 1913 г. под промышленно-техническими культурами выросла следующим образом:

	% %
Картофель	20,3
Сахарная свекла	61,0
Подсолнух	61,0
Хлопок	111,6
Кормовые травы	79,3
Табак	18,0
Рис, хмель, рапс	24,4
Итого	24,7

Упала:	% %
Лен	2,1
Конопля	19,1

Все посевы увеличились на 16% [3]).

---

1) Ленин, Собрание сочинений, т. XVI. Гиз., 1923 г., стр. 30.

2) „Материалы к продовольственному плану. Производство, перевозка и потребление хлеба в России 1909—1913". Петроград. Вып. 1-й, 1916 г., стр. 5.

3) Кондратьев, Огановский, „Перспективы развития сельского хозяйства СССР", вып. 1-й, М., 1924 г., стр. 57.

Шаг за шагом интенсивные культуры отвоевывали площадь у зерновых хлебов. Особенно ценно и показательно быстрое распространение травосеяния, хлопка, сахарной свеклы и подсолнуха—все чистопромышленные культуры, непосредственнее остальных связанные с нашей промышленностью. К этому необходимо прибавить зарождение и быстрый рост таких районов, как сибирское маслоделие. Из Сибири было отправлено масла:

В 1901 г.	2.647	тыс. пуд.
„ 1905 „	2.877	„ „
„ 1910 „	4.569	„ „
„ 1913 „	6.004[1])	„ „

Процесс специализации районов, внедряющий принцип разделения труда, повышал производительность труда в сельском хозяйстве. Потребление с.-х. машин, дошедшее до 120 милл. в 1913 г., искусственное удобрение, целый ряд отраслей, „облагораживающих" сельское хозяйство,—крахмально-паточная, свекло-сахарная и т. д.,—все это захватывало все большее количество районов.

Благодетельный процесс движения вперед был медленным сравнительно с странами Запада, но он с течением времени все больше ускорялся, выдвигая при этом отдельные наиболее характерные проявления далеко вперед.

Война обратила все производственные процессы на непроизводительное и разрушающее потребление. Война высосала соки, питающие рост народного хозяйства. Рынок был дезорганизован, мировые связи порваны, кредит, транспорт были отданы на поток и разграбление спекуляции. Здоровое чувство производства было заменено ажиотажем беззастенчивых обирал. Игра на голоде—вот основной штрих военной полосы [2]).

Уничтожив возможность роста, внеся полное изменение рыночных связей, война придавила, как прессом, сельское хозяйство, и, вместо неуклонного роста, посевные площади начали падать. Самым интересным здесь является то, что разрушительные силы войны так растерзали ткань народного хозяйства, что впоследствии она не могла проявить противодействия новым разрушительным процессам во время гражданской войны и революции.

Разрушительность войны была, говоря проще, значительно больше тех цифр, на которые ссылается Огановский и др. Война остановила прогресс сельского хозяйства, война разрушила сельское хозяйство, заставив падать посевные площади и урожайность. Но война в потенции, в скрытой форме, таила еще большие разрушительные силы, которые должны были проявиться с переходом населения на мирную работу.

Революционный период как раз и совпал с проявлением максимума действия разрушительных тенденций войны, находящихся до того в скрытом состоянии. Поэтому в период гражданской войны и рево-

---

[1]) Кочергин, „Транспорт и холодильное дело молочных продуктов в Сибири", Омск, 1924 г., стр. 47.

[2]) Сам же Огановский в другом месте отмечает, что „война ударила... именно в эти выпуклости с.-х. прогресса", „Русск. Зап.", 1916 г., № 4, стр. 189.

люции, помимо действия основных причин, разложение хозяйства достигло особенно высокой точки [1]).

Обратимся теперь к цифрам. Одно предварительное замечание. Официальная статистика была далека от совершенства вообще. К концу войны собирание статистических сведений было совершенно прекращено. Печатание собранных сведений было прекращено за год до прекращения их собирания. На смену ЦСК и отдела с.-х. экономики выступило особое совещание, нуждавшееся в ориентировочном материале для учета продовольственных ресурсов. Затем произведены всероссийск. с.-х. переписи в 1916 и в 1917 г.г. С данными ЦСК в материалах всероссийской с.-х. переписи получились несоответствия по отдельным районам и культурам довольно значительные [2]). Трудно сказать, данные какого источника более правдоподобны, потому что оба источника представляют собой довольно большие недочеты. Поэтому цифры должны браться не как абсолютно точные, а как показатели тенденций. В последнем они бесспорно верны. С такими оговорками мы приводим таблицу движения посевных площадей России (в милл. дес.).

Годы.	Продовольственн.	Крупные.	Второстепенные.	Картофель.	Кормовые.	Общ. посевная площадь.	Общ. посев. площадь по данн. ЦСУ.	Общ. посевная площадь по данным Огановского 1913 г.
1909—13 г. . .	48,5	4,6	2,8	2,7	24,7	83,5	83,1	86,4
1914 г.	51,2	4,6	2,8	2,9	27,0	88,6	—	—
1915 „	50,2	4,3	2,7	2,7	25,0	85,1	—	—
1916 „	44,7	4,3	2,6	2,3	24,1	78,2	79,0	79,1
1917 „	45,1	4,6	2,6	2,1	23,4	78,0	79,4	79,0
То же, в относительных величинах:								
1909—13 г. . .	100	100	100	100	100	100	100	100
1914 г.	105	98	99	109	109	106	—	—
1915 „	103	92	96	102	101	101	—	—
1916 „	92	93	92	87	97	93,7	95,1	91,6
1917 „	93	96	94	81	94	93,3 [3])	96,3 [4])	91,5 [5])

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 312. „Если нам приходится переживать особенно тяжело, особенно остро мучения голода, которые обрушиваются на нас все тяжелее, то мы должны твердо усвоить себе, что эти бедствия являются прежде всего и больше всего наследством этой проклятой империалистической бойни, которая во всех странах привела к неслыханным бедствиям, и где эти бедствия только временно скрываются еще от масс и от осведомления громадного большинства народов"... „Эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства". Стр. 332.

[2]) См. „Материалы к прод. плану. Производство и перевозки"... Петроград 1916 г., вып. 1-й, стр. XI. См. Предисловие к „Предварительным итогам всероссийск. с.-х. переписи 1916 г.", вып. 1-й. „Европ. Россия". Петроград 1916 г., стр. XI.

[3]) Кондратьев, „Рынок хлебов", стр. 39.

[4]) „Сборник статистических сведений по Союзу ССР с 1918—1923 г.", стр. 123, ЦСУ, 1924 г.

[5]) „Сельское хозяйство России в XX веке", стр. 107.

Общая картина падения посевных площадей несомненна. Сильнее всего пали посевные площади картофеля. Немалую роль в уменьшении картофеля сыграло, конечно, запрещение выработки спирта, сокращение работ крахмально-паточных, сушильных заводов. Продовольственные культуры дали значительное сокращение и относительно и абсолютно. Абсолютно сокращение достигло 6,1 милл. десятин. Лишь в несколько меньшей степени подверглись сокращению и кормовые: относительно на 6%, а абсолютно на 3,6 милл. десятин. Общие цифры, однако, не дают представления о внутри-хозяйственных процессах, происшедших во время войны.

Для большей ясности и четкости в происшедших сдвигах мы прежде всего разобьем падение посевных площадей по районам, а затем по культурам.

Распределение районов по темпу падения посевных площадей примет следующий вид:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Северный Кавказ	100	76,2	66,2
Центр.-Промышленный	100	77,2	79,1
Нижне-Волжский	100	88,5	81,9
Приуральский	100	94,6	85,4
Юго-Западн. и Малоросс.	100	92,1	85,8
Новороссийский	100	86,7	87,1
Северный	100	92,9	87,3
Белорусский	100	98,3	88,8
Приуральский	100	92,5	93,9
Средне-Волжский	100	89,8	95,8
Центр.-Земледельческ.	100	95,6	96,6
Степной Край	100	121,0	109,0
Сибирь	100	99,3	110,2
Итого по нечерноземной полосе	100	90,8	85,6
По черноземной полосе	100	90,4	90,1
„ Европ. России	100	90,5	89,1
„ Азиатск. России	100	95,8	100,6
„ России в целом	100	91,6	91,5 [1]

Одно перечисление районов по нисходящей степени указывает на причины понижения посевных площадей. Таковыми причинами могут быть только дезорганизация рынка и выпадение элементов производства.

Только Сибирь в целом представляла исключение из общего хоз. положения России.

Сибирь благодаря расстройству транспорта оказалась как бы за кордоном от остальной России. Вывозить из нее грузы было возможно только в незначительном количестве, почему скот, продовольствие и другие грузы оставались в Сибири.

Что касается производственных условий в Сибири, то с мобилизацией населения на войну положение сельск. хозяйства не ухудшилось так сильно, как в Европ. России в крупнопосевных районах. Во-первых, мобилизация, скупка и реквизиции скота производились в

[1] Огановский, „Сельское хозяйство России в XX в.“, стр. 108—112.

Сибири в меньших размерах, чем в Европ. России. Сибирь и во время войны оставалась многоскотной. Землепользование экстенсивное, в большинстве случаев—перелог. Наличие скота обеспечивало возможность обработки земли выше довоенного. Уборка хлебов запаздывала. Недаром продовольственники еще в 1918—1919 г.г. и даже в 1920 г. находили целые скирды необмолоченного довоенного хлеба.

Кроме того, особенностью сибирского с. хозяйства была не столько продажа хлеба, сколько вывоз и продажа скота. Перед войной с. хоз. из-за транспортных расходов не могло выбрасывать на внешний и даже на внутренний рынки один хлеб, так как провозная плата хлеба из Омска в Ленинград на 2.804 версты равняется 41,2 коп. с пуда; Оренбург—Новороссийск на 2.204 версты—36,91 коп. с пуда [1]). С. хоз. перенесло центр тяжести на выкормку скота и вывоз его на рынок. Было рентабельнее вывозить скот даже в живом виде, откормив его предварительно в хозяйстве, чем везти пшеницу. В докладе уполн. Наркомзема Сибири на пятом экономическом совещании заявлено, что из всей продукции хлебов внутри Сибири продавалось 11% и вывозилось 12% за пределы Сибири. Внутри хозяйств потреблялось 77%, приблизительно 157 пуд. на хозяйство или 30 пуд. на одну душу. Норма для всей России необычайно велика. Разгадка большой нормы очень проста, если мы приведем сведения о том, что продукты скотоводства сбывались внутри Сибири лишь в размере 7,4%, а вывозились в размере 53%, и внутри хозяйств потреблялось 39,6% [2]). Последняя норма совсем не велика, если принимать во внимание массовое распространение в Сибири скотоводческих хозяйств.

В общем доходе Сибири полеводство давало 20% дохода, а животноводство в целом—80%.

Таким образом Сибирь, возделывая, как и прежде, хлеба для выкормки скота, ничего не теряла при этом в ценах, так как цены мяса поднялись значительно выше цен на хлеба, и транспортировка мяса в Европ. Россию была более выгодным делом. Сюда нужно еще прибавить сибирское масло, которое не отставало в росте цен от хлебов, в транспортном же отношении было значительно транспортабельнее последних.

2. Урожаи

Влияние войны сказалось на урожайности хлебов. Плохой урожай в 1914 г. был сменен хорошим урожаем 1915 г. Благоприятные климатические условия, сравнительно слабая еще расшатанность отдельных элементов производства сделали 1915 г. рекордным по урожайности. Следующий 1916-й дал значительно пониженный урожай, а 1917 г.—еще более ухудшенный. Общее засорение семян, плохая вспашка, сокращение удобрений, повышающийся процент безлошад-

---

[1]) Марголин, Бисеров, „Экономика и техника хлебной торговли", 1924 г., стр. 292.

[2]) „Отчет пятого Сибирского экономического совещания с представителями губ. и уездов", Новониколаевск 1924 г., стр. 57—58.

ности и уменьшение в общем стаде рабочих лошадей—все это не могло пройти без следа.

Следующая таблица дает представление о динамике хлебов в СССР:

Годы.	Рожь озим.	Пшеница озим.	Пшеница яров.	Ячмень.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Овес.	Сред. по гл. хлебам.	Лен-семена.	Картофель.
	(В пудах с десятины.)										
1909—13 .	50	62	41	58	36	47	75	53	50	24	461
1914	49	57	40	47	27	37	84	45	46	19	461
1915	60	75	41	51	41	51	75	50	53	23	488
1916	57	67	28	45	38	41	66	50	47	—	—
1917 . . .	45	65	37	49	38	39	85	49	45	21	475 [1]

Территория России настолько велика, что когда в 1915 г. в Европ. России был значительный урожай, Западную Сибирь постиг серьезный недород, а остальные части Сибири дали слабый урожай. Падение урожайности с одновременным сокращением посевных площадей не могло не вызвать значительного падения сборов хлеба.

Так, валовые сборы хлебов по России представлены в следующей таблице:

Годы.	Продовольств.	Крупяные.	Масличные.	Кормовые.	Картофель.	Всего.
	(В милл. пудов.)					
1909—1913	2.783	2.322	218	2.139	1.635	9.097
1914	2.782	183	207	2.242	1.489	6.903
1915	2.980	228	190	1.526	1.455	6.379
1916	2.281	196	172	1.131	1.316	5.096
1917	2.167	199	158	1.229	1.247	5.000 [2]
	В относительных величинах:					
1909—13	100	100	100	100	100	100
1914	100	78	95	104	91	94
1915	105	98	87	76	89	91
1916	82	80	78	52	80	74
1917	77	85	86	57	76	72

Несколько преуменьшенные цифры даются в „Стат. Сборнике“ ЦСУ за 1918—1923 г. г. и в „С. х. России в XX веке“, но в основном тенденция падения сбора проявляется одинаково.

---

[1] „Сбор. стат. сведен. по СССР 1918—1923 г. г“, ЦСУ, 1924 г., стр. 128.
[2] „Рынок хлебов“, стр. 43.

ГЛАВА V

1. Скотоводство

Статистика скотоводства—одна из наиболее спорных областей. До войны скот учитывался ветеринарным управлением, ЦСК, земствами, лошади—специально военным ведомством. Но все эти сведения были не точны. Военно-конские переписи слабо подсчитывали конский молодняк, так как их интересовали по преимуществу лошади рабочего возраста. Потом перепись 1916 г. проведена была тоже не без дефектов. Мало было подготовленных статистиков, перепись производилась в разное время, спешным порядком, были отдельные пропуски. Военное время вообще мало содействует успеху таких мероприятий, как переписи. Поэтому при сравнении статистических данных переписи 1916 г. и ЦСК на вопрос об их достоверности Огановский заявляет: „На этот вопрос мы сейчас с полной точностью ответить не можем, да вряд ли кто-либо когда-нибудь решится взять на себя риск такого ответа“ [1]).

Затем известные статьи Вишневского о статистике ЦСУ показывают, что шум из-за плохого качества статистики имеет под собой серьезное основание. Оно сразу сделается очевидным, если мы сравним хотя бы два статистических сборника, оба достаточно увесистых: Огановского „С. х. России в XX веке“ и „Сбор. стат. сведений по СССР за 1918—1923 г. г.“ ЦСУ.

	Лошади.		Кр. рог. скот.		Овцы.		Свиньи.	
	ЦСУ.	Огановский.	ЦСУ.	Огановский.	ЦСУ.	Огановский.	ЦСУ.	Огановский.
1916 год.	31,5	31,0	49,9	50,2	80,0	79,6	19,5	18,5

Движение скотоводства было неодинаковым в различных губерниях. Из прифронтовых районов сильно выкачивались лошади, почему, напр., Подольская губ. дает наименьшее количество лошадей рабочего возраста и увеличение молодняка. Затем Центрально-Земледельческий район, подвергавшийся наиболее значительным мобилизациям, имеющий трехполье, в наиболее резко выраженной форме безземельного простора, дал понижение для Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской губерний и не только для лошадей возраста свыше 4-х лет, но и от 1 г. до 4-х лет. То же можно сказать о Средне-Волжском районе, в котором Казанская и Нижегородская губернии дали понижение количества лошадей. Затем губерния Екатеринославская с 602 тыс. в 1912 г. понизила число лошадей до 552 тысяч в 1916 г.

В Белорусском районе Витебская и Смоленская губернии дали понижение вместе на 15 тыс. голов старше 4-х лет. Ленинградская, Олонецкая и Новгородская губернии в Приозерном крае дали понижение на 23 тыс. голов старше 4-х лет.

[1]) „Сев. Записки“, 1, 1917 г., стр. 182.

В Центрально-Промышленном районе все губернии дали понижение по району с 1.232 тыс. голов старше 4-х лет в 1912 г. до 1.166 тыс. голов в 1916 г. При этом молодняк повсюду показывал увеличение. Вятская губ. дала понижение на 6 тыс., Уральская — на 12 тыс. Другие губернии дали повышение иногда довольно значительное.

Общее количество лошадей по СССР равно:

Годы.	Раб. лош.	Молодняк.	Жеребят.	Всего.
1912	21.757	3.096	1.705	26.648
1916	23.889	3.736	3.395	31.021
1917	22.725	2.900	3.226	28.853 [1])

Отмеченный рост необходимо оговорить. Во-первых, от 1912 г. до войны прошло 2 года, которые, согласно динамике роста предвоенных годов, должны дать повышение. Поэтому, сравнивая с довоенным временем, мы должны брать число лошадей в 1914 г. Во-вторых, урон, нанесенный войной, выражается не только в непосредственной убыли, но и в задержании роста [2]).

Без войны мы имели бы рабочих лошадей не 23, а 25—26 милл. голов. В-третьих, в отдельных районах деградация коневодства проявлялась настолько сильно, что с 1912 г. по 1916 г. она дала понижение не только рабочих лошадей, но и молодняка, затруднив тем самым восстановление коневодства. В-четвертых, произошло общее омоложение конского стада. Рост различных групп лошадей по возрасту неодинаков; если мы возьмем приведенную таблицу в относительных величинах, то она даст нам следующую таблицу удельного веса различных возрастов конского стада.

Годы.	Раб. лошад.	Молодняк.	Жеребят.	Всего.
1912	83	11	6	100
1916	77	12	11	100
1917	79,6	10	10,4	100

Иначе говоря, в 1916 г. сильно повысилась доля жеребят и затем молодняка, и упала доля рабочих лошадей. Это обстоятельство, невинное на первый взгляд, в самом деле принесло в последующем большие затруднения при восстановлении хозяйства.

С рогатым скотом дело обстоит значительно хуже в смысле учета, так как переписей его, подобно военно-конским, не было. Происходили разрозненные по времени и методу переписи земские и учет ветеринарного управления и ЦСК. По всему СССР крупного рогатого скота насчитывалось:

В 1913 г. 47.553
„ 1916 „ 50.207
„ 1917 „ 48.195

Цифры говорят об увеличении к 1916 г. Как известно, сравнение Всеросс. с.-х. переписи 1916 г. с данными ветеринар. управл. 1914 г. также дают повышение. Повышение отмечается по всем районам. Увеличение рогатого скота вполне возможно, так как он один из элементарнейших принадлежностей крестьянского хозяйства. Но увеличение произошло, главным образом, за счет молодняка. Например, по данным Вихляева:

[1]) „С. х. России в XX в.“, стр. 218.
[2]) Челинцев, „Опыт изуч...“, стр. 85, 1918 г.

Группы уездов по % молодняка.		1896 – 1913 г.	1916 г.
5	18	18	4
18	20	17	2
20	22	17	1
22	23	17	8
23	25	17	8
25	27	17	7
27	29	17	19
29	32	17	35
32	35	17	32
35	41	17	56

Состояние скотоводства в 1913, 1916 и 1917 г.г. (в тыс. голов) [1]).

Районы.	Лошади.			Кр. рог. скот.		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Центр.-Земледельч.	3.008	3.341	3.365	3.018	4.317	4.383
Средне-Волжский	2.837	3.067	3.091	3.255	4.440	4.372
Нижне-Волжск.	2.186	1.685	1.628	2.898	2.861	2.020
Новороссийский	3.548	6.745	6.505	4.735	—	—
Юго-Западный	1.810	—	—	2.477	10.680	10.625
Малороссийский	1.839	—	—	2.363	—	—
Всего по черноз. полосе.	15.231	14.839	14.589	18.749	22.300	21.402
Промышленн.	1.612	1.430	1.460	2 417	3.022	3.135
Белорусский	1.646	1.089	1.039	2.868	1.710	1.757
Литовский	774	—	—	1.750	—	—
Приозерный	765	748	764	1.588	1.933	1.980
Прибалтийский	392	—	—	1.074	—	—
Приуральский	1.872	1.825	1.735	2.600	3.560	2.978
Северный	345	358	364	735	1.000	984
Итого по нечернозем. пол..	7.410	5.452	5.364	13.011	11.126	10.837
Всего по 51 г. Европ. России	22.776	20.292	19.953	31.973	33.427	32.239
Приволжье	1.116	—	—	2.011	—	—
Кавказ	2.135	1.757	—	6.326	3.300	—
Степной Край	4.753	4.083	2.367	5.625	5.825	5.518
Сибирь	5.070	4.888	4.774	6.451	7.654	7.136
Всего по империи	35.846	31 021	28.853	52.388	50.236	48.195
Без Литовских, Прибалтийских губ. и Приволжья	33.664	—	—	47.553	—	—

[1]) „Сборник статистико-эконом. сведений", 1916 г., стр. 232, и „С. х. России в XX веке", 1923 г., стр. 260—263.

Районы.	Овцы.			Козы	Свиньи.		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Черноземная полоса							
Центр.-Земл.	6.945	12.136	11.334	35	208	1.985	2.839
Средне-Волжье	7.248	11.146	10.334	266	813	1.298	1.547
Нижне-Волжье	5.342	5.904	4.309	269	290	552	586
Новороссийск.	5.242	—	—	153	2.240	—	—
Юго-Западн.	1.811	10.444	10.041	18	1.836	5.697	6.801
Малоросс.	2.581	—	—	18	1.573	—	—
Всего по черн. полосе	29.172	39.631	36.020	762	7.962	9.535	11.773
Промышл.	1.980	3.470	3.978	5	636	642	760
Белорусск.	2.461	2.930	2.923	35	1.896	1.749	1.848
Литовск.	1.473	—	—	22	1.136	—	—
Приозерный	1.002	1.861	2.006	8	409	312	403
Прибалтийский	988	—	—	2	562	—	—
Приуральский	3.688	4.897	4.739	35	702	1.372	1.258
Северный	580	737	772	—	581	90	108
Итого по нечерн. полосе.	12.175	13.897	14.420	110	5.432	4.167	4.379
Всего по 51 г. Европ. России	41.426	53.529	50.441	872	13.458	13.702	16.153
Приволжье	682	—	—	8	490	—	—
Кавказ	12.230	6.312	—	1.105 [1]	1.214	1.407	—
Степной Край	20.672	12.489	11.536	3.410	178	679	544
Сибирь	5.792	7.294	7.090	274	1.501	2.778	2.573
Всего по империи	80.805	79.625	75.380	5.672 [2]	16.844	18.568	20.679
Без Литовских, Прибалтийских губ. и Приволжья	77.762	—	—	5.640	14.656	—	—

За исключением отдельных районов, как Московский уезд, уезды, смежные с Ленинградом, где количество коров во время войны выросло, вообще по России произошло понижение числа коров. Одновременно война понизила качество коров. Первые мобилизации унесли безвозвратно большое количество улучшенного крестьянского метизированного скота и много племенного. Восстановить во время войны качество скота не было возможности. Уменьшение быков вызвало увеличение яловости скота. Вологодский и Западно-Сибирский мас-

[1] В 1916 г.—348 гол.
[2] В 1916 г.—3.190 гол.; в 1917 г.—2.753 гол.

ляные районы отмечали, что при слабом понижении числа коров количество молока, доставляемого на заводы, испытало значительное сокращение. Время войны увеличило эпизоотии скота.

Тенденции развития скотоводства показывали относительное увеличение крупного рогатого скота и свиней при относительном, а иногда и абсолютном уменьшении лошадей и всегда, в том и другом отношении, овец.

Однако военное время дало значительное увеличение овец. Особенно сильно увеличилось число овец в черноземной полосе:

Годы.	Число овец в черноз. полосе.	Общ. количество овец в России.
1913	29.172	77.762
1916	39.631	74.625
1917	33.020	75.380

Война дала обратную тенденцию эволюции овцеводства.

Свиноводство дало несколько иной вид развития, чем перечисленные до сих пор виды скота. По количеству свиней уезды разбиваются следующим образом:

Свиней с поросятами на 100 душ населения.	Число уездов.	
	1896—1913 г.	1916 г.
2	11	16
5	10	5
7	11	4
9	11	8
11	10	7
13	11	11
17	11	11
19	11	12
25	10	16
57	11	17

Свиноводство—чисто-промышленное дело, и оно может развиваться, как таковое. Оно требует денег и хороших рынков. Поэтому мы видим два полюса, на которые распадаются уезды по свиноводству. Уезды до 10 голов на 100 душ населения и уезды свыше 20 голов. Устойчивость проявилась лишь в уездах, насчитывающих 13—17 голов на 100 душ населения. Остальные районы или падают в малосвинные или повышаются в многосвинные. Многосвинные районы увеличили количество свиней во время войны, поэтому по всему СССР количество свиней поднялось:

в 1913 г.	16.844
» 1916 »	18.568
» 1917 »	20.679

Даже 1917 г. не дал понижения свиней.

Во всем стаде происходил общий сдвиг в сторону молодняка и мелкого скота одновременно:

Изменение удельного веса в стаде различных видов скота

(Все стадо принято за 100.)

Годы.	Лошади.	Кр. рог. скот.	Овцы и козы.	Свиньи.
1913	20,5	29,4	37,9	12,7
1914	20,5	29,5	36,9	12,3
1916	16,3	27,0	44,6	11,7

Оказывается, что из мелкого скота первое место в общем стаде получили овцы, немного сбавили свиньи, больше кр. рог. скот и значительно лошади. Причина такой передвижки очень проста. Крупный скот реквизировался. Во второй год войны и дальше реквизиция чувствительно била по карману крестьянина. Отсутствие стимулов к продаже хлеба заставляло крестьян превращать его в скот. Скот уподоблялся копилке, сберкассе. Цены на мясо были выше, чем на зерно. Но крупный скот реквизировали, с ним было труднее и опаснее оперировать на рынке. Поэтому началась всеобщая ставка на мелкий скот и молодняк. К 1916 г. и тот и другой дают повышение. Однако 1916 г. исчерпал все народно-хозяйственные ресурсы в пределах, предначертанных в начале года. Пришлось при реквизициях скота брать маловесный, маловозрастный скот, а потом, взамен крупного, стали брать мелкий. Иначе говоря, под удар мобилизации был поставлен молодняк и мелкий скот. Правительство ударило по последнему убежищу крестьянских сбережений. 1917 г. принес еще большую беспорядочность и больший крен в сторону мелкого скота в продовольственной политике. В результате, 1917 г. дал повсеместное падение наряду с крупным и мелкого скота. Крестьянское хозяйство было заперто со всех сторон, для его мелкобуржуазной стихии осталось меньше легальных возможностей спекуляции. Поэтому его итальянская забастовка дала по всей хозяйственной линии пароль—сокращать. С таким паролем и с полным расстройством средств производства вступило крестьянство в великую социальную ломку, связанную с Октябрьской революцией.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

ГЛАВА I

1. Влияние гражданской войны на народное хозяйство

„Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации".

Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 383.

Империалистическая война пожирала не только весь доход, но захватила и значительную часть национального капитала. По вычислениям Богардта война стоила 208,3 миллиарда долларов. По вычислениям немецких ученых война обошлась в 586 миллиардов зол. марок. Как бы ни были различны цифры издержек на войну, несомненно одно, что они не могли покрываться за счет национального дохода. По вычислениям тех же немецких экономистов, расходы на войну покрывались за счет национального капитала.

Страны, ведшие войну, сильно уменьшили свои национальные богатства.

Движение нац. богатств

Название стран.	Размер гос. богатства в 1914 г. (в миллиард. зол. мар.).	То же в 1919 г.	Процент уменьшения
Россия.	250	100	150
Франция.	260	180	80
Великобритания.	325	275	56
Германия.	375	250	125
Австро-Венгрия.	170	100	70[1])

[1]) „Правда", 1924 г., 27/VII. См. также Прокопович, „Война и народное хозяйство", 1918 г., гл. V, VI, VII.

„Эта война, которая охватила почти весь земной шар, которая не меньше 10 милл. жизней унесла, не считая миллионов изуродованных, искалеченных и больных, война, которая оторвала от производительного труда, кроме того, милвионы самых здоровых и самых лучших сил, эта война привела к тому, что человечество стоит теперь в положении совершенного варварства... Война вызвала такое страшное разорение, что отдельные мелкие хозяйства у нас не имеют теперь ни рабочего скота, ни инвентаря, ни орудий".

Ленин, т. XV, стр. 332, 595.

При таком сокращении национального капитала совершенно неизбежно в последующем значительное сокращение производственного базиса. Россия обеднела сильнее других стран, при накаленной социальной атмосфере она не могла кончить войну без гражданской войны.

Война империалистическая еще не кончилась, Брест-Литовский мир был подписан лишь 2/III 1918 г., а гражданская война уже вспыхнула. Вместо восстановления хозяйства, обновления растраченного капитала, 26/XI 1917 г. пришлось отправлять войска на Дон усмирять бунт Каледина, 31/XI открылись бои с польскими легионерами. В декабре начались бои с Дутовым на оренбургском фронте. Окраины загорались белогвардейским огнем; отдельные восстания белогвардейцев были объединены восстанием чехо-словаков. При поддержке иностранных капиталистов чехо-словацкое движение разрослось. Доступные иностранцам—„союзникам"—окраины были заняты путем высадки их десантов, вокруг которых группировались все враждебные Советам силы. Россия вступила в полосу тягчайшей гражданской войны, которую удалось ликвидировать окончательно лишь в 1921 г.

Гражданская война в стране с разрушенным народным хозяйством должна была еще более запутать и осложнить производственный процесс. Ленин, останавливаясь на влиянии войны на народное хозяйство, в 1918 г. в речи на 4 конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов в Москве сказал: „Мы должны дать ясный отчет в том, какие новые бедствия несет гражданская война для всякой страны. Эти бедствия будут тем тяжелее, чем культурнее страна. Представим себе страну с машинами, железными дорогами в гражданской войне, которая прерывает сообщение между областями страны. Представьте себе, в каком положении будут области, десятки лет приспособившиеся к тому, чтобы жить обменом промышленности, и вы поймете, что всякая гражданская война несет еще новые тяжелые бедствия, которые и представляли себе величайшие социалисты" [1]).

2. Гражданская война и транспорт

Транспорт острее всего испытал удары гражданской войны. Изношенность жел.-дор. путей, приостановка их ремонта, прекращение нормального ремонта паровозов и вагонов с одновременной беспорядочной их эксплоатацией к моменту гражданской войны привели транспорт в состояние полного разложения. В связи с окончанием мировой войны происшедшая стихийная демобилизация армии окончательно расстроила как жел. дороги, так и водный транспорт. В гражданскую войну транспорт вступил тяжело больным. Временами его работа на отдельных участках доходила до высокой степени напряжения с тем, чтобы затем на целые недели его работа падала до ничтожного уровня.

Гражданская война к обшему расстройству принесла еще непосред-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 335.

ственное физическое уничтожение транспорта. Происходил подрыв мостов, поломка паровозов и вагонов не только непосредственно на линии фронта, но и внутри советской территории. То же самое делалось с водным транспортом. Десятки пароходов, паровозов, тысячи вагонов взрывались, жглись со всем грузом в моменты отступления. В цифрах состояние транспорта за время гражданской войны представляется в следующем виде:

Годы.	Длина эксплоатируемой жел.-дорожн. линии (в верстах).	Перевезено (в милл. п.)	% %	Наличие паровозов.	% больных.	На 100 верст сети здоров. паровозов.
1916	51.787	17.498	100,	20.320	17	26
1918	25.108	3.624	20,3	9.168	41	21
1919	29.516	3.159	17,7	10.048	52	16
1920	53.216	3.658	20,5	17.892	58	13
1921	62.340	3.531	19,8	18.796	62	11

Годы.	Наличие товарных вагонов.	% больных.	На 100 верст сети здоров. вагонов.	Новых вагонов.	Новых паровозов.
1916	502.101	5,5	6,5	20.430	600
1918	299.752	11,6	9,7	5.000	200
1919	280.669	18,8	7,0	1.900	74
1920	439.471	23,9	5,4	845	90
1921	433.868	27,6	4,8	948	76 [1]

Число больных паровозов в результате разрушения во время гражданской войны, а также невозможности удовлетворить потребности текущего ремонта вследствие отсутствия и материала и рабочих быстро повышалось. При понижении перевозок с 17 до 3 миллиардов пудов произошло сильнейшее повышение перевозок военных грузов. Если принять все перевезенные грузы за 100%, то они распадаются по видам на следующие группы:

Годы.	Военных.	Хозяйственных.	Грузов торгового оборота.
1913	0,9	11	88,1
1918	11,0	24	65,0
1919	18,0	32	50,0
1920	16,0	30	54,0
1921	6,0	27	67,0 [2]

[1] „Народное и государственное хозяйство СССР", 1923 г., стр. 246, 431—433; „Экономическое строительство", 1923 г., №№ 8—9, стр. 66.

[2] „Народное и государственное хозяйство СССР", 1923 г., стр. 431.

Торговый оборот в общем падении перевозок понизился еще значительнее—с 88% в 1913 г. до 50% в 1919 г. В отдельные месяцы вытеснение военными поездами других увеличивалось вдвое, напр., с 721 тыс. поездо-верст в январе 1919 г. до 1.422 тыс. поездо-верст в сентябре месяце того же 1919 г.[1]).

Понижение работы транспорта происходило не только за счет разрушения и недостаточного ремонта: здесь играла роль организационная неурядица, а также слабая производительность труда, как результат вынужденного перехода на древесное топливо, которого также нехватало.

Следующая таблица дает понятие об использовании подвижного состава:

Годы.	Средняя нагрузка. %	Использован. силовой тяги. %	Среднее суточное движение (в верстах).
1913	100	100	5,2
1918	86	69	2,0
1919	64	54	2,6
1920	70	65	2,6
1921	80	69	2,0[2])

Следовательно один из мощных элементов народного хозяйства из-за войны мировой, а потом гражданской пал очень низко. Фактически из-за транспортной разрухи страна распалась на несколько районов, тщетно стремившихся соединиться воедино.

3. Промышленность и гражданская война

Промышленность после Октября перенесла демобилизацию, национализацию и вступила одновременно в полосу гражданской войны. География нашей промышленности такова, что она по преимуществу расположена гнездами. Наиболее значительное гнездо расположено в Центрально-Промышленном районе и Ленинграде; второе гнездо—Донбасс с криворожской рудой и машиностроительными заводами; третье—Урал с различными металлодобывающими и металлообрабатывающими предприятиями. Все три главных района, не говоря о мелких, срослись в единое целое. На протяжении гражданской войны два последних района временами бывали совершенно отрезаны от Центральной России. В то же время промышленность Центральной России могла существовать только на каменном угле и нефти других районов, на сырье Туркестана, Сибири, Юга, Урала и на хлебе Поволжья. Отрыв всех этих районов на продолжительное время делал невозможным ведение работ в промышленных предприятиях центра.

Гражданская война—война классов. Застрельщиком революции был рабочий класс. Он—цемент колеблющейся и рассыпающейся крестьянской массы. Первые известия о восстаниях вызвали добровольчество

1) Свердлов, „Все на транспорт", 1920 г., стр. 12.

2) „Народное и государственное хозяйство СССР", 1923 г., стр. 434, и „Экономическое строительство", 1923 г., стр. 69.

рабочих. Наиболее революционные заводы с наиболее квалифицированными рабочими почти полностью мобилизовались против Керенского, Краснова, Каледина. Отряды рабочих дали первый отпор немцам и т. д. Затем продовольственная работа вызвала неоднократные призывы Ленина итти на борьбу с кулаками.

Рабочий был повсюду, где угрожала серьезная опасность. Промышленность из-за этого отлива, конечно, не выиграла. Без сырья, без топлива, без квалифицированной рабочей силы и с малоопытным управляющим аппаратом, она понизила продукцию чрезвычайно сильно. Промышленность, обессиленная войной и безвременьем с февраля по октябрь, не могла противодействовать процессу разложения. К октябрю падение промышленности было весьма значительно [1]).

Затем, в связи с гражданской войной порвалась связь с иностранным рынком. В цифрах происшедшее падение промышленности рисуется в следующем виде [2]):

Продукция крупной промышленности за 1912, 1921 и 1922 г.г. [3])
(кроме групп: одежды и туалет, полиграфическая промышленность, электрические станции и водоснабжение).

	1912 г.	1921 г.	1922 г.	1922 г. в % к 1921 г.
Число рабочих (в тысячах)	1.952	1.093	1.120	102

	1912 г.	1921 г.	1922 г.
Число рабочих (принимая за 100 данные 1912 г.)	100	56	57

	1912 г.	1921 г.	1922 г.	1922 г. в % к 1921 г.
Выработано окончат. прод. (в милл. руб.)	4.287	919	1.242	135

	1912 г.	1921 г.	1922 г.
Стоимость оконч. изделий (принимая за 100 данные 1912 г.)	100	21	29

Население СССР очутилось в положении первой половины XIX столетия, так как более всего сократили производство отрасли, работавшие на крестьянский рынок; только военная промышленность работала лучше всех остальных, поэтому сокращение химической, кожевенной, шерстяной дошло до 20, 35 и 13%, в то время как хлопчато-бумажная дала 6%, металлическая—6% в 1920 г., срав-

[1]) Трифонов, „Металлопромышленность РСФСР и формы ее организации", 1920 г., стр. 16. См. также Гриневецкий, „Послевоенные перспективы", 1922 г., стр. 16—32.

[2]) „Сборник статист. сведений по СССР за 1918—1923 г.г.".

[3]) В рублях по ценам 1912 г.

нительно с 1912 г., принятым за 100%. В общем продукция, в среднем, на душу населения сократилась для готовых изделий с 31 руб. до 4 руб. за время с 1912 по 1920 г.

Военное напряжение промышленности лишало ее возможности обновить свой изношенный инвентарь, вследствие чего к 1922 г. для текстильной промышленности, наиболее благополучной (меньше работала на военное ведомство, не была в полосе гражданской войны), основной капитал оценивался в 60% по сравнению с 1912 г. (вместо 1.057 милл. руб. в 637 милл. руб.)[1]).

Остальные отрасли промышленности находятся в худшем положении. Сюда необходимо прибавить еще распыление пролетариата. Заводы и фабрики в массе имеют дело по преимуществу с менее квалифицированными, чем до войны, рабочими.

Что же касается с.-х. машиностроения, то оно подверглось разрушительному действию мировой войны, а затем, вследствие размещения машиностроения, главным образом, на Украине, оно наиболее сильно пострадало и во время гражданской войны.

Так продукция с.-х. машин была следующая:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
Плуги . . .	667.000	133.400	22.902	88.838	101.040
% . . .	100	20	3,4	13,3	15,1
Бороны . . .	127.000	25.400	892	7.336	6.128
% . . .	100	20	0,7	5,8	4,8
Убор. маш. .	111.000	22.200	1.117	2.319	6.229
% . . .	100	20	10,0	20	5,6
Молотилки .	110.180	22.100	158	1.731	1.725
% . . .	100	20	0,1	1,6	1,6
Веялки . . .	49.000	9.800	853	2.638	2.047
% . .	100	20	1,7	5,4	4,2
Сеялки . . .	68.435	13.688	—	11.068	509
% . . .	100	20	—	1,6	0,7
Серпы . . .	2.521.000	504.200	206.907	451.271	606.020
% . . .	100	20	8,2	17,9	24
Косы	46.000	8.200	418.283	972.545	991.428
% . . .	100	17	909	2.114	2.151 [2])

Падение тем более серьезное для с. хозяйства, что ввоз с.-х. машин, равный до войны 60 милл. рублей, за время гражданской войны из-за блокады совсем прекратился.

---

[1]) „Народное и государственное хозяйство СССР", 1923 г., стр. 130.

[2]) Там же стр. 248.

Промышленность за время войны, как империалистической, так и гражданской, потеряла связи с деревней, столь необходимые для нормального процесса производства. Получился отрыв города от деревни, который пытались уничтожить внеэкономическим принуждением. Оказалось, что внеэкономическое принуждение, как в первой войне, так и во второй, дало отрицательные результаты. С. хозяйство проявило своеобразную забастовку—сокращение посевных площадей и понижение количества скота.

ГЛАВА II

1. Сельское хозяйство и Октябрь

„Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. соц. революции в России, является положительная и созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей".

Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 194.

Если в городе наличие больших кадров пролетариата и обеспечило более или менее легкое завоевание власти в Октябре, то того же нельзя сказать про деревню.

За захватом политической власти в городе последовала экономическая экспроприация экспроприаторов—национализация промышленности, банков, транспорта. Иное дело деревня. Первый этап, обнимающий приблизительно весь 1918 г., можно охарактеризовать как распад остатков старой власти и организации новой. 1918 г. прошел в междувластии. Этот год дал губернских, уездных и даже волостных народных комиссаров. В этот год наибольшей популярностью пользовался лозунг: „вся власть на местах", как свидетельство кульминационной точки административного распада. 1-я половина 1918 г. была временем союза с левыми эс-эрами.

„Созидательная работа налажения сложной и тонкой сети новых организационных отношений" еще не задевала деревню. Распыленная стихия крестьянства, благодаря своей неуловимости, представляла наибольшие опасности и трудности. „Мы имеем,—говорил Ленин,—одного чрезвычайно опасного врага, который опаснее многих открытых контрреволюционеров, этот враг—смертельный враг социалистической революции и Советской власти, которая является небывалым еще нигде

народным парламентом нового типа для бедных,—враг, каким является стихия мелкого собственника" [1]).

Народный Комиссариат земледелия мог только посылать телеграммы и циркуляры, чтобы кончали с помещиками, осваивали землю. Весь 1918 год прошел поэтому в организационном установлении связи Наркомзема с местами. Места были почти вполне предоставлены самим себе и проводили довольно пеструю политику в земельном вопросе. Кураев в декабре 1918 г., подводя итоги прошедшего года и намечая задачи на будущее, устанавливает, что „первый период аграрной революции закончен. Земля завоевана и начерно распределена. Мы подходим к следующему этапу революции в деревне—организации производства на социалистических началах" [2]).

Первый послеоктябрьский год дал деревне не малое приращение дохода. Освоение земли дало крестьянам значительную прибавку к наделам. Мнение, что крестьяне получили „на едока около 0,4 десятины,—а по отдельным районам даже сотые десятины" [3]),—по меньшей мере прямолинейно.

Вопрос состоит в том, что наиболее малоземельными в России были помещичьи крестьяне. Они сидели буквально на клочках, в силу необходимости продаваясь соседу-помещику за бесценок.

В 1861 г. от них была отрезана лучшая по качеству и по расположению земля. Если взять землевладение 1905 г., то окажется:

Районы.	Свыше 1.000 десят.		Всего владений.	Всего десятин (в тысяч.)
	Число владений.	Число десятин.		
Юго-Западный	1.405	3.874	42.399	6.538
Малороссийский	782	1.890	143.043	5.324
Центрально-Землед.	1.383	3.961	106.434	9.418
Средне-Волжский	1.904	6.426	50.439	10.361
Новороссийский	2.297	5.767	49.616	11.067
Нижне-Волжский	812	2.951	5.913	3.743
Белорусский	1.972	7.336	72.356	12.328
Приозерный	1.382	5.339	88.607	9.386
Центрально-Промышл.	1.257	4.167	131.178	10.128
Северный	185	690	58.942	1.544
Приуральский	180	9.482	4.555	9.678
Итого по Европ. России	13.555	51.885	756.376	89.520 [4])

Фактическое землевладение по с.-х. переписи 1916 г. было несколько меньшим.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 187.
[2]) Кураев, „Известия ВЦИК", 1918 г., №№ 5—12.
[3]) Месяцев, „Земельная и с.-х. политика в России", 1922 г., стр. 72.
[4]) Огановский, „С. х. России в XX в.", 1923 г., стр. 71.

По Европ. России передано крестьянам всего, если считать землевладение стационарным с 1905 г., 89.520 тыс. десятин. При чем в таких малоземельных районах, как Юго-Западный, Малороссийский, имелось 1.405 и 782 латифундиарных хозяйства, в то время как мелкое, более истощенное крестьянство задыхалось от безземелья.

По материалам Наркомзема, в 1918 г. производились переделы земель главным образом по селам, реже междуселенные и, как исключение, поволостные [1]).

При этом малоземельные села, бывшие помещичьи, осваивали себе землю „своего" помещика и отстаивали ее от всех поползновений со стороны. В районах, где имелись громадные латифундии, крестьяне нередко забрасывали свои худшие и брали лучшие помещичьи земли. Нередко земля оставалась после этого незасеянной. Нередки случаи полного пресыщения землей. Земля оставалась лежать, и ее никто не хотел брать или из-за дальности или вследствие плохого качества. Но имелись села, которые в общем переделе не получили ни клочка.

При таком положении употреблять метод средних чисел не совсем правильно. Можно было наблюдать, как целые селения, с положением ниже среднего достигали положения среднего и выше. Частно-владельческая земля поступила на 96,8% крестьянам, на 2,7%—совхозам, на 0,5%—колхозам.

Вместе с землей крестьянин присвоил скот, инвентарь, громадную часть построек. Все это, бесспорно, распылилось с меньшей пользой для всего народнохозяйственного оборота, чем если бы оно оставалось сосредоточенным в крупных хозяйствах, в государственном пользовании. Тем не менее индивидуальное хозяйство выиграло от этого довольно заметно. Число бескоровных, безлошадных и безынвентарных, как общее правило, с 1917 г. по 1919 г. значительно понизилось.

Помещичий скот, как и земля, помимо количественного улучшения, принес значительное качественное улучшение крестьянского скота.

Судьба частно-владельческого засева 1918 г. была также решена благоприятно для крестьян. Советская власть настолько еще организационно была слаба, что не могла взять готовый хлеб в государственные элеваторы, почему он пошел в передел крестьянам. Трудно определить площадь частно-владельческого засева, но, несомненно, он был значительным. Отсутствовали совершенно всякие налоги, кроме незначительных натуральных и денежной эмиссии. Отпали всякого рода арендные платы и повинности по отношению к частно-владельческому хозяйству.

Результатом той же причины—организационной слабости власти—было то, что продовольственная монополия фактически не существовала. Нельзя серьезно считать заготовку в 47 милл. пудов за 1917—1918 г. проведением продовольственной монополии [2]).

Фактически существовала повсюду свободная торговля; при чем конъюнктура для хлеба складывалась наиболее благоприятная. Ленин

---

[1]) „Распределение земель в 1918 г.". Изд. Наркомзема, 1919 г., стр. 8—12.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

в речи 18/V 1918 г. о „левом" ребячестве и о „мелкобуржуазности", между прочим, сказал, что „мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелко-собственнический, необычайно широкий на Руси слой крестьян и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция, вместо государственной монополии, врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни" [1]). „Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т.-е. большинство населения, или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие" [2]).

При общем переделе в деревне всего больше, конечно, перепало крестьянину посильнее—кулаку и близким с ним группам. Поэтому он, захватив земельку, скот, инвентарь, кричал во-всю „за большевиков". Но кулаческий „большевизм" не шел дальше захвата. Поделиться захваченным, а тем более „благоприобретенным" кулаку и в ум не приходило. Он считал неслыханным посягательством мероприятия Советской власти против свободы рынка, притязания ее на излишки хлеба. Ленин видел опасность бешенства разжиревшего кулака. Он объявил, что „нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывателя хлеба" [3]).

Деревня не имеет самостоятельной политической линии,—„город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом" [4]). Эта истина оправдалась в нашей революции. Деревня была взята с двух сторон—извнутри и извне. Еще в 1903 г. Ленин в брошюре „К деревенской бедноте" сказал: „Понятно, что в великой борьбе между классом собственников и классом неимущих, между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом,—богатые крестьяне станут на сторону собственников против рабочего класса". Безлошадный крестьянин—это...„родной брат городского рабочего" [5]). После Октябрьской революции Ленин рекомендовал агитаторам, посылаемым в провинцию, „помочь бедноте не книжкой, а опытом, собственной борьбой" [6]).

Необходимо было организовать бедноту, дать ей возможность сплотиться против горластых кулаков в Советах. 11/VI 1918 г. был издан ВЦИК декрет о комбедах, по которому последние наделялись всей полнотой власти. Фактически от губисполкомов и уисполкомов

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 265.
[2]) Там же, т. XV, стр. 265.
[3]) Там же, т. XV, стр. 294, 22/V.
[4]) Там же, т. XVI, стр. 442.
[5]) Там же, т. IX, стр. 337.
[6]) Там же, т. XV, стр. 98.

непосредственные нити шли к комбедам. Роль сельсоветов за время существования комбедов была сведена на-нет. Кулачество было взорвано таким образом извнутри.

Извне крестовый поход, объявленный Лениным, дал набор городских рабочих, которые, отправляясь в деревню за продовольствием, должны были заняться правильной организацией Советской власти. Словом, рабочие были связующим звеном между городом и деревней, проводниками пролетарской власти.

В результате власть прибирала расхлябанную Россию к рукам. Из распыленного, неорганизованного русского раздолья создавался контактно работающий государственный аппарат. Укрепление пролетарской власти вызвало лозунги, вроде: „мы за большевиков, но против коммунии" или „за советы без большевиков".

Гражданская война разыгрывалась все сильнее. Это было наиболее жестокое испытание прочности пролетарской власти.

ГЛАВА III

1. Продовольственный вопрос после Октября

Продовольственное положение весной 1918 г. было наиболее острым. Достаточно просмотреть периодическую печать того времени, чтобы понять, что добыть хлеб это значило упрочить социализм [1]). Хлеб нужен был немедленно в центрах и голодающих губерниях. Весна была важна тем, что яровой клин мог остаться без посева из-за отсутствия подвоза семян. Наиболее решительным аргументом за усиленную подвозку хлеба был непосредственный голод,—голод крупнейших городов и промышленных районов. Продовольственное наследие было получено из рук вон плохое. Запасы все были съедены, приходилось существовать только наличным подвозом [2]).

Мысль прежде всего обращалась к товарообмену, как легчайшему способу выкачки хлеба. 25/III Наркомпроду было отпущено 1.162 милл. руб. на закупку товара; 2/IV был издан декрет, в силу которого „в целях усиления государственных заготовок хлеба и других продовольственных продуктов на Комиссариат по продовольствию возлагается, в нижеуказанных пределах, организация правильного товарообмена в государственном масштабе" [3]). Чтобы не уменьшить заготовки, оставлялся частноторговый аппарат, а в декрете 27/V, объявившем

---

[1]) „Раздобыть хлеб—вот в чем основа социализма сегодня". Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 376.

[2]) „Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной,—страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта"... „Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко". Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 297.

[3]) Н. Орлов, „Продовольственная работа Соввласти", М., 1918 г., стр. 185.

продовольственную диктатуру, поставлено примечание, по которому: „частная торговля предметами первой необходимости может быть допущена под контролем и на основаниях, устанавливаемых обл. и губ. продовольственными органами в согласии с общими указаниями Наркомпрода и положениями о частной торговле".

Затем последовала покупка товаров с предприятий и отправка их в места заготовки хлеба. Трудно было обольщаться ролью товарообмена в деле выкачки хлеба Бестоварье к 1918 г. достигло колоссальных размеров. Восстановить довоенное отношение было невозможно.

Так в начале 1918 г.	Требовалось.	Имелось (в милл. пудов).	Нехватало (%%)
Каменного угля и антрац.	210	45	78
Нефтепродуктов	343	143	58
Дров (милл. куб. саж.)	7	4	42
Черного металла	210	25	88
Хлопка	14	13	6
Льна	7	22	—
Шерсти	4	1,7	58
Тканей (милл. арш.)	2.835	1.450	48
Кожи	12	9	25
Галош	30	16	46
Сахару	64	5	91
Чаю	1,9	0,6	69
Соли	64	60	6
Рыбы	32	10	69
Спичек	2.820	590	79
Табаку и папирос	1.548	1.180	23[1]

Выводы приведенной таблицы еще более сгустились от того, что гражданская война отрезала один район за другим, при этом наиболее хлебородные, со всеми товарами, посланными туда для выкачки хлеба. А в производящие районы товаров посылалось как раз большее количество. При захватах враждебными силами советских товаров они просто расхищались, распродавались как попало и к крестьянам попадали меньше всего. Поэтому вполне понятно, что в приведенных Орловым [2]) данных о том, сколько фактически дано за 9 месяцев существования Соввласти, не все соответствует фактическому положению вещей.

Кроме того, на местах не было распределительного аппарата. „К сентябрю месяцу 1918 г. торговый аппарат был фактически разбит до основания, если не считать мелкой подпольной торговли теми товарами, которые буржуазии удалось скрыть" [3]). Национализация торговли от 21/IX 1918 г. повлекла за собой конфискацию складов, аресты, контрибуцию с промышленно-торговых групп. Национализация банков была проведена значительно раньше,—все это не только за-

---

[1]) Н. Орлов, „Продовольственная работа Советской власти", стр. 157.
[2]) Там же, стр. 239, 278.
[3]) „Четыре года продовольственной работы", Гиз., 1923 г., стр. 66.

ставило уйти в подполье торговцев, но и лишило их материальной основы, чтобы продолжать занятия. За исключением редких случаев, укрылись только розничные торговцы, весь капитал которых мог скрываться под полой.

Своего торгового аппарата у Наркомпрода не было; обращение к кооперации, в которой было засилье торгово-кулацких элементов, не привело к желательным результатам, да и кооперация была слаба. Наряды Наркомпрода на товары отсылались в губернии, а там они исчезали на городских рынках, в редких случаях попадая в деревню.

Разнобой деятельности губернских и центральной продовольственных организаций доходил до того, что губернские организации реквизировали запасы Наркомпрода, объявляли себя, вместо производящих, потребляющими, чтобы отказаться вывозить хлеб. Если подобные вещи делались в губерниях, то уезды и особенно волости были совершенно вне досягаемости центральной власти. Организация комбедов, упорная работа центра над их инструктированием, укрепление соваппарата вообще помогли постепенно изжить провинциальную „самостийность".

В дальнейшем промышленность стала вырабатывать значительно меньше 1917 года. Разбазарив имевшиеся запасы, невозможно было их пополнить, поэтому строить продовольственную политику на товарообмене было невозможно. Подводя итоги 1918—1919 продовольственному году, Ленин в письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком заявлял: „Нетрудно понять, что рабочее государство, которое капиталисты разорили дотла 4-летней грабительской войной из-за Константинополя и которое потом еще из мести разоряют Колчаки, Деникины при помощи капиталистов всего мира,— нетрудно понять, что рабочее государство не может сейчас дать крестьянам товаров, ибо промышленность стоит. Нет хлеба, нет топлива, нет промышленности". И дальше: „если страна разорена, если нет топлива, и фабрики стали, то крестьянин должен оказывать помощь государству, должен дать хлеб в ссуду" [1]).

Таким образом роль товарообмена в выкачке хлеба сошла на-нет; за счет его усилилось государственное принуждение по отношению к держателям хлеба.

К сбору урожая на 1918—1919 г. диктатура Наркомпрода стала проявляться довольно ощутительно. В наиболее хлебные районы в июле и августе были разосланы группы работников из центра для захвата продовольственных организаций. Для сбора хлеба были высланы отряды рабочих, которые должны были уничтожить волну мешечников, прекратить свободный вывоз хлеба и одновременно направить хлеб на государственные ссыпные пункты. „Вспоминая все заседания Совета Народных Комиссаров, скажу: не было ни одной задачи, над которой бы так упорно работала Соввласть, как над этой задачей" [2]).

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 290, 303.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 79.

Благодаря сделанным усилиям, в 1918—1919 г. было собрано с территории, с которой в 1916 г. собрано было 194 милл. пуд., —107 милл. пуд. хлеба [1]).

Свидерский, отмечая этапы продовольственной работы, пишет, что в 1917—1918 г. заготовка велась в порядке хлебной монополии, но без решительной борьбы с частной торговлей и без применения разверстки. В 1918—1919 г. велась энергичная борьба с частной торговлей, но с отступлением в форме полуторапудничества; в конце года вводится разверстка с коллективной ответственностью сдатчиков хлеба.

В 1919—1920 г. разверстка действует с самого начала, сделано было только отступление в форме „отпустничества". Затем был ограничен декрет снабжения ненормированными продуктами в пользу усиления работы Наркомпрода.

В 1919—1920 г. разверстка проводится полностью без отступлений. Государственные заготовки захватывают и промышленное сырье. С 1919—1920 г. картофель заготовляется только органами Наркомпрода [2]).

За три года продовольственная организация открыла 2.200 ссыпных пунктов емкостью до 900 милл. пуд. хлеба. В общем, говорил Свидерский, „мы располагаем не только техническим аппаратом, заготовляющим продукты питания по твердым ценам, но также аппаратом, способным вести планомерную политическую борьбу за хлеб" [3]).

В результате организационных и политических успехов, как Совласти в целом, так и аппарата Наркомпрода, заготовка хлебных продуктов увеличилась следующим образом:

Заготовка хлеба и фуража

Годы:	Производ. губ.	Потребл. губ.	Сибирь.	Кавказ.	Всего.	Предположено.	Заготовлено в 1-й четв. г.	В %%% к плану.
	(В милл. пуд.)							
1916—17	206	6	39	71	323	426	32	7,5
1917—18	26	19	20	—	47	—	22	—
1918—19	105	1	—	—	107	260	32	12,5
1919—20	165	14	32	—	212	319	36	11,3
1920—21	—	—	—	—	283	423	81	19,2
1921—22	—	—	—	—	102	167	57	34,8[4])

2. Рынок и продовольственная политика

Диктатура Наркомпрода разбивалась о спекуляцию на вольном рынке и о распыленность мелкого хозяйства. С рынком была поведена жестокая борьба.

---

[1]) „Вестник статистики", 1919 г., стр. 75, кн. 8—12.

[2]) „Четыре года продовольственной работы", 1923 г., стр. 20—21.

[3]) „Три года борьбы с голодом", 1920 г., стр. VII.

[4]) „Три года борьбы с голодом", стр. IV, и „Четыре года продовольственной работы", стр. 18.

22/VII 1918 г. был издан декрет, в силу которого спекуляция наказывалась 10-ю годами заключения с конфискацией всего имущества. Издание декрета не является, конечно, датой прекращения свободной торговли. Несмотря на стеснение административными мерами и даже на оскудение товаров, рынок торговал бойко. Распродавались запасы товаров с различных предприятий, так как заработная плата не выдавалась месяцами. Разбазаривались запасы различных, не открытых еще Совластью, складов. Горожанин в погоне за продовольствием распродавал свои пожитки. Одежда, платье, обувь, граммофоны, мебель и даже пианино перекочевывали из города в деревню. В различных районах устанавливались в связи с этим различные эквивалентные отношения. Напр., в Калуге в январе 1919 г. фигурировали на рынке следующие товары при отношениях:

За ржаную муку:	выменивалось:
1½ п.	1 п. соли.
1 п.	30 ф. керосина.
1 „	10 арш. ситца.
2 „	1 одеяло ситцевое ватное.
2 „	1 самовар никкел.
1½ п.	1 накидка дамская драповая.
5 п.	1 пальто меховое.
10 ф.	1 платок женск. головной.
10 ф.	1 шапка меховая.
3 п.	1 хомут возовый и 1 уздечка [1]).

Эффект для народного хозяйства от подобного обмена был, конечно, не велик, так как почти отсутствовали на рынке хозяйственные и строительные материалы. Обмен имел почти исключительно потребительский характер. Происходил процесс перераспределения ценностей. Пригородная деревня обирала город.

Приведенный отдельный пример, перенесенный на московский рынок, более широкий, дает для хлебов тоже благоприятную конъюнктуру.

Динамика цен испытывала постоянное давление недостатка продовольственных продуктов. Ленин подчеркивал неоднократно, что голодный человек готов отдать себя в рабство, лишь бы получить продукт питания. На наших рынках голод подгонял хлебные цены выше всех остальных.

В отношении с.-х. продуктов интересно еще то, что за эти годы происходило падение спроса на промышленно-технические растения. Когда мы сравниваем эквивалентность льна с эквивалентностью ржи, то оказывается, что лен по отношению к ржаной муке пал с 5,61 в 1913 г. до 1,24 в 1920 г. и 0,55 в 1921 г. [2]).

Это явление не случайно, оно стоит в общей связи с разложением народного хозяйства. Лен вообще не мог разместиться полностью на внутреннем рынке,—в довоенное время значительная его

---

1) „Вестник Статистики", 1919 г., №№ 2—3, стр. 146.
2) „Нар. и гос. хозяйство СССР", стр. 483.

часть вывозилась за границу. Иностранный рынок был отрезан в связи с блокадой, и тем самым лен оказался в перепроизводстве.

Рыночный спрос 1917—1920 г.г. имел, главным образом, потребительский характер. Население воевало и питалось. Промышленная жизнь почти приостановилась.

Благоприятная конъюнктура на хлеба на вольном рынке заставляла крестьян цепко держаться за свободную продажу. Продовольственные органы отбирали хлеб или „в ссуду", или давали товар по расценке: 40 руб.—1 пуд хлеба и 60—80 руб.—1 арш. ситца. Спекулятивный рынок давал совершенно обратное отношение для хлебов. Ленин, отмечая мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства, говорил на VIII съезде Советов: „Мы боролись с Сухаревкой. На-днях, к открытию Всероссийского съезда Советов, это мало приятное учреждение Московский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов закрыл. Сухаревка закрыта, но страшна не эта Сухаревка, которая закрыта. Закрыта бывшая Сухаревка на Сухаревской площади,—ее закрыть нетрудно. Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма" [1]).

Насколько борьба с рынком дала мало результатов в 1918 г., видно из цифр, приводимых самим же Лениным о заготовке продовольствия по 26-ти губерниям. С этих губерний собрано Наркомпродом 53 милл. пуд. и мешечниками вывезено 68,4 милл. пуд. [2]). Высокие вольные цены поощряли крестьянина продавать на вольном рынке. Голод заставлял потребителя платить в десятки раз дороже за хлеб, покупаемый у мешечника. Мешечник высокой ценой страховал себя от всяких рогаток и реквизиций заградительных отрядов.

В 1917—1918 г. вольный рынок имел громадное значение, так как хлеба с крестьян взяли лишь 47 милл. пуд в порядке хлебной монополии, вместо 323 милл. пуд., собранных в 1916 г. Следовательно хлеба было много в деревнях, торговать было чем. Мешечник находил радушный прием в деревне.

В 1918—1919 г. и следующих годах количество продразверстки увеличивается, она охватывает все большее количество районов и проникает в самую толщу крестьянских масс. Крестьянин или совсем остается без хлеба на продажу или имеет его ничтожное количество. Густая сеть раскинутых по всей России заградительных отрядов делает чрезвычайно затруднительным всякую перевозку хлеба. Вольный рынок стал хиреть.

Единый рынок, существовавший в России до войны, связанный с мировым рынком, во время войны был совершенно деформирован. Он распался на целый ряд районных рынков, в которых появились свои особые центры, к которым тяготеют цены близлежащих местностей. Революция и гражданская война довели распадение рынка до его конечного пункта.

---

1) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 427.
2) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 350.

3. Продовольственная политика и сельское хозяйство

Продовольственная политика сводилась к тому, чтобы больше взять с зажиточного крестьянина и еще больше с кулака и меньше дать ему в обмен товаров; у бедняка же взять меньше, а то еще и помочь ему, и больше дать ему товаров при распределении. Свидерский приводит данные обследования Шунецкой волости Ростовского уезда Ярославской губернии, где классовые разделения на кулака, середняка и бедняка выражались крупной разницей в ставках разверстки на одного работника [1]). Фрумкин, подводя итоги 4-летней продовольственной работы, считал, что „шло распределение по душевым нормам, а не в соответствии со сданным хлебом. Души наделялись именно те, которые меньше всего производили и еще меньше сдавали“ [2]). Хотя комбеды и были уничтожены, но принцип, положенный в основу распределения при их организации, остался. „Ограбь кулака, не обидь середняка, дай бедняку“—знаменитый ленинский лозунг — проходил через всю заготовительно-снабженческую работу продовольственника.

Уравнительность с креном в сторону бедняка не могла удовлетворить мелкобуржуазную стихию крестьянства. Возможность вольной продажи из-под полы становилась все более затруднительной. Крестьянин оказался в рамках уравнительного снабжения, при чем постоянно в бесконечно-убывающих долях и с неуравнительным взиманием излишков.

Разверстка с учетом потребностей по нормам, установленным Наркомпродом, государству ничего бы не дала, так как крестьяне обычно до войны мало потребляли и впервые при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и питался лучше горожанина [3]). Оставить хлеб ему по норме значило лишить промышленные центры и армию хлеба. В результате опыта Наркомпрод перешел к разверстке сверху, на основании точного статистического учета. Эта разверстка должна была выполняться, не справляясь с нормой.

Последнее обстоятельство опять-таки ударило по крестьянской стихии, лишая ее свободы внутри-хозяйственного маневрирования. „Монополия, разверстка, обязуя крестьянина к сдаче всех излишков его труда немедленно, убивали в нем импульсы к поднятию и улучшению своего хозяйства“—говорил Свидерский на III Всероссийском продовольственном совещании. Крестьянину трудно было подняться до общегосударственных интересов. У него брали хлеб и давали взамен того товар по правилу: чем больше сдашь, тем меньше получишь. Зачем же он, смитовский homo oeconomicus, будет отдавать хлеб? Он будет лучше прятать, а когда спрятанный хлеб стали силой отнимать, то он объявил массовую итальянскую забастовку,—стал сеять хлеб в обрез, только на свое продовольствие.

---

[1]) „Продовольственная политика“, Сборн. материалов 1920 г., стр. 186—187. См. также стр. 170.

[2]) „Четыре года продовольственной работы“, 1923 г., стр. 69.

[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

4. Гражданская война и сельское хозяйство

Развернувшаяся гражданская война перешла от партизанских столкновений к регулярным боям с привлечением большого количества красноармейцев. Гражданская война захватывала все больше районов, и РСФСР оказалась в кольце. Пришлось объявить набор красноармейцев. Армия быстро возросла, и в 1919 г. ее численность достигла 3 милл. человек, в 1920—5,3 милл. человек. После окончания гражданской войны, в конце 1921 г.,—$1^1/_2$ милл., в 1922 г. в июле—900 тыс. и в 1924 г.—562 тыс. [1]).

Одновременно с этим белогвардейцы тоже вербовали обязательными призывами людей в свои армии. Численность всех враждебных сил в 1920 г. была, вероятно, не меньше 2 милл. человек. Тогда мы получим отвлеченными от народного хозяйства от 7,3 до 10 милл. человек здорового населения.

Особенностью гражданской войны была большая подвижность армии: отступления чередовались с наступлениями. Ожесточение с той и другой стороны было настолько велико, что с армиями уходило взрослое население. Часто хозяйства оставлялись на произвол судьбы и по приходе враждебных армий нередко разграблялись. В результате народному хозяйству наносился трудно поправимый урон. Как следствие гражданской войны, в России распространился сильнейший тиф. Население значительно убавилось от войны и болезней.

Потери хозяйств скотом не поддаются точному учету, так как скот забирали обе стороны в порядке реквизиций; много скота пропадало во время отступлений и наступлений, захватывавших громадные районы,—все это нанесло тяжелый урон скотоводству.

Следующая таблица дает приблизительное понятие о влиянии гражданской войны на скотоводство:

Уменьшение скота:	Лошадей.	Кр. р. скота.	Овец.	Свиней.
В районах, сильно затронутых гражд. войной	16,1%	24,6%	36,2%	37,0%
Слабо затронутых	5,0 „	20,5 „	20,0 „	39,0 „
Незатронутых	2,9 „	15,2 „	14,5 „	56,0 „ [2]).

Все виды скота, кроме свиней, дают для районов, затронутых войной, гораздо большее сокращение количества скота. Особенно это заметно по отношению к лошадям. За лошадь крестьянин держится всеми силами. Лошадь—единственный двигатель в крестьянском хозяйстве. Мы видели, что к 1916 году в целом ряде губерний уменьшилось количество рабочих лошадей. Район военных действий затрагивал все производящие губернии, имеющие крупное народно-хозяйственное значение. Увеличение безлошадности в этих районах, вполне понятно, должно было затруднить обработку земель. Уменьшение скота по-

[1]) „Правда", 1921 г., 18/III; „Правда" за 1924 г., 16/VII.

[2]) „Очерк деятельности Народного Комиссариата земледелия за три года (1917—1920 г.г.)", стр. 31.

влекло за собой ухудшение удобрения полей и связанное с этим падение урожайности. Урожайность понизилась в особенности из-за уменьшения количества рогатого скота.

Если 1917—1918 г. дал уменьшение безлошадных и бескоровных, то в происшедшем впоследствии значительном уменьшении скота была скрыта возможность умножения безлошадных и бескоровных, т.-е. должны были возобладать обратные первым годам революции процессы.

Что касается свиней, то территориальное размещение их было таково, что в отдельных непроизводящих губерниях имелась густая сеть хозяйств с промышленным свиноводством. В связи с тем, что революция обесценила мясо по отношению к хлебным и кормовым средствам, в связи с недостатком хлебов вообще и общей продовольственной политикой в частности, произошла массовая ликвидация свиноводческих хозяйств. Население просто съело свиней, которых раньше оно готовило к продаже, поэтому и произошло такое значительное уменьшение их числа.

5. Мертвый инвентарь

Разложение промышленности наиболее остро коснулось с. хозяйства в вопросе снабжения с.-х. инвентарем. По вычислению Книповича, ежегодно выходило из употребления за негодностью до 1 милл. плугов, пополнения же поступали в микроскопических дозах. Так, напр., различных с.-х. машин и орудий было распределено:

	1918 г.	1919 г.	1920 г. по сентябрь.	С 1910 по 1914 г. ежегодно поступало.
Плугов	32.049	154.830	51.632	750.000
Борон и культиваторов	10.253	13.850	3.233	—
Сеялок	972	2.420	541	55.000
Кос	104.012	1.145.550	931.815	—
Сеноуборок	9.109	10.290	8.177	—
Серпов	72.360	960.240	703.956	—
Молотилок	1.138	1.230	1.243	—
Приводов	930	940	734	—
Зерноочист.	1.675	3.500	1 901	— [1]
Хлебоуборок.	17.621	16.750	3.006	200.000

Хрящева в своих расчетах по с.-х. инвентарю в крестхозе отмечает, что за время гражданской войны и революции плуги уменьшились на 18%, сеялки—на 31%, веялки— на 21%. Сокращение посевных площадей равнялось 21%.

Положение с инвентарем в результате двух войн оказалось грозным, особенно в крупно-посевных районах.

---

[1] „Очерк деятельности Наркомзема", 1920 г., приложение 7; Шефлер, „Меры по обеспечению с.-х. средствами производства", 1920 г., вып. 4-й, стр. 29.

Там, где возможно, плуги заменены были сохами, но эта замена, при одновременном отсутствии сеялок, веялок, понижала урожай на уменьшенной посевной площади.

При восстановлении с. хозяйства в целом увеличение посевных площадей натолкнется на недостаток инвентаря. Его нельзя восполнить ни арендой, ни коллективным пользованием, так как выходящая из строя машина не всегда заменяется новой.

К 1920 г. в СССР, без Украины и Киргизии, недоставало инвентаря при посевной площади 1916 г., при условии использования ее индивидуально-крестьянским хозяйством:

Плугов	2.989.498
Сеялок	1.138.873
Жнеек	469.892

При использовании нового инвентаря только общественным путем по полным техническим нормам недоставало:

Плугов	1.641.262
Сеялок	884.655
Жнеек	355.075 [1]

Даже по полным техническим нормам у нас нехватает огромного количества инвентаря. Техническая же норма равняется 15 дес. на 1 плуг, 50 дес. на 1 сеялку, 75 дес. на 1 жнейку. Фактически мелкое крестьянское хозяйство использует плуг на посевную площадь раза в три—четыре меньше нормы, а остальные машины—меньше нормы в большее число раз, чем плуг.

По отдельным районам недостатки в инвентаре распределяются неравномерно. Плугов недоставало:

в Юго-Восточном районе . .	436 тыс.
„ Средне-Волжск. „ . .	714 „
„ Центр.-Земл. „ . .	662 „
„ Приуральском „ . .	564 „
„ Нижне-Волжск. „ . .	118 „
„ Приозерном „ . .	99 „
„ Северном „ . .	47 „
„ Сибири	309 [2] „

Районы наиболее крупно-посевные оказались с особенно большим недостатком плугов. Неравномерное распределение инвентаря по районам осложняется еще тем, что в мелких хозяйствах недостаток в инвентаре очень разнообразен; встречаются хозяйства совсем без инвентаря, и нередко можно встретить крестхозы, перенасыщенные, напр., сеялками или веялками, но без плугов, и т. д.

За время мировой войны деревня оскудела кузнецами. Мобилизации, отсутствие материалов прекратили деятельность громадного большинства кузниц. Революция не улучшила положения. Наркомзем, чтобы посильно ослабить ремонтный голод, организовал в 1919 году

---

[1] „Труды Госплана", кн. 1-я, 1922 г., стр. 21.
[2] Там же, стр. 32.

1.274 ремонтных мастерских с 11 тыс. рабочих. Эти мастерские буквально были завалены нуждающимся в ремонте инвентарем.

Недостаток числа ремонтных мастерских станет яснее, если число мастерских распределить по губерниям; тогда окажется, что на губернию приходится от 14 до 35 мастерских. Иначе говоря, в некоторых губерниях не было и по 1 мастерской на уезд.

Создание так называемого единого тракторного хозяйства не ослабило остроты недостатка в ремонтных мастерских и в с.-х. инвентаре вообще. Тракторы были большею частью тяжелые, старых конструкций, неэкономные, и, кроме того, большинство из них было поломано. Вполне понятно, что они больше стояли, чем работали.

В связи с с.-х. машинами стоит вопрос о минеральных удобрениях. По подсчетам Рыжова ежегодная потребность России выражается:

в 20 милл	пуд.	фосфорно-кислых,
„ 15 „	„	суперфосфата,
„ 10 „	„	калийных.

При самых благоприятных результатах к лету 1921 г. можно было ожидать получение внутри страны:

Фосфорно-кислых	2,1 милл. пуд.
Азотной кислоты	81 тыс. „
Калийных	210 „ „

Цифры говорят сами за себя. Поставленные в ряд с убылью скота и, следовательно, с убылью навоза, а затем еще со свалкой навоза в овраги, за околицу, вместо полей, цифры дают внушительный фактор, понижающий урожайность наших полей в очень большой степени.

Гражданская война ухудшила состояние основных элементов с.-х. производства—рабочей силы, скота и мертвого инвентаря [1]).

ГЛАВА IV

„Мы не претендовали на то, что мы знаем точную дорогу. Но мы знаем, что идем к коммунизму неизбежно, неминуемо".

Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 580.

1. Политика и экономика в сельском хозяйстве

На первом съезде земотделов, комбедов и коммун Ленин очертил основные пройденные этапы и наметил вехи на будущее. Первый этап, это—захват власти и земли, о нем Ленин говорил следующее:

[1]) Теодорович, „О государственном регулировании крестхоза", 1921 г., стр. 4. „В течение трех лет гражданской войны наша деревня фактически финансировала борьбу пролетариата... Она являлась тылом для пролетарских фронтов, она несла все эти жертвы и налогом крови и поставкой всевозможных продуктов, благодаря которым могла бороться и побеждать Кр. армия".

„Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще февральская революция—революция буржуазии, революция соглашателей—эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только Октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность на деле очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплоатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия..." „На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне"[1]).

На этом пути революция не остановилась. Образование 11/VI 1918 г. комбедов раскололо деревню на два лагеря. „Деревня перестала быть единой"[2]). Перед отделенной от кулаков частью крестьянства,—крестьянства, которое не эксплоатирует чужого труда, стояла трудная задача социалистического строительства. Эта задача „может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом. Тут нам предстоит борьба шаг за шагом, вершок за вершком; придется отвоевывать завоевания новой социалистической России, бороться за общественную обработку земли"[3]).

Несмотря на гигантскую трудность перестройки вековых напластований крестьянских устоев, потребность в переустройстве была настолько велика и неотложна, что это было признано единодушно партией, рабочим классом и крестьянской беднотой.

„Жить по-старому,—говорил Ленин,—как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дольше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда; вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного, мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному"[4]).

Исходя из этого, Ленин считал, что нашей общей целью является переход к социалистическому хозяйству, к коллективному землевладению и общественной обработке земли. Затем ту же мысль Ленин повторял неоднократно, о том же он говорил и на съезде с.-х. коммун и артелей в декабре 1919 г.

Поставленная задача сделалась центром внимания всех земельных органов республики, по крайней мере с конца 1918 г. До этого срока Наркомзем еще не овладел организационно всеми губернскими земельными отделами. Нарком Середа на съезде коммун и артелей в 1919 г. считал первой задачей—„создание по волостям, по уездам, а затем по губерниям и по всей России одной земледельческой коммуны"[5]). Собирание земли во всероссийскую коммуну заслоняло собой от земельных органов почти все остальные задачи. Заведующий Мо-

1) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 590.
2) Там же, стр. 591.
3) Там же, стр. 593.
4) Там же, стр. 594.
5) Середа, „Основные задачи социалистического земледелия", 1920 г., стр. 11.

сковским губземотделом, делая доклад на губернском съезде Советов в августе 1919 г., говорил, что „Всероссийский съезд земотделов в главу деятельности земотделов поставил организацию коммун, артелей и совхозов. Больше всего было посвящено Наркомземом внимания совхозам“ [1]). Задача коллективизации настолько сильно наполняла деятельность земорганов, что делегат того же Московского съезда упрекал их в однобокости политики. Он предлагал начать массовое привлечение крестьян к улучшению земледелия [2]).

Агрикультурная практика Наркомзема в первые годы революции была довольно бедной, почему упреки в однобокости вполне заслужены. Извиняющим моментом может служить только то, что Наркомзем все равно не имел материальной возможности охватить всю агрикультурную работу. Затем в эпохе великих социальных сдвигов, когда все так неустойчиво, трудно было агроному найти дорогу к практической работе и даже попрежнему пропагандировать. Старые мехи не восприняли еще нового вина. Как известно, этот процесс продолжается во многих местах еще и до сих пор.

„Отмена частной собственности на землю есть громадное, безусловно прогрессивное, безусловно отвечающее интересам экономического развития и интересам пролетариата преобразование, которое всякий наемный рабочий всей душой и всеми силами поддержит“ [3]). Революция не располагала и не давала возможности заниматься повседневными, шаг за шагом, улучшениями. Теперь предстояло освоение захваченной земли, и это освоение, этот захват представлял собой прогрессивное явление. Он служил одним из факторов быстрейшего роста производительных сил.

В самый же момент перехода от капитализма к социализму нужно отметить целый ряд моментов, оказавших принижающее влияние на производительные силы страны. Эти неизбежные „издержки“ неизбежной социалистической революции могут быть сведены к формуле Теодоровича: „Произошла революция землепользования, но не осуществилась революция земледелия“. Это несоответствие обоих моментов из-за хозяйственной отсталости России не окупило сразу в русской революции уронов, происшедших от ломки старого, от передвижки верхних слоев вниз и нижних вверх. Крестьянство в массе осталось на той же рутинной технике, даже шагнуло назад и уничтожило слабые ростки интенсификации с. хозяйства. Предстоят колоссальные задачи по ускорению движения процесса интенсификации и роста производительных сил вообще. Задача тем более громадна, что самая система государственного распределения принесла некоторые „издержки революции“.

Перейдем сейчас к подробному рассмотрению с. хозяйства во время гражданской войны и революции. Как мы уже отмечали, в довоенное время наблюдались процессы товаризации и интенсификации с. хо-

---

1) „Социалистическое строительство“, 1919 г., №№ 8—9, стр. 41.
2) Там же, стр. 62.
3) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 283.

зяйства. Первый выражался в усиленном росте рыночных культур: пшеницы, ячменя, сахарной свеклы и др. Второй проявлялся в сильном росте травосеяния, расширении корнеплодов, кукурузы и др. специальных культур. Чисто-продовольственные и фуражные культуры—рожь и овес—с каждым годом теряли удельный вес в общем хлебном балансе страны.

В скотоводстве в зависимости от районов развивалось молочное и мясное направление. Оборудование железных дорог вагонами-холодильниками поощряло развитие этих обоих направлений. В росте отмеченных тенденцией значительную роль играл внешний рынок.

Война вызвала полное изменение установившихся рыночных отношений. Вместо рыночных культур, выступили продовольственные—рожь и овес. Общие реквизиции скота принизили, если не совсем уничтожили, промышленные ростки в скотоводстве.

Разразившаяся революция и гражданская война форсировали тенденции обратные довоенным. Рожь занимала в общей посевной площади России:

в 1913 г.	27,2%
„ 1916 „	26,6 „
„ 1917 „	26,8 „
„ 1920 „	27,9 „
„ 1921 „	30,2 „

По всей России процесс перемещения культур несколько скрадывается, потому что Сибирь, благодаря некоторым особенностям, вносит значительные поправки в происходящие смещения. Все же мы видим с 1917—1921 г.г. повышение удельного веса ржи с 26,8 до 30,2%. Если же мы возьмем Европ. Россию без Сибири, то отмеченные процессы будут значительно ярче. Так рожь занимала:

в 1913 г.	31,9%
„ 1916 „	32,0 „
„ 1917 „	32,9 „
„ 1920 „	35,7 „
„ 1921 „	36,5 „

Это движение не приостановилось в некоторых районах и в 1922 г.

Подробную же картину роста пережили и крупяные культуры—просо и гречиха. Для России в целом они дали:

			В том числе для Европ. России:	
	Гречиха.	Просо.	Гречиха.	Просо.
в 1913 г.	2,0	3,5	2,5	3,3
„ 1916 „	2,3	3,5	2,9	3,4
„ 1917 „	2,3	3,8	2,9	3,7
„ 1920 „	2,8	5,8	3,6	6,8
„ 1921 „	2,9	6,1	3,5	6,9

Процессы достаточно выразительны. Увеличение удельного веса отмеченных культур объясняется, с одной стороны, ростом их посевной площади. В те моменты, когда посевная площадь понижалась, она понижалась под крупяными культурами медленнее, чем под другими культурами.

Товарность всех хлебов, равная в 1913 г. 33,3%, показывает, что из 4.718 милл. пуд. общей продукции 1.570 милл. пуд. продавались на рынке. Это обозначает, что производительность с.-хоз. труда достигла такой высоты, что она могла кормить не только самого производителя, но и города, железные дороги и промышленность. Только при такой предпосылке было возможно существование капиталистического производства.

С точки зрения всего общества, говорит Маркс, производство части хлеба является „общественно-необходимым". Только при наличии обеспечения продовольствием и сырьем возможен нормальный процесс производства в промышленности.

В свою очередь с. хозяйство развивалось в связи с развитием промышленности. Промышленность доставляла с. хозяйству машины, удобрения, перерабатывала сырье в фабрикаты и полуфабрикаты, словом, являлась главным двигающим началом для с. хозяйства. Процесс совместного развития обусловливался непрерывным обменом веществ между промышленностью и с. хозяйством. Рынок регулировал этот обмен. Он был посредником, и при этом посредничестве устанавливались соответствующие изменения в процессах производства.

Промышленность не могла существовать без притока продуктов от с. хозяйства, но и последнее без притока промышленных изделий могло снизойти на степень натурального хозяйства.

Промышленные изделия, поступающие в с. хозяйство, стали его органической частью. Поддерживать определенное состояние производительности труда в с. хозяйстве и особенно развивать производительность труда возможно лишь при постоянном, изо дня в день повторяющемся, обновлении и расширении ранее взятых у промышленности элементов—машин, удобрений и предметов широкого потребления. Рост производительных сил в с. хозяйстве может произойти исключительно посредством увеличения притока промышленных изделий. Этот взаимный обмен является объективным основанием, меркой повышающейся производительности труда в с. хозяйстве.

Вне этого обмена всякого рода административные и агрикультурные мероприятия имеют очень ограниченную возможность повлиять в сторону повышения производительности труда. История знает немало случаев, когда великолепные мероприятия наших помещиков до 60-х г.г.—устройство ферм на английский манер и т. д.—выливались в чудачества, в барство, стоили много денег, мало давали дохода и таким образом разоряли хозяйства.

При обмене между с. хозяйством и промышленностью для с. хозяйства далеко не безразлично, какой путь проходит от производителя до потребителя единица товара, насколько велики накладные расходы на этом пути. Отвлекаясь от последнего, в общей форме важен вопрос: насколько эквивалентны продукты с. хозяйства при обмене на промышленные изделия. Чем больше покупает хлебная единица товаров, тем больше притекает в с. хозяйство промышленных изделий, тем выше, значит, поднимаются производительные силы в с. хозяйстве.

Война империалистическая лишила с. хозяйство промышленных

изделий; бестоварье к 1917 г. достигло громадных размеров; гражданская война усилила товарный голод. Промышленная разруха достигла небывалых размеров. Промышленность, с одной стороны, не предъявляла спроса на сырье, с другой,—не могла обслуживать с. хозяйство своими изделиями в прежнем масштабе.

Так как бестоварье длилось с начала мировой войны до самого последнего времени, то естественно, что с. хозяйство при самых горячих желаниях не могло остаться на прежнем уровне.

Разруха промышленности проявилась в бестоварье на рынке, поэтому рынок оказывал сильное действие на разложение с. хозяйства. Рынок имел, следовательно, непосредственное влияние на с. хозяйство, но влияние, которое получалось им от промышленности. Рынок являлся передаточной инстанцией.

Движение посевных площадей имело следующий вид:

По исчислениям Огановского.

	Посев. площ. России равнялась.	в %
в 1913 г.	86.932	100
„ 1916 „	79.167	91,6
„ 1917 „	79.052	91,5
„ 1920 „	60.515	70,0
„ 1921 „	53.217	61,6

По исчислениям ЦСУ.

	Посев. площ. России равнялась.	В %
в 1909—1913 г.	83.129	100
„ 1916 г.	79.030	95,2
„ 1917 „	79.439	95,6
„ 1920 „	62.958	75,8
„ 1921 „	58.284	70,2

По сравнению с довоенным произошло снижение на 38,4% по исчислениям Огановского и на 29,8% по исчислениям ЦСУ. Весь процесс снижения по данным ЦСУ значительно медленнее.

Если возьмем теперь сокращение посевной площади отдельных культур и разместим их в порядке убывающего падения посевной площади, то получится следующий ряд (в относительных величинах):

Название.	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
Горох	100	60	46	34	31
Чечевица и боб	100	74	79	44	39
Конопля	100	97	80	40	42
Пшеница яр.	100	82	80	65	48
Картофель	100	83	77	52	50
Лен	100	106	96	55	52
Ячмень	100	92	90	61	57
Овес	100	97	80	69	57
Рожь яр.	100	103	90	74	66
Рожь озим.	100	89	90	71	68
Пшеница озим.	100	109	112	72	70
Гречиха	100	104	103	96	87
Подсолнух	100	124	134	90	89
Увеличение посевной площади дали:					
Кукуруза	100	108	103	107	109
Просо	100	92	98	117	108

Сокращение посева каждой отдельной культуры находит свое оправдание в приведенных выше соображениях. Наиболее пострадали горох, чечевица и конопля. Правда, они все вместе составляли в 1913 г. всего 1,6 милл. дес., а в 1921 г.—0,6 милл. дес., т.-е. относительно небольшую площадь. Сокращение их было вызвано, особенно первых двух, прекращением экспорта; конопля—еще из-за прекращения спроса русской промышленности. Конопля до 1917 г. сократила площадь лишь только на 14%, а к 1921 г. на 58%.

Пшеница яровая, занимавшая в 1913 г. 24% всей посевной площади, была распространена, главным образом, в районах, экспортирующих хлеб. Разрыв с мировым рынком заставил понизить посевную площадь до 82% в 1916 г. и до 48% в 1921 г. Во время гражданской войны и революции крупно-посевные хозяйства дали резкое понижение посевов. Рожь, более распространенная по мелко-посевным районам, не могла уменьшить посевную площадь в том же размере, как пшеница. Возможное в крупных хозяйствах было совершенно невыполнимо в мелко-посевных районах.

Лен во время войны имел благоприятную конъюнктуру. Спрос на льняные изделия сильно возрос, благодаря чему спрос на лен сильно повысился. Прекращение экспорта льна было не так чувствительно, как для остальных вывозных хлебов. Посевы льна из-за этого обстоятельства повышались в чисто-льноводных районах. Кроме того, дали незначительное абсолютно, но значительное относительно повышение посевных площадей Нижне-Волжский и Новороссийский районы. Эти районы были удалены от центров текстильной промышленности и более других были вынуждены переходить на домотканый холст. С революцией посевная площадь пошла быстро под гору, за исключением Нижне-Волжского района.

Затем идут по очереди все другие хлеба, и только просо и кукуруза дают повышение посевной площади, хотя немного, и относительно и абсолютно.

При сопоставлении районов по убыли посевной площади для всех хлебов получается следующий ряд (в относительных величинах):

	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.
Нижне-Волжский	100	88	81	64	39
Сев. Кавказ.	100	76	—	52	44
Центр.-Промышленн.	100	77	79	52	51
Центр.-Землед.	100	95	96	60	53
Новороссийск.	100	86	87	—	58
Средне-Волжский	100	89	95	75	62
Приуральский	100	94	85	67	62
Белорусский	100	98	88	65	63
Северный	100	92	87	63	64
Приозерный	100	92	93	57	65
Степной Край	100	121	125	109	73
Юго-Зап. и Малороссийский	100	92	85	—	81
Сибирь	100	99	110	102	80

Первыми идут крупно-посевные районы и районы, пострадавшие от гражданской войны. Кроме чисто-экономических причин, здесь

имел действие могучий фактор непосредственного разрушения—война. То же можно сказать и о Центрально-Земледельческом районе, где действия банд принесли большие разрушения. На Центрально-Земледельческом районе всего рельефнее сказывается именно гражданская война. Если в первых двух районах: Нижне-Волжском и Северном Кавказе, гражданская война и экономические факторы действовали согласованно, то Центрально-Земледельческий район—ржано-овсяной и крупяной, т.-е. район культур, меньше всего относительно пострадавших от причин экономического характера, дал все же значительное понижение посевных площадей.

Новороссийский, Средне-Волжский и Приуральский районы испытали на себе действие экономического и внеэкономического фактора. Трудно сказать, который из них действовал сильнее. В более благоприятном положении находились Белорусский, Северный и Приозерный районы. Для двух последних уже 1920 г. является гранью, за которой они стали подниматься в гору. Вообще же эти районы малопосевные, почему здесь трудно было понижать посевы дальше известного предела. Крестьянин напрягал все силы для того, чтобы удержаться на уровне, достаточном для прокормления. То же можно сказать про Малороссийский и Юго-Западный районы.

Совершенно особняком стоят районы Степной и Сибирь. До 1917 г. они повышали посевную площадь сравнительно с 1913 г. После 1917 г. происходил медленный спуск посевной площади до 1920 г., с которого посевная площадь дала сильное понижение—с 102% до 80% для Сибири к 1921 г., для Степного—с 109% до 73%. Понижательная тенденция пошла в этих районах дальше 1921 г., что объясняется поздним окончанием здесь гражданской войны и поздним введением продразверстки.

Период войн и революции не прошел бесследно для урожая хлебов. До войны, хотя и медленно, в России в целом урожаи повышались. Война повернула повышательное движение в противоположную сторону. По СССР, в среднем, для главных хлебов урожайность была следующей:

Годы.	С 1 дес. пуд.	В %%
1909—1913 . .	50	100
1914	46	90
1915	53	106
1916	47	90
1917	45	90
1920	35	70
1921	31	60

В 1921 г. урожайность была на 40% ниже средней за довоенное пятилетие. Мы не берем урожая по районам, где колебания, особенно в 1921 г., доходили до больших размеров. Напр., в Нижне-Волжском районе в 1921 г. уродилось с десятины 7 пуд., в Приуральском—18, в Степном—16, в Новороссийском—15, в остальных несколько больше.

С понижением посевных площадей и урожайности тесно связаны сборы хлебов. За отмеченные годы сбор хлебов был следующим:

Годы.	Гл. хлеба. (В милл. пуд).	В %%	Картофель. (В милл. пуд).	Масличные.
1909—1913 .	3.850	100	1.211	97
1916	3.482	91	—	—
1917	3.350	88	1.142	97
1920	2.082	54	1.273	75
1921	1.683	44	1.302	63 [1]

Одновременно с понижением общих сборов хлебов произошло изменение удельного веса каждой отдельной культуры. По СССР размещение отдельных культур в общем сборе, принимаемом за 100, имело следующий вид:

Годы.	Озим. рожь.	Озим. пшеница.	Яров. рожь.	Яров. пшеница.	Ячмень.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Овес.
1909—1913 .	29	8	0,5	21	13	1	3	1	20
1916	33	11	0,6	14	11	2	3	1	21
1917	27	11	0,5	19	12	2	3	2	20
1920	26	8	0,6	17	13	2	6	3	20
1921	36	6	0,5	13	9	3	7	4	18
1922	39	8	0,4	10	8	2	8	5	16

Так как сбор есть произведение посевной площади, помноженной на урожайность, то вполне понятно, что нужно к объяснению сборов привлечь все те же причины, которые приведены выше. То же самое смещение отдельных культур в общем сборе, что и в посевных площадях.

Благодаря недороду 1920 г. и неурожаю 1921 г. сборы хлебов в России не дали достаточного количества не только для промышленности, но оставили без хлеба громадное количество крестьянских хозяйств. Если возьмем сбор по СССР за 1909—1913 г.г. в 3.482 милл. пуд. и отчислим 33% товарного хлеба, что составит 1.144 милл. пуд., то для населения останется 2.328 милл. пуд. В товарный хлеб войдет и местный оборот, служащий удовлетворению потребностей отдельных крест. хозяйств.

Одна треть продукции хлебов шла в города и промышленные районы, а две трети оставались внутри районов в крестьянских хозяйствах. В 1920 г. вся продукция составляла 2.082 милл. против 2.338 милл. пуд., оставленных в 1909—1913 г. г. самим населением для продовольствия. Кроме того, за это время заготовлено Наркомпродом 232 милл. пуд., следовательно, осталось у населения 1.850 милл. пуд., т.-е. 80% потребности мирного времени. Правда, за это время уменьшился скот, убавилось количество населения, но при отсутствии правильного распределения заготовок все же немало крестьянских хозяйств оказалось в критическом положении настолько, что не могло в дальнейшем засеять обычную посевную площадь.

---

[1]) „Сборник статистических сведений по СССР", ЦСУ, 1924 г., стр. 133.

ГЛАВА V

1. Скотоводство

Скотоводство при общем разложении с. хозяйства не могло остаться не затронутым. Война 1914—1918 г.г. подготовила возможность падения скота путем омоложения стада. На каждые 100 лошадей в 1916 г. имелось рабочих лошадей 77,1, от одного года до рабочего возраста—12 и жеребят—10,9. На 100 голов крупного рогатого скота приходилось коров 44, телят до 1 года — 28, подтелков и нетелей — 19, быков и волов — 8. В отдельных районах число молодняка было еще больше. Революция и гражданская война, своим ходом отсекая все, что настоятельно необходимо не было крестьянскому хозяйству, прежде всего ударили по молодняку.

Процент молодняка понизился. Общее количество скота в 1916, 1920, 1921 и 1922 г.г. указано в следующей таблице (стр. 129).

В стаде взрослого скота сильнее всего пострадал мелкий скот, как тоже менее необходимый, чем крупный, в крестьянском хозяйстве. Правда, сюда необходимо прибавить чисто-военные условия, когда овцы и свиньи представляли наиболее удобный вид для реквизиций и захватов частями войск. В результате мы имеем по всему СССР следующее движение в стаде:

На 100 голов скота приходилось:

Годы.	Лошадей.	Крупного рогатого скота.	Овец.	Коз.	Свиней.
1916	17	27	43	1	10
1920	19	30	38	0,9	11
1921	19	30	39	1	10
1922	18	33	39	1	7 [1]

Лошадь и корова—виды скота, наиболее нужные в крестьянском хозяйстве. Лошадь и корова это есть минимум, дальше которого спускаться без опасности пролетаризации не может ни одно крестьянское хозяйство, поэтому в общем падении скотоводства крестьянин особенно крепко держался за лошадь и корову, чем объясняется относительное повышение их участия в стаде. При общем падении числа скота—понижение числа лошадей и коров было более медленным, чем остальных видов скота.

Рабочий скот и коровы уменьшались медленнее, чем сокращалась посевная площадь, поэтому получилось, что в СССР на 100 дес. посева число коров и рабочего скота повысилось, что видно из следующей таблицы.

Годы.	Коров.	Раб. скота.
1916 г.	28	31
1920 „	35	34
1921 „	34,5	34

[1]) „Сборник статистических сведений по СССР за 1918—1923 г.г.", ЦСУ, 1924 г., стр. 140.

При обратном соотношении на 100 голов рабочего скота приходилось десятин посева:

в 1916 г.	318
„ 1920 „	286
„ 1921 „	289

Но если взять весь скот в целом, то окажется, что посевная площадь понизилась меньше, чем число скота. Посевная площадь берется по данным ЦСУ, т.-е. преуменьшенная сравнительно с данными Огановского. Всего скота на 100 десятин посева приходилось:

в 1916 г.	234 гол.
„ 1920 „	209 „
„ 1921 „	210 „

Неблагоприятным отношение скота оказалось и при сравнении его с количеством душ населения. Так на 100 душ населения приходилось:

	Коров.	Раб. скота.
в 1916 г.	23	25
„ 1920 „	22	22
„ 1921 „	20	20

Еще более резким оказалось падение всего скота по отношению к тому же населению.

В заключение представим таблицу общего сокращения скота по отдельным его видам:

Уменьшение в относительных величинах.

Годы.	Всего скота.	Раб. лош.	Всего лош.	Коров.	Всего рогат. скота.	Овец.	Свиней.
1916	100	100	100	100	100	100	100
1920	72	86	82	100	79	60	78
1921	68	79	75	91	75	60	65

По районам колебания количества скота были очень значительны они представлены в следующей таблице:

	1916 г.	1920 г.	1921 г.
По всему СССР	100	72	68
РСФСР	100	68	63
УССР	100	96	96
Кр. Север	100	79	88
Приозерный	100	83	96
М.-Промышленный . . .	100	84	92
Приуральский	100	61	58
Ц.-Земледел.	100	57	54
Н.-Волжский.	100	61	44
Белорусский.	100	95	89
Юго-Восточный.	100	58	56
Степной Край	100	51	34
Зап. Сибирь	100	87	81
Восточн. Сибирь	100	91	91
Малороссийский	100	99	99
Новороссийский	100	75	76
Юго-Западный	100	141	141 [1]

[1] Данные взяты из „Сборника статистических сведений", стр. 136—139.

Количество скота в 1916, 1920, 1921 и 1922 г.г.

	Годы.	Число голов скота (в тысяч.). Лошадей. Рабочих.	От 1 года до раб. возраста.	Жеребят до 1 года.	Итого голов.	Крупного рогатого скота. Волов. Рабочих.	Третьяков.	Быков старше 2 лет.	Коров.	Нетелей старше 1½ года.	Быков от 1½ лет.	Подтелков и бычков от 1 г. до 1½ лет.	Телят от 1 года	Итого голов.
Всего по СССР.	1916	24.299	3.774	3.431	31.505	3.457		757	22.154	4.002		5.540	14.052	49.965
	1920	20.616	2.574	2.221	25.411	2.665	334	407	22.052	2.304	576	1.820	8.940	39.100
	1921	18.932	2.465	1.932	23.331	2.348	277	388	20.083	2.102	524	2.147	8.944	36.817
	1922	15.600	1.904	1.370	18.875	1.941	253	332	18.219	1.933	432	2.039	7.878	33.031

	Годы.	Число голов скота (в тысяч.). Овец. Овец, валух. и баранов взрослых.	Ягнят.	Итого голов.	Коз. Коз и козлов взрослых.	Козлят.	Итого голов.	Свиней. Свиней и боровов старше 1 года.	Подсвинков от 4 мес. до 1 года.	Поросят до 4 мес.	Итого голов.	Всего голов скота.
Всего по СССР.	1916	—	—	80.908	—	—	3.085	5.991	4.708	8.887	19.587	185.052
	1920	36.843	12.954	49.798	959	272	1.231	5.016	4.251	5.561	14.829	130.371
	1921	28.945	19.465	48.411	841	468	1.309	3.991	3.569	4.930	12.490	122.360
	1922	22.604	16.432	39.037	638	346	984	1.225	2.010	3.401	7.637	99.566

Уроны в скотоводстве по районам аналогичны с падением посевных площадей. Только два района не укладываются в общую рамку разложения земледелия: Степной и Нижне-Волжский, где было развито кочевое скотоводство, что является дополнительной причиной сильного падения скотоводства в этих районах. Затем не подходит под общую тенденцию Юго-Западный район, который, вместо понижения, дал повышение скота. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что район находился в прифронтовой полосе и убыль скота в военное время была восполнена при стихийных демобилизациях юго-западного фронта. Затем, здесь, благодаря частым сменам властей, отношения между городом и деревней были иные, чем в остальной России.

Кризис с. хозяйства в целом обнаружился к 1920 г. очень выпукло. Среди успехов Красной армии и продовольственных достижений разложение с. хозяйства вносило серьезный диссонанс. Ленин так отмечал это обстоятельство: „Мы знаем, что эти успехи достигнуты ценой громадных лишений, голода и бескормицы в крестьянстве, которые еще могут усилиться; мы знаем, что засушливый год обострил бедствия и лишения крестьян неслыханно“ [1]). Затем на X съезде РКП он отметил, что „разверстка предполагала изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды“ [2]).

Как резюме причин кризиса с. хозяйства мы приводим утверждение Свидерского: „Причины отмечаемого кризиса с. хозяйства лежат во всем проклятом прошлом России и в империалистической и революционной войнах. Но, несомненно, вместе с тем, что монополия с разверсткой до крайности затрудняла борьбу с с.-х. кризисом и даже мешала ей, усиливая в свою очередь расстройство с. хозяйства, являющегося крестьянским“ [3]). Подобные же заявления сделал Каменев, несколько позже, на II Съезде Советов.

Еще на VIII съезде партии в резолюции об отношении к среднему крестьянству Ленин подчеркивал, что „социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными с.-х. орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения с.-х. культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян“ [4]).

Общее расстройство не могло обеспечить надлежащего количества изделий промышленности, из-за чего хозяйство шло без остановки под гору. Дело дошло до того, что необходим был решительный нажим; по-старому итти было невозможно. Это сознание, однако, вращалось еще в старой привычной системе установившегося военного коммунизма. Государственное регулирование еще царило в умах руководителей земельных органов. Поэтому мысль ударилась в сторону

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 421.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 146.
[3]) „Третье Всероссийское продовольственное совещание“, 1921 г., стр. 31.
[4]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 16.

усиления государственного регулирования. Теодорович на VIII съезде Советов говорил, что „государство всегда считало основной своей задачей в организации социалистического земледелия вовлечение крестьянских единоличных хозяйств в общее, по единому плану построенное социалистическое народное хозяйство, и в настоящий момент Советское государство, в силу катастрофического регресса с. хозяйства, вынуждено активнее, чем когда бы то ни было, вмешаться в производственные процессы крестьянского хозяйства, в меру наличия технических средств, которые оно может бросить в с. х. для поднятия его производительности, и с соблюдением необходимой осторожности в проведении этого вмешательства“ [1]). Настоящим апостолом государственного регулирования с. хозяйства являлся Осинский, который в целом ряде статей дал обоснование необходимости усилить воздействие государства на крестьянское хозяйство. Аргументация его сводилась к следующему: „По наблюдениям местных работников, мелкобуржуазное миросозерцание середняка начинает давать трещину. Деревня в основе признала как продовольственные повинности, так и повинность трудовую и даже налоговую. А это признание волей-неволей ставит ее на государственно-социалистическую точку“ [2]). Отсюда „центр работы социалистического строительства—в массовом принудительном вмешательстве государства“ [3]).

На VIII Съезде Советов Ленин считал, что действительно по-старому, при слабом внимании к с. хозяйству, невозможно двигаться дальше. Кризис настолько силен, что „старыми мерами тут не победишь“ [4]).

Задача стояла грандиозная; необходимо, „чтобы весной было засеяно лучше, чем прежде, чтобы было известное улучшение в хозяйстве мелкого крестьянина, пусть самое элементарное,—чем осторожнее, тем лучше,— но во что бы то ни стало оно в массовом размере должно быть проведено“ [5]). Массовая подвижка вперед должна быть сделана потому, „что голодать и холодать бесконечно нельзя“, а „без такой победы, без практического массового улучшения мелкого крестьянства — нам спасенья нет; без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни были великие планы— ничто“.

При состоянии сильной разрухи толчок к подъему промышленности должно было дать с. хозяйство. Все пути вели к необходимости шевелить с. хозяйство, приходящее в состояние все большего развала.

После VIII съезда советов до весны, до X съезда РКП, пошло время на то, чтобы отказаться частично от государственного регулирования с. хозяйства, как всеспасающего средства от кризиса. Если Теодорович на VIII съезде Советов говорил, что „побуждением (к

---

1) Теодорович, „О государственном регулировании крестхоз.“, стр. 10.
2) Осинский, „Государственное регулирование крест. хоз.“, 1920 г., стр. 6.
3) Там же, стр. 9.
4) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 419.
5) Там же.

подъему) должно явиться государственное регулирование с. хозяйства, никакого иного ответа дать мы не можем" [1]), то Ленин на X съезде РКП ему ответил, что „не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостаток продуктов, из которых уже вытекает обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний" [2]).

При создавшейся альтернативе Ленин решительно повернул руль экономической политики в сторону послабления стихии крестьянского хозяйства. Заканчивая свою речь о натуральном налоге, он сказал: „Нам нужно, чтобы вечером же было разослано по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев; что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством" [3]).

Исправление системы отношений между классами вызвало нэп. К рассмотрению с. хозяйства в период нэпа мы перейдем в следующей главе.

---

1) Теодорович, „О гос. регул. крест. хоз.", стр. 8.
2) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 154.
3) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 147.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

НЭП И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГЛАВА I.

1. Предпосылки нэпа

Объявление новой экономической политики доставило немало удовольствия гражданам России №. 2. Буржуазные экономисты, особенно по ту сторону рубежа, решительно объявили, что с приходом нэпа наступил крах коммунизму. Возникло специальное течение — сменовеховцы, которые полагали, что началась эволюция большевиков, спуск на тормозах, их мирное врастание в систему капитализма.

Вопрос же оказался вовсе не так прост, как об этом думали и привыкли думать по шаблону буржуазные экономисты. Возможным оказался не коммунизм и не капитализм, а некий переходный период от последнего к первому. Этот переходный период не укладывался в привычные теоретические рамки буржуазных ученых. Его не было возможности разложить по привычным полочкам-понятиям, так как в нем на-ряду с элементами разлагающегося капитализма имели место элементы растущего социализма—не выдуманные, не теоретически измышленные, а настоящие, реальные.

Первый этап переходного периода приходился на захват власти и на военную борьбу за власть. Все силы буржуазии русской и иноземной были брошены на Сов. Россию. Россию блокировали, осадили, поэтому „мы должны были не остановиться перед „военным коммунизмом", не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже чем полуголодное существование, но отстоим во чтобы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть" [1]).

В момент ожесточенной борьбы, когда от Сов. России отхватывали одну богатейшую область за другой, было невозможно заниматься восстановлением послевоенного хозяйства. Россия была осажденной крепостью. „Запереть всякий оборот в осажденной крепости можно

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 223.

и должно“ [1]), иначе спекуляция на всеобщий голод свергла бы Советскую власть.

Целеустремление к победе подчинило себе все другие задачи, все другие потребности до окончания гражданской войны.

Война кончилась, и встали новые задачи, новые потребности перед Соввластью. Основная задача следующим образом выражена Лениным: „Нормальные отношения таковы, и только таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так бы облегчил его положение, чтобы разница по сравнению со строем капиталистическим была бы очевидна и ощутительна. Это и только это создаст базу нормального социалистического общества“ [2]).

Россия представляет страну по преимуществу крестьянскую; чтобы ее развитие пошло быстро вперед, необходимо было уничтожить все намеки на старые крепостнические отношения в деревне, с одной стороны, с другой,—установить такие взаимоотношения двух оставшихся классов — пролетариата и крестьянства,—чтобы последний не отошел от первого, чтобы не затруднил пролетариату выполнить его цель—двигаться к коммунизму.

Крестьянин, при известных условиях, не станет мешать движению вперед, пойдет следом за пролетариатом при условии правильной политики по отношению к нему. „Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину“ [3]). Этот обмен вовсе необязателен в форме рыночного обмена. Излишняя фетишизация рынка, чрезмерное преклонение перед ним совершенно необязательны. Вопрос должен стоять таким образом, как его поставил Ленин. Нужно облегчить положение крестьян так, чтобы разница с буржуазным строем чувствовалась осязательно. Такое положение было бы возможно выполнить при наличии высокоразвитой промышленности, при преобладании пролетарской части населения над остальными.

Россия такой страной не являлась и пока еще не является. Затем, хозяйство России было в корне разрушено обеими войнами. Поэтому в апреле 1918 г. Ленин поставил вопрос о своевременности введения государственного капитализма, того капитализма, „который мы должны поставить в известные рамки“ [4]).

Гражданская война отодвинула поставленную задачу, и хозяйственное строительство вновь было выдвинуто только лишь после ее конца. После второй войны положение хозяйства было худшим, чем до нее. Система „военного коммунизма“ не способствовала подъему производительных сил. Требовались решительные средства, чтобы испра-

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 223.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 168.
[3]) Там же, ч. 1-я, стр. 214.
[4]) Там же, ч. 2-я, стр. 35.

вить упадок хозяйства, о чем говорил Ленин: „Необыкновенно тяжелое положение крестьянства в прошлом году и затем выяснившаяся невозможность быстрого восстановления крупной промышленности заставили нас перенести всю государственную работу на иные рельсы“ [1]).

„Военный коммунизм“ не мог гарантировать необходимого снабжения деревни, а из-за этого деревня не могла удовлетворить потребностей города. Материальных ресурсов для продолжения хозяйства было ничтожное количество и становилось постепенно все меньше. Промышленность разложилась, ждать от нее оздоровляющего действия для с. хозяйства было невозможно. Топливный кризис весной 1921 г. показал полную зависимость промышленности от крестьянской стихии.

Следовательно коренной вопрос хозяйственного строительства заключался в немедленном подъеме производительных сил в с. хозяйстве. Последнее было невозможно без установления рыночного обмена с промышленностью, без возврата к свободному обмену, частично к капитализму. „Гвоздь вопроса, что капитализм необходимо допустить для крестьянства... Надо строить на личной заинтересованности крестьянина... В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу,—принципу частной торговли“ [2]).

Рынок, один из элементов, введенных в широких размерах с нэпом, был вольным рынком. „Ни в чем другом не заключается нэп, как в том, что крестьянину мы предоставили возможность свободно располагать продуктами своего труда“ [3]). Период „военного коммунизма“ знал меры экономического и еще более внеэкономического воздействия на рынок, с целью прекращения его существования. Как финал всех этих мероприятий, был разгон Сухаревки в декабре 1920 г. Но так как подобные меры не устанавливали смычки города с деревней, промышленности с с. хозяйством, а разрывали ее, то необходимо было применить старый испытанный тип связи между этими двумя элементами народного хозяйства,—надо было вызвать рынок.

Нужно было шире развернуть его, чтобы мог начаться обмен веществ с небольших размеров, за счет наличных запасов и того немногого, что еще производила промышленность. Нужно было развернуть личную заинтересованность крестьянства.

Крестьянин, как товаропроизводитель, может быть отнесен к эпохе Адама Смита. Если последний писал об экономическом человеке, и если его экономический человек нашел широчайшее одобрение и признание, то это объясняется периодом расширения капитализма, во время которого писал А. Смит.

Крестьянин нуждался в этой свободе оборота и свободе производственной деятельности не меньше, чем экономический человек Адама Смита. Мелкобуржуазная натура крестьянского хозяйства

---

1) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 286.

2) Там же, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 35; т. XVIII, ч. 1-я, стр. 377; т. XVIII, ч. 2-я, стр. 139.

3) Каменев, „Доклад правительства II съезду Советов СССР“, 1924 г., стр. 27.

была очень схожа с природой отдельных мелких капиталистиков и капиталистов в период зарождения капитализма. Она требовала вольного рынка.

В переходный период было необходимо расширение рыночных связей ради установления нормальных отношений между промышленностью и с. хозяйством, между пролетариатом и крестьянством. Отсюда необходимость декларировать нэп. Особенно решительно необходимость установления смычки в новых условиях подчеркивал Ленин: „Все значение новой экономической политики, которую в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем... Надо помнить, что основная, решающая, все себе остальное подчиняющая задача новой экономической политики, это—установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить очень плохо, очень неумело, но все же начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее прежде всего надо создать. Этому соображению надо все подчинить“ [1]).

Хозяйство России к тому времени находилось в катастрофическом состоянии, с одной стороны, и с другой,— сильны были настроения „военного коммунизма“. Ленину в силу этого неоднократно приходилось подчеркивать, что нужно „всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике) достаточно узкие, достаточно „умеренные“. Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение“ [2]). Поэтому „не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство“ [3]).

С точки зрения сегодняшнего дня свобода рынка важна была как средство быстрого увеличения оборота продуктов в обнищавшем государстве. Продналог заменил продразверстку, как известно, весной 1921 г., перед посевом. Увеличение оборота продуктов было первым заданием, второе задание заключалось в том, чтобы не отступать от основной цели—построения социалистического общества, как об этом на XII съезде говорил Троцкий: первое поручение нэпу—„подтолкнуть вверх производительные силы страны; вторая задача—чтобы эти поднимающиеся или долженствующие подняться производительные

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 27, 28.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 223.
[3]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 154.

силы направлять по возможности в русло рабочего государства, на социалистический путь" [1]).

Социалистический путь может быть обеспечен только возрождением и расширением крупной промышленности. „Ни о каком настоящем строительстве социализма,—говорил Ленин,—не может быть речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность..." [2]). Последняя повысит производительность труда не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Поэтому в Советской России особенно важен успех продналога. Он оживит с. хозяйство, на основе этого оживления промышленность получит толчок к росту. Успех продналога—„это самое насущное, немедленно и во что бы то ни стало необходимое. Это проверка всей работы и закладка фундамента для осуществления великого плана электрификации, которая даст нам восстановление крупной промышленности и транспорта в таких размерах и на такой технической основе, чтобы окончательно и навсегда победить голод и нищету" [3]).

Оживление народного хозяйства в целом было настолько необходимой задачей, что нэп не ограничился только рынком; он получил расширение и на непосредственную производственную деятельность—в виде концессий, аренды и свободы мелкой промышленной деятельности.

С. хозяйство требовало быстрой помощи для того, чтобы вывести страну из затруднения. В предыдущий период обнаружилось, что нельзя рассчитывать на быстрое обновление навыков и производственной рутины крестьянства, тем более агитационным путем. Нередко сагитированные крестьяне не имели материально-технической возможности провести осознанное новое в жизнь. Требовалось массовое производство изделий промышленности — машин, удобрений и т. д. Сразу этого сделать нельзя.

При таком положении форсирование коллективизации и других новых приемов могло дать отрицательные результаты, могло повести к отрыву от пролетариата крестьянских масс. Ленин констатировал, что „дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе" [4]).

Исходя из этого, Ленин неоднократно рекомендовал увязаться пролетарским рядам с крестьянством. При этом заранее можно было знать, что из-за этой увязки движение будет более медленным, но зато будут более прочно оседать достигнутые успехи. „Если мы,—говорил Ленин,— капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой... Весь гвоздь в том, чтобы двигаться вперед несравненно более широкой и

1) „Двенадцатый съезд РКП", 1923 г., стр. 283.
2) Ленин, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 50.
3) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 236.
4) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 139.

мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед" [1]).

Важность втягивания всей массы крестьянства в движение вытекает из того, что нельзя руками одних коммунистов и даже с присоединением всех пролетариев построить новое социалистическое общество. Нужно привлекать широкие массы крестьян, различных специалистов, при чем не нужно скупиться „платить за науку", так как „за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком" [2]). Партия и рабочий класс в целом в России являются не очень большими островками среди остального населения. „Нужно добиться, — говорил Ленин,—чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас, элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы мы умели наблюдать их работу, чтобы мы понимали эту работу, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма" [3]). Такой подход к новой экономической политике облегчит выполнение поставленной перед Советской Россией задачей, чтобы из России нэповской стала Россия социалистическая" [4]).

С помощью этих элементов островки или кусочки социализма будут успешнее развиваться среди остального капиталистического моря, пока не захватят и не вытолкнут совсем капиталистическую стихию.

Таким образом мелкобуржуазный характер страны обусловливал допущение капитализма, но в известных рамках: в производстве гегемония пролетариата, все командующие высоты: транспорт, крупная промышленность; власть государственная также в руках пролетариата. С целью более быстрого оживления промышленности, на известных условиях, допускались концессии, аренда и мелкая кустарная промышленность.

На-ряду с промышленностью оставались в руках пролетарской власти командующие высоты в банках и торговле.

Наличие командующих высот в распоряжении пролетариата обеспечивало направление мелкой торговли, производства в мелких хозяйствах для строительства социализма. Насколько рост производительных сил, с одной стороны, и направление этого роста по социалистическому руслу,—с другой, насколько все это имело место за прошлые годы нэпа, мы постараемся разобрать в следующей главе.

ГЛАВА II

1. Нэп и подъем народного хозяйства

Нэп прежде всего совпал с прекращением гражданской войны. Красная армия с 5 милл. была сокращена до 2 милл. человек, с таким расчетом, чтобы в дальнейшем к середине 1924 г. уменьшиться

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 40, 71.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 235.
[3]) Там же, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 45.
[4]) Там же, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 108.

до 564 тыс. человек. Возвращение нескольких миллионов самых здоровых работников в хозяйство не могло остаться бесследным, в частности для с. хозяйства, особенно в связи с отсутствием инвентаря, когда живая рабочая сила была главным элементом процесса производства.

Прекращение гражданской войны, объединение всей России сделало производящие районы доступными для потребляющих. Сырьевые запасы Сибири, Туркестана и других районов потекли в промышленные центры. Самая замена продразверстки продналогом, благодаря чему почти прекратились сопротивления крестьян в выплате приходящейся с них доли, дала возможность сильно сократить продовольственную армию.—Рабочие возвратились к своим непосредственным обязанностям—к работе на заводах и фабриках. Транспорт приходил все в более устроенное состояние; чинились взорванные мосты; усилился приток паровозов и вагонов. Связь между районами устанавливалась все более плотная и живая.

Первое следствие нэпа—это возможность обмена семенами между крестьянскими хозяйствами на посев. В период продразверстки крестьянин не мог дать в заем, продать хотя бы и небольшое количество хлеба. Даже внутри селений дача в заем, а тем более продажа были затруднены, так как это влекло за собой увеличение разверсточной доли. Недосев из-за отсутствия семян был нередким явлением в 1919, 1920 г.г.

Нэп развязал внутрирайонный и межрайонный обмен, в результате чего крестьянин при недостатке семян пускал в оборот нередко последнюю, но менее важную вещь в хозяйстве и покупал семена. Заем, хотя бы под ростовщические проценты, получил широкое распространение. Поэтому в первый же год нэпа посевная площадь была расширена. В Северном, Приозерном, Белорусском, Центр.-Промышленном и Малороссийском районах увеличение произошло с 11.539 тыс. десятин в 1920 г. до 12.220 тыс. десятин в 1921 г., т.-е. рост на 6%. Наиболее важно при этом отметить, что в этих районах была впервые упадочная волна замена подъемом. Правда, остальные крупно-посевные районы продолжали понижать посевные площади.

Этот успех был первым показателем влияния нэпа на с. хозяйство.

С нэпом удалось наличный запас товаров бросить в деревню; самый запас товаров получил возможность более сильного пополнения за счет увеличения мелкой и крупной промышленности, а также за счет ввоза из-за границы, куда открылся путь с разрывом блокады. В 1921 г. продукция всей промышленности расценивалась в 534.652 тыс. руб. против 473.307 руб. в 1920 г.[1]).

В 1921 г. было ввезено с.-х. машин на 14.363 тыс. зол. руб., 2.490 тыс. пуд. сравнительно с 8.464 тыс. пуд. в 1913 г. и сравнительно с полным отсутствием ввоза во время блокады.

Особенно сильно оживилась деревня от развертывания мелкой

---

[1]) „На новых путях", III, стр. 186—187.

промышленности, самой близкой к крестьянскому рынку и легче восстановившейся сравнительно с крупной. За счет всякого рода остатков, распродаваемых из городов,—отброса железа, лома и т. д.—кустарная промышленность сильно поднялась. По подсчетам Попова кустарная и ремесленная промышленность дала в 1920 г. 193 милл. р., а в 1921 г.—260 милл. руб. Общая динамика промышленности представлена в следующей таблице:

Название:	1912 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Крупная	3.721	518	585	705
Ремесленная	730	141	190	295
Кустарная	—	52	70	100
Всего	4.451	711	845	1.100 [1]).

Свобода оборота позволила с большей нагрузкой использовать имеющийся инвентарь, как живой, так и мертвый. В деревнях стала широко применяться аренда инвентаря, сначала явочным порядком, потом легализованная Земельным Кодексом. Статистически невозможно уловить все аренды и наймы, они слишком распылены, часто, благодаря кабальности, скрываются, но в общем их значение для повышения посевных площадей нельзя преуменьшать.

В вопросе об удобрениях нэп внес значительное улучшение. Выработку минеральных удобрений не удалось увеличить до сих пор сколько-нибудь заметно, но использование навоза сильно увеличилось. Момент личной заинтересованности, внесенный нэпом, фактическое сокращение, а часто и прекращение переделов, декретированное еще в 1919 г., заставили вывозить навоз на поля не только со двора, но и с околицы, где навоза до 1921 г. накопилось довольно много. Употребление навоза служило серьезной гарантией начавшегося поворота в с. хозяйстве.

Серьезным двигателем нэпа, а при посредстве его и нар. хозяйства была финансовая политика Соввласти. Первоначальное постановление о нэпе было лишь черновым наброском существующего теперь. На X съезде РКП Ленин говорил: „Применяйтесь к замене разверстки налогом... Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного оборота вынести в виде постановления съезда. Мыслю себе, что после этого непременно будет в ближайшие дни письмо ЦК, который скажет и, конечно, он скажет это лучше, чем я говорю сейчас: „Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собранный опыт учтут, чтобы итти потом на основании опыта; нам нужно десять раз проверить принятые меры“ [2]).

---

[1]) „На новых путях“, III, стр. 188.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 143.

Осторожность планов была вполне уместна, так как „новую экономику мы стали строить совершенно по-новому, ни с чем старым не считаясь“ [1]).

Осторожностью был пропитан первый шаг—так называемый местный продуктообмен. Продналог изобиловал многими недостатками и сильно страдал еще отрыжкой продразверстки. Он был, во-первых, множественный. Взимался единый натурналог, трудгужналог, подворно-денежный налог, на восстановление с. хозяйства и местные налоги, которые варьировались в зависимости от местного исполкома и местных условий. Налоги, помимо множественности, взимались нередко повторно, стирая, таким образом, различие между продразверсткой и налогом.

Первая брешь в натуральность налогов была внесена переводом на деньги трудгужналога, который был закреплен в феврале 1923 г. в более или менее стройной форме.

Налоговая практика, с одной стороны, развитие нар. хозяйств,—с другой, позволили только в 1922—1923 г. внести вместо множества налогов единый сельскохозяйственный налог, взимание которого допускалось частью деньгами, частью натурой. Опыт замены натуральной части денежной увенчался успехом. Общий подъем народного хозяйства позволил к 1924 г. совсем отказаться от натуральной части налога и все налоги перевести на деньги.

1924—1925 г. представляет собой завершение пройденного пути от натурального к денежным налогам. Параллельно развивался товарооборот в стране, захватывая все большую и большую толщу крестьянства и перестраивая госаппарат в новом направлении [2]).

Упорядочение взимания налогов имело оздоровляющее влияние на сельское хозяйство, так как при новой системе налогов „крестьянин раз в год с полной гарантией, что среди года его не потревожат, должен знать его обязательства перед государством. Только тогда создается возможность точного хозяйственного расчета у крестьянина. А крестьянин такой человек, что если мы будем мешать его ведению хозяйства, его расчетам в самом процессе его хозяйствования и опрокидывать все эти расчеты среди года, то он этого не потерпит“ [3]).

2. Движение посевных площадей

Изменение посевных площадей, как ответ на новую экономическую политику со стороны крестьянства, обнаружилось неодинаково в различных районах. Голод 1921 г. захватил 25 наиболее хлебородных губерний и произвел в них сильное разрушительное действие; он остановил движение сельского хозяйства вперед. Посевные площади в этих губерниях понизились. Что же касается губерний Европ. части

---

1) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 27.

2) См. об этом „Вестник Финансов“, 1924, № 2, стр. 45; № 3, стр. 4 и след.; № 47 за 1923 г., стр. 10. „Народное и Государственное хозяйство СССР“, стр. 650—660.

3) „Двенадцатый съезд РКП“, 1923 г., стр. 405.

СССР, кроме Украины, которые оказались вне засухи 1921 г., то они обнаружили неуклонный рост посевных площадей. Общее изменение посевных площадей представлено в следующей таблице (стр. 143).

Если взять районы, пострадавшие полностью от голода, то в них наперекор нэпу голод сокрушил все тенденции к росту. Влияние засухи было настолько универсально и сильно, что производящие губернии и Юго-Восток понизили свою посевную площадь до 57% в 1922 г. сравнительно с 1920 г., принятым за 100. Произошли как бы провалы в земледельческой деятельности крестьян. Особенно резко сказалось действие засухи в Киргизии, которая, благодаря скотоводческому характеру своего хозяйства, сильнее подорвала устои своего благосостояния.

Все районы, после урожая 1922 г., к 1923 г. увеличили посевную площадь, лишь одна Киргизия осталась в стороне от этого восстановительного процесса. В ней посевная площадь с 1.020 тыс. десятин в 1922 году понизилась до 924 тыс. дес. в 1923 г., на 9% против 35% общего повышения посевных площадей во всех пострадавших от неурожая районах.

Меньше пострадали районы, захваченные частично засухой. Самое сильное падение в 1922 г. докатилось до 75% сравнительно с 1920 г., зато подъемная волна не достигла такого размаха, какой имел место в районах, пострадавших полностью. Здесь повышение в 1923 г. достигло сравнительно с 1922 г. 26%, в то время как в последних подъем достиг 35%. Обе части России в 1923 г. достигли неодинаковых результатов сравнительно с 1920 г.: пострадавшие частично—96%, а полностью—81%.

Посевная площадь районов, не пострадавших от неурожая, сократилась в 1921—1922 г.г. совсем незначительно: в первом году на 3%, во втором—на 5% сравнительно с 1920 г. Зато и повышение посевной площади в 1923 г. получилось не очень значительное—всего на 8% сравнительно с 1922 г.

Если взять всю посевную площадь, то увидим, что частичный недород, последствия гражданской войны и условия „военного коммунизма“ понизили сравнительно с 1920 г. посевную площадь в 1921 г. на 7%—с 64.339 тыс. дес. до 59.930 тыс. дес.

При ослаблении с. хозяйства в 1921—1922 г., в следующем 1921—1922 г. разразился необычайной свирепости голод. Он окончательно добил с. хозяйство, доведя его до 50.595 тыс. дес. для всего СССР, сравнительно с 1920 г. до 79%, а сравнительно с 1916 г.—до 62%.

При сравнении с 1916 г. движение посевных площадей в процентах будет иметь следующий вид:

Районы.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Потребляющий	100	86	65	72	82	90
Производящий	100	99	73	64	55	68
Юго-Восток	100	105	64	64	48	62
Киргизск. ССР	100	113	90	66	50	47
Сибирь	100	112	105	79	55	66
Украина	100	89	91	91	76	89
Всего	100	98	78	73	62	74[1]

[1]) „Бюллетень ЦСУ“, 1922 г., № 82, стр. 4.

Название.	В тысячах десятин.							
					не постр. от неур. 1921 г.			
	1920	1921	1922	1923	1920	1921	1922	1923
Потребл. пол.	6.612	7.454	8.497	9.209	6.612	7.454	8.497	9.209
в %%% к 1920 г. .	100	113	128	139	100	113	128	139
Производ.	25.985	23.050	19.234	23.936	3.791	3.890	4.805	4.917
в %%% к 1920 г. . .	100	89	74	92	100	103	114	130
Юго-Восток	4.896	4.916	3.715	4.796	2.582	2.685	2.536	2.804
в %%% к 1920 г. . .	100	100	76	98	100	104	98	109
Европ. часть РСФСР .	37.495	35.422	31.446	37.941	12.988	14.031	15.339	16.931
в %%% к 1920 г. . .	100	94	84	101	100	108	118	130
Кирг. ССР	3.273	2.385	1.822	1.697	1.563	1.090	801	774
в %%% к 1920 г. . .	100	73	56	52	100	70	51	50
Сибирь	5.756	4.307	3.074	3.677	5.756	4.307	3.074	3.677
в %%% к 1920 г. . .	100	75	53	64	100	75	53	64
Аз. часть РСФСР . .	9.029	6.693	4.896	5.374	7.320	5.398	3.876	4.451
в %%% к 1920 г. . .	100	74	57	60	100	74	53	61
Укр. ССР	17.814	17.884	14.253	16.709	8.943	8.943	8.709	8.672
в %%% к 1920 г. . .	100	100	80	94	100	100	97	97
Всего по СССР . .	64.339	59.930	50.595	60.025	29.249	28.372	27.925	30.055
в %%% к 1920 г. .	100	93	79	93	100	97	95	103 [1]
По данным ЦСУ с поправками на недоучет посевная площадь равна				65.590	—	—	—	—
На 1923—1924 г. посевная площадь увеличилась по данным Наркомзема				78.128 [2]	—	—	—	—
По данным Попова				72.149 [3]	—	—	—	—
	Пострадавшие полностью.				Пострадавшие частично.			
Производ.	8.623	8.151	7.041	8.490	13.571	11.008	7.876	10.528
в %%% к 1920 г. . .	100	95	82	98	100	81	58	78
Юго-Восток	2.314	2.231	1.178	1.991	—	—	—	—
в %%% к 1920 г. . .	100	96	51	86	—	—	—	—
Европ. часть РСФСР .	10.938	10.388	8.220	10.482	13.571	11.008	7.876	10.528
в %%% к 1920 г. . .	100	95	75	96	100	81	58	78
Кирг. ССР	—	—	—	—	1.709	1.295	1.020	923
в %%% к 1920 г. . .	—	—	—	—	100	76	60	54
Укр. ССР	—	—	—	—	8.871	8.871	5.543	8.036
в %%% к 1920 г. . .	—	—	—	—	100	100	82	91
Всего по СССР . .	10.938	10.388	8.220	10.482	24.151	21.175	14.450	19.488
в %%% к 1920 г. .	100	95	75	96	100	88	60	81 [1]

1) „Бюллетень ЦСУ“ № 82, 1924 г., стр. 2—3.
2) „Союз Потребителей“, 1924 г., № 5, стр. 56.
3) Попов, „Сельское хозяйство Союза Республик“, 1924 г., стр. 28.

Из районов, более всего снизивших посевную площадь, выдвигается Киргизия—до 47%, Юго-Восток—62, Сибирь—66 и Производящий до 68, при среднем для СССР—74%.

Крупно-посевные районы сжали посевную площадь сильнее остальных. Киргизия из-за уничтожения части своего скота не может до его восстановления расширить посевную площадь до довоенного уровня.

Скотоводство по отдельным губерниям Киргизии понизилось: напр., в Уральской—с 3.789 тыс. голов в 1917 г. до 495 тыс. в 1922 г. Посевная площадь за то же время сократилась с 410 тыс. дес. до 149 тыс. дес. [1]).

По Оренбургской	. . . . .	с 1.211	тыс.	голов	до 366
„ Актюбинской	. . . . .	„ 1.091	„	„	„ 330
„ Кустанайской	. . . . .	„ 1.183	„	„	„ 458
„ Тургайской	. . . . .	„ 297	„	„	„ 106

В остальных губерниях понижение менее значительно [2]).

Следующим, в порядке очереди, идет Юго-Восток. Особенностью этого района является то, что гражданская война велась здесь с особым упорством и велась дольше, чем в других районах. Конец гражданской войны ознаменовался уходом значительной части казаков из Советской России. Так как здесь хозяйства были крупно-посевные, то гражданская война и отлив работников не могли пройти бесследно. Засуха 1920 г. и голод 1921 г. довершили разрушение с. хозяйства. Посевная площадь, напр., в Кубано-Черноморской губ. изменялась следующим образом:

в 1917 г.	. . . . . 2.534
„ 1920 „	. . . . . 1.837
„ 1921 „	. . . . . 1.710
„ 1922 „	. . . . . 1.675
„ 1923 „	. . . . . 2.116 [3])

В 1923 г. увеличение посевной площади произошло на 32% сравнительно с 1922 г. Более значительное увеличение посевной площади в 1923 г. сравнительно с 1922 г. дала Ставропольская губ., повысившая посевную площадь с 433 тыс. дес. в 1922 г. до 730 тыс. дес, т.-е. на 68% [4]).

Можно рассчитывать, что экстенсивное земледелие Киргизии и Юго-Востока быстро оправится от ударов, после 2-х хороших урожаев. При благоприятной конъюнктуре они смогут быстрее других районов закупить мертвый и живой инвентарь и восстановить довоенный баланс своего хозяйства.

---

[1]) „Отчет Уральского губернского экономич. сов. за период I/X 1921 г. по I/X 1922 г.", стр. 31.

[2]) „Статистико-экономический обзор Кирг. ССР", 1923 г., стр. 17.

[3]) „Поотдельские итоги", стр. 13.

[4]) „Отчет Ставропольского губисполкома VI созыва", Ставрополь 1923 г., стр. 19.

В дальнейшем сокращение посевной площади в Сибири произошло неодинаково в различных районах. В то время как в целом сокращение посевной площади равнялось по отношению к 1920 г., принятому за 100, в 1922 г.—60% [1]); в Ново-Николаевской губ., затронутой засухой, сокращение было значительно большим:

в 1920 г.	100%
„ 1921 „	55 „
„ 1922 „	42 „
„ 1923 „	60 „ [2]).

Производящий район обнимает собой настолько значительную территорию, находящуюся в настолько разнообразных условиях, что нет никакой возможности считать ее единой. В эту полосу, на-ряду с пострадавшей от засухи в сильнейшей мере Самарской губ., входят пострадавшие частично, как, напр., Воронежская. Сюда же причисляется несколько губерний, совсем не пострадавшие от неурожая. Самарская губ. понизила посевную площадь следующим образом:

			Собрано хлебов.	
в 1920 г.	2.209 тыс. дес.	100%	19 милл. пуд.	
„ 1921 „	1.332 „ „	60 „	3,2 „ „	
„ 1922 „	857 „ „	40 „	22 „ „ [3])	

Сбор в 1918 г. равнялся 116 милл., а в 1919 г.—54 милл. для той же Самарской губ. Если мы примем во внимание, что число скота с 3.244 тыс. голов упало до 668 тыс. голов, то будет понятна причина медленного роста посевной площади по отношению к довоенному уровню.

За это же время в Воронежской губ. падение посевных площадей было следующим:

в 1920 г.	100%
„ 1921 „	86 „
„ 1922 „	82 „
„ 1923 „	104 „ [4])

Украина испытала на себе действие засухи, при чем в то время, как в непострадавших районах посевная площадь понизилась лишь до 95% в 1922 г. по сравнению с 1921 г., в пострадавших полностью понижение докатилось до 62%, поднявшись снова до 91% в 1923 г.

Потребляющий район, начиная с 1920 г., неуклонно повышает посевы на несколько процентов ежегодно.

Общее обозрение движения посевных площадей приводит нас к выводу: чем крупнее хозяйство в районе, чем экстенсивнее земледелие, тем меньше оно застраховано от различных неустоек и в первую

---

1) „Отчет пятого Сиб. эконом. совещания“ 1924 г., стр. 58.

2) Гензель, „Сельское хозяйство Ново-Николаевской губ. в 1917—1923 г.г.“, Ново-Николаевск 1924 г., стр. 4.

3) „XI Самарский губ. съезд Советов“, Самара, 1924 г., стр. 208—210.

4) „Отчет Воронежского губ. эконом. сов.“, Воронеж 1924 г., стр. 4—5.

голову от засухи, тем быстрее в таких хозяйствах сокращается посевная площадь. С другой стороны, при подъеме наблюдается обратная тенденция; сильнее всего потерпевшие хозяйства проявляют большую восстановительную тенденцию. Так, районы, полностью пострадавшие от неурожая, расширили площадь посевов в 1923 г. сравнительно с 1922 годом на 35%. Частично пострадавшие—на 26% и непострадавшие—лишь на 8%.

Районы, взятые все вместе, в 1920 г. имели лишь 70% посевной площади 1913 г. Считать ее нормальной, конечно, нельзя. Тем не менее тенденция, обнаружившаяся за 3 года, ясно свидетельствует, что чем ближе мы подходим к довоенному уровню, тем медленнее становится восстановительный процесс. Объяснение такой динамики посевных площадей дает таблица, показывающая количество десятин на хозяйство, в среднем, для района. Если распределить районы по величине посевных площадей на 1 хозяйство, то ряд районов будет следующий:

Районы.	Десятин посева на 1 хозяйство.					Десятин посева на 1 душу.		
	1916 г.	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1922 г.	1916 г.	1920 г.	1922 г.
Ц.-Землед. . . .	4,6	3,4	3,1	2,8	2,8	0,8	0,5	0,5
Ср.-Волжск. . .	4,4	3,6	3,1	2,7	2,6	0,9	0,6	0,5
Нижне-Волж. .	6,7	5,0	4,5	4,5	3,0	1,1	0,8	0,6
Ц.-Промышл. . .	2,0	1,9	1,5	1,4	1,8	0,4	0,2	0,3
Белорусск. . . .	4,3	3,4	2,5	1,9	2,7	0,7	0,2	0,5
Приозерн. . . .	2,6	1,9	1,3	1,4	1,8	0,5	0,3	0,4
Приуральск. . .	4,2	4,6	3,5	3,3	2,6	0,8	0,6	0,5
Северный . . .	1,9	2,0	1,7	1,2	1,3	0,3	0,2	0,3
Украинск. . . .	5,1	4,3	—	—	3,2	0,9	—	0,6
Юго-Восток. .	7,7	—	—	5,0	3,4	1,3	0,9	0,7
Степной Кр. . .	5,0	—	—	5,0	2,7	0,9	0,9	0,5
Сибирь	4,7	—	—	—	4,5	0,9	0,8	0,4[1]

Колебания посева на 1 хозяйство в первых трех малопосевных районах не превышают 32% и не падают ниже 10% в 1922 г. сравнительно с 1916 г. Правда, в 1919—1920 г. г. колебания были значительно больше, достигали даже, напр., в Приозерном в 1919 г. до 80%.

Следующие пять районов представляют собой колебания, превышающие первые три. Самое меньшее отношение величины посева на хозяйство равно 38%, а самое большее посев понижается до 51%. Еще более значительно падение посева на 1 хозяйство в остальных более крупно-посевных районах. Здесь отношение колеблется между 56% и 38%.

[1]) „На новых путях", V—I, стр. 66.

Падение посевной площади на хозяйство вызвало о, естественно, падение и на 1 душу населения. При чем падение будет тем значительнее, чем крупнее хозяйства в районе. При этом в 1922 г. установилось, в среднем, по районам приблизительно одинаковая норма посева. Колебания имели место лишь между 0,3 и 0,7 десятины на душу, тогда как различие между районами в отношении посева на 1 хозяйство в дореволюционное время достигало от 0,3 десятины до 1,3 дес,, т.-е. в 4 слишком раза больше. Общее понижение посевных площадей, особенно сильное в крупно-посевных районах, нивелировало различные районы.

Факторы с.-х. производства ухудшились за время голода чрезвычайно значительно. Если мы возьмем скот, то окажется, что по всем районам произошло общее уменьшение его. Последнее понизило производственную возможность в каждом районе и почти в каждом хозяйстве.

Районы.	На 1 хозяйство приходилось рабочего скота.				Дес. посева приходилось на единицу рабочего скота.			
	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
Ц.-Пром.	0,8	0,7	0,7	0,8	2,7	1,9	2,7	2,4
Северный . . .	0,8	0,8	0,8	0,7	2,2	1,6	1,7	1,7
Приозерн. . . .	1,0	0,8	0,8	0,9	2,8	1,8	2,1	2,2
Ср.-Волж. . . .	1,1	0,7	0,6	0,6	4,0	3,9	4,5	4,4
Приуральск. . .	1,2	1,0	0,8	0,9	3,6	3,2	3,3	3,0
Ц.-Земл.	1,2	0,8	0,6	0,7	4,0	8,9	4,9	4,7
Белорусск. . . .	1,3	1,0	1,1	1,1	3,2	2,0	2,5	2,4
Украина	1,4	—	1,0	0,8	3,8	—	3,3	4,2
Нижне-Волж. .	2,6	1,6	0,6	1,0	2,5	2,8	4,7	3,6
Юго-Восток . .	2,8	1,8	1,0	1,3	3,0	3,0	3,6	3,3
Сибирь	2,8	2,4	1,9	1,9	1,7	1,9	1,2	1,6
Степной Кр. . .	4,0	2,9	0,9	2,1[1]	1,3	1,6	2,5	1,3[2]

Хозяйство, в котором сократился скот в два или даже больше раза, не будет в состоянии вести земледелие в прежнем масштабе, не сможет удобрять поля, будет не пахать землю, а скорее „царапать“ [3]. Понемногу эти отдельные моменты вместе приводят к сокращению посевной площади и понижению урожайности.

Скот является единственной двигательной силой у нас в деревне, и в то время как он ухудшился качественно, нагрузка на него в целом ряде районов стала более высокой, чем это было в 1916 году, наиболее благополучном по скоту. Нагрузка рабочего скота находится в благополучном состоянии в районах малоскотных и малопосевных. Такие же районы, как Центрально-Земледельческий, Средне-Волжский, Нижне-Волжский, Украина и Юго-Восток, значительно

[1]) „На новых путях“, V—I, стр. 70, 626.
[2]) Там же, стр. 621.
[3]) Бекстон, „Русская деревня“, Гиз., 1923 г., стр. 18.

увеличили нагрузку скота. При качественном понижении скота обслуживание большей площади меньшим количеством, чем в 1916 г., невозможно. Правда, в 1923 г. было лучше, чем в 1922 г. В 1923 г. происходил процесс оздоровления, но в этот процесс оздоровления вклинивается процесс дифференциации, начавшийся с нэпом.

Крестьянское хозяйство мелкое: использование скота и инвентаря в нем ненормальное. Одновременно целый ряд хозяйств, свыше 30% в общесоюзном масштабе, оказывается без рабочего скота и в то же время—обладателями земли; при таких условиях вполне понятно, что посевная площадь с трудом приближается к довоенному уровню.

Общее стремление к повышению в крестьянском хозяйстве сильно; все силы прилагаются к тому, чтобы вылезти из разрухи, в которую попали за время войны и революции. Кабальные условия аренды лошадей, мертвого инвентаря и значительная их распространенность—об этом свидетельствуют достаточно красноречиво. Можно считать, что Производящий район, питавший остальную часть СССР и импортировавший значительные партии хлеба, дошел до нормы нагрузки рабочего скота. Нужны решительные меры как поощрительного, так и кредитного свойства, чтобы не остановить развития сельского хозяйства. Это тем более важно, что людской материал в деревне имеется в изобилии. По данным, приведенным в „На новых путях", десятин посева приходилось на 1 работника:

Районы.	1916 г.	1920 г.	1922 г.
Центр.-Земледельческ.	3,7	2,1	1,7
Средне-Волжский	3,9	2,7	2,0
Нижне-Волжский	5,5	3,7	1,9
Центрально-Промышленн.	2,1	1,2	1,4
Белорусский	3,5	1,4	1,7
Приозерный	2,3	1,2	1,9
Северный	1,8	0,9	1,0
Украина	4,5	—	2,5
Юго-Восток	6,1	4,0	3,1
Степной	3,5	4,0	2,6
Сибирь	4,3	3,7	2,1
Приуральский	3,7	2,6	1,5 [1]

Положение с мертвым инвентарем в период нэпа постепенно улучшалось, но лишь постепенно и крайне медленно. Потребовались серьезные меры правительства, чтобы усилить приток с.-хозяйственных машин в деревню, как в направлении производственного, так торгового звеньев. Для большинства машин и орудий срок службы можно считать не более 15 лет. Машины и орудия почти не возобновлялись и не ремонтировались. С 1914 г. прошло уже 10 лет. „Подсчет остатков от амортизации общего потребления за годы с 1909 до 1923 г. определял современную наличность улучшенного инвентаря республики в 170 милл. руб., тогда как площадь посева в размерах 1916 г. по довоенным нормам насыщенности требует инвентаря на сумму в

[1] „На новых путях", V—I, стр. 69.

320 милл. руб. Общая стоимость подлежащего восстановлению инвентаря по всему СССР определяется в 187 милл. руб. [1]).

По подсчетам сведений, получаемых с мест, устанавливается убыль с.-х. машин и орудий в 50% сравнительно с довоенным временем. По данным из отдельных губерний состояние инвентаря рисуется в следующем виде: напр., в Кубано-Черноморской насчитывалось:

Годы.	Плугов.	Борон жел.	Борон дерев.	Сеялок.	Жнеек.	Зерноочист.	Молотилок.
	(В тысяч. штук).						
1917	230	—	—	46	58	—	5
1920	135	24	181	41	67	74	9
1921	134	23	170	40	61	67	9
1922	121	22	141	32	48	47	3,9[2])

Отчет Уральского губэкосо констатирует уменьшение с 1920 г. по 1922 г.

Плугов	с 22	тыс.	до	10
Сох	„ 0,1	„	„	0,05
Борон жел. . . .	„ 23	„	„	10
Борон дерев. . . .	„ 3,7	„	„	1,1
Сеялок	„ 1,2	„	„	0,4
Жнеек	„ 7	„	„	5 [3])

Общие данные по голодающим районам говорят о следующей убыли инвентаря в процентах от наличности на 1920 г.:

Название	Северный р.	Экстенсивно-пшеничный р.	Дикого скотоводств.	Пшенично-ячменный р.
Сох, сабанов, косуль . .	1,4	11	4	26
Плугов	2,5	20	1	31
Борон жел.	1,3	24	22	9
Борон дерев.	6,4	—	15	2,6
Сеялок рядовых	83,0	17	32	3,9
Сеялок разбросных . . .	—	10	42	—
Жаток	55,0	26	19	23
Сенокосилок	74,0	16	25	50[4])

Отрывочные сведения от различных ГЗУ единодушно указывают на уменьшение с.-х. инвентаря, на замену улучшенных орудий доморощенными русскими. Соха вытесняет плуг, деревянная борона — железную, с одновременным понижением общего количества инвентаря.

---

[1]) „Сельское и лесное хозяйство", М. 1924 г., кн. 13-я, стр. 5.
[2]) „Поотдельские итоги", Краснодар 1924 г., стр. 68—69.
[3]) „Отчет Уральского губэкосо за период 1/X 1921 по 1/X 1922 г.", стр. 57.
[4]) „Сельское и лесное хозяйство", кн. 13-я, стр. 5.

Убыль с.-х. машин охватывает, как мы видели, все разнообразие применяющихся машин. Обработка почвы, посев, уборка, очистка зерна—словом, весь процесс с.-х. производства совершается уже 10 лет качественно в худших условиях. Убыль с.-х. инвентаря, как мы увидим из обзора промышленности, объективно была неизбежным фактом.

Семеноснабжение за время войны и революции также сильно ухудшилось. До войны главное внимание земств, кооперации и целого ряда частных предпринимателей направлялось на то, чтобы снабдить высокосортными семенами земледельческие хозяйства. Во время революции вся задача состояла в том, чтобы чем-нибудь, но засеять имеющуюся посевную площадь. Посылались, напр., кукуруза, подсолнечник, лен туда, где такие культуры не возделывались или возделывались в ничтожном количестве. Снабжение семенами трав, улучшенных сортов зерновых, огородными было отодвинуто на второй план. Переброска миллионов пудов зерна составляла актуальную задачу к каждому периоду посева. Так:

в 1920 г. . . .	было выдано	5.891	миллионов пудов семенных ссуд населению.
„ 1921 „ . . .	„ „	52.434	
„ 1922 „ . . .	„ „	51.131	
„ 1923 „ . . .	„ „	34.942 [1]	

При массовом снабжении семенами, при спешке, с какой это снабжение производилось, не могло не быть недочетов. Попадались семена невсхожие, малоподходящие к району, в который они присылались, засоренные и даже зараженные. Наркомзем и кооперация начали проявлять усиленный интерес к заготовке улучшенных семян для крест. хозяйства,[2]). В 1923—1924 г. Центросоюз заготовил 652.906 пуд. различных семян. Из общей суммы на вику падает 373.821, на клевер—4.578, на тимофеевку—1.076 [3]).

Госсельсклад продал семян на 483 тыс. руб. в 1922 г. Большую роль в оздоровлении семенного дела играли и продолжают играть совхозы. Они в 1923 г. засеяли 26.212 дес. улучшенными семенами, с которых получилось семенного материала 1,5 милл. пуд. [4]). Процесс восстановления семенного дела быстро подвигается вперед.

Гораздо хуже обстоит дело с минеральными удобрениями. Суперфосфата было реализовано лишь 729.000 пуд. в 1922—1923 г. и предположено к продаже в 1923—1924 г.—2 милл. пуд.[5]). Сравнительно с довоенными эти цифры очень незначительны, даже если принять во внимание отход от СССР западных окраин, наиболее значительно пользовавшихся минеральными удобрениями.

---

[1]) „Сельское и лесное хозяйство", кн. 11-я, 1923 г., стр. 156. См. также П. И. Попов, „С. хозяйство Союза республик", стр. 27, где даются несколько иные цифры.

[2]) „Вестник Сельского Хозяйства", 1924 г., № 1, стр. 12—14.

[3]) „Союз Потребителей", 1924 г., № 4, стр. 35.

[4]) Лапис, „Советские хозяйства", 1924 г., стр. 72.

[5]) „Русская промышленность", 1923 г., стр. 330.

Наследие империалистической и гражданской войн, когда мечи заменили плуги, зараженность полей различного рода вредителями получила широкое распространение. В период революции „озра" влачила жалкое существование до 1920 г. Быстрое размножение вредителей заставило оживить деятельность „озры". Развитие борьбы с вредителями всего нагляднее представлено в следующей таблице:

Посевная площадь (в тыс. дес.).

Годы.	Зараженная саранчей	Зараженная грызунами	Защищенная от саранчи	Защищенная от грызунов
1918	борьба не велась.			
1920 . . .	650	5.000	50	45
1921	1.200	5.000	320	81
1922	2.892	11.000	1.860	647
1923	2.149	10.864	2.418	1.778 [1])

Были употреблены все меры вплоть до газов с аэропланами.

Посевная площадь за время войн и революции ухудшалась не только благодаря заражению вредителями, но и благодаря размножению сорных трав. Местами земля заросла так сильно пыреем и другими травами, что ее обычными крестьянскими сохами, на крестьянской лошади, трудно, почти невозможно привести в культурный вид. Радикальным лечением таких площадей может быть только вспашка тракторами или, по крайней мере, культурными плугами [2]). Культурная обработка является лучшим средством борьбы с засоренностью и зараженностью почвы.

Расширение посевной площади с 1923 г. обозначает восстановительную тенденцию с. хозяйства, но в этом процессе, благодаря технической слабости крестьянского хозяйства, еще отстает урожайность. Урожайность не идет в ногу с посевной площадью. Полоса засушливых лет держит в рабской зависимости нашего отсталого земледельца. В среднем, по СССР урожайность одной десятины равнялась:

в 1920 г.	36 пуд.
„ 1921 „	31 „
„ 1922 „	50 „
„ 1923 „	41 „

По районам урожайность распределялась следующим образом:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Производящий	27	20	44	33
Потребляющий	41	47	44	38
Юго-Восток	44	26	63	47
Кирг. ССР.	15	21	34	20
Сибирь	37	40	45	38
Украинск. ССР	50	40	62	56

---

1) „Сельское и лесное хозяйство", кн. 11-я, 1923 г., стр. 155; кн. 7-я, 1923 г., стр. 203, 205.

2) „Вестник С. Хозяйства", 1924 г., № 2, стр. 16; № 3, стр. 18.

Сильнейшие колебания урожайности пока остаются уделом нашего крестьянина, внося в его хозяйство момент случайности и неуверенности. Крестьянское хозяйство остается подобным лотерее—выиграет или проиграет крестьянин в конце годовой деятельности,—это скажет погода. Только интенсификация с. хозяйства освободит нашего земледельца от стихийных бедствий, какие имели место в 1920—1921 г.г.

Если обратимся к процессам интенсификации, то мы должны констатировать и здесь значительные сдвиги в сторону улучшения установившихся до нэпа соотношений. В связи с ослаблением требований рынка на продовольственные культуры и ростом требований на промышленно-технические культуры, последние начинают занимать все более значительное место в общей посевной площади. Продовольственные культуры начинают оттесняться все более довоенными рыночными культурами. Динамика соотношений посевов отдельных культур в СССР за годы нэпа была следующей:

Годы.	Рожь.	Пшеница озим.	Пшеница яров.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.	Картофель.	Лен.	Подсолн.	Конопля.	Прочие.
1916 . . .	26	7	20	10	18	2	3	1	2	1,6	1,2	0,6	4,6
1921 . . .	29	6	17	9	14	2	6	1	3	1,2	1,7	0,8	3,9
1922 . . .	32	6	10	5	12	3	10	3	4	1,6	3,0	1,0	4,0
1923 . . .	33	5	12	8	13	3	7	2	4	1,6	2,5	0,8	5,9 [1]

В абсолютных величинах 1923 г. являлся для промышленно-технических культур годом общего подъема. Хлопка, напр.,

	посеяно;		собрано волокна.
в	1916 г.	767 тыс. дес.	15.275 тыс. пуд.
„	1921 „	79 „ „	571 „ „
„	1922 „	64 „ „	635 „ „
„	1923 „	201 „ „	2.700 „ „ [2].

Таким образом замечается как количественное, так и качественное улучшение хлопководства. Темп роста хлопководства небывалый: с 64 тыс. дес. посевная площадь поднялась до 201. Декхан, получив дешевую пшеницу и другие товары в обмен на хлопок, возвращается в обычные довоенные условия производства. Прочной гарантией быстрого развития хлопководства в Туркестане может служить железнодорожная линия в Семиречье и Сибирь; обе дороги обеспечат Туркестан дешевой пшеницей.

Льноводство за время войны и революции распространилось по районам, где до войны сеялось совсем мало льна. Лен был в таких районах случайной культурой.

---

[1]) „Бюллетень ЦСУ", 1924 г., № 82.

[2]) „Сырьевые проблемы в промышленности", М. 1924 г., стр. 63.

Одновременно в льноводных районах лен вытеснялся посевами продовольственных хлебов, почему площадь под льном в этих районах сильно пала.

Посевная площадь под льном
(в тысяч. десят.).

	По льноводным районам.		По нельновод. р.	По СССР.	
	Лен всякий.	Лен долгунец.	Лен всякий.	Лен всякий.	Лен долгунец.
1916 г. . .	1.025 —	970 —	292	1.317 —	1.151 —
1921 „ . .	451 100%	426 100%	237	689 100%	578 100%
1922 „ . .	499 110%	471 110%	238	733 106%	653 113%
1923 „ . .	528 117%	499 117%	234	757 109%	648 112% [1]

Эта таблица наиболее показательна для современного состояния посевной площади промышленно-технических культур. В самом деле, начиная с 1922 г. посевная площадь под льном неуклонно расширяется. При этом расширение не происходит за счет всех районов, а лишь за счет льноводных. Общий рост посевов льна с 1921 по 1923 г. выразился в 9%, в то время как рост льняной площади в льноводных районах вырос на 17%. Старые льноводные районы стремятся занять прежнее выгодное место.

Качественное увеличение происходит не столько за счет всего льна, сколько за счет увеличения льна долгунца, специально промышленного сорта. Из таблицы мы видим, что при росте всего льна по СССР на 9% лен долгунец повысился на 12%. Установление более тесных и дешевых сношений с заграницей заставит льноводов пойти в разведении льна дальше довоенного.

Развитие внутреннего промышленного потребления льна обеспечивает еще более выгодный сбыт льна, чем за границей.

Посевы сахарной свеклы подверглись особенно сильному сокращению во время войны и революции. В 1920 г. всего засеяно сахарной свеклой 180 тыс. дес., в 1922 г.—162 тыс. и в 1923 г.—200 тыс. десятин [2]).

С сахарной свеклой вопрос осложняется тем, что земля заводов была частично поделена крестьянами во время революции. В ближайшем будущем, а в некоторых местностях и сейчас предстоит тяжелый и длительный процесс по втягиванию крестьян в свеклосеяние.

При соответствующей эквивалентности сахарная свекла может завоевать крестьянские хозяйства в широких размерах.

Семенное дело, как пишет об этом проф. Якушкин, оправилось настолько, что в ближайшие годы станет предметом значительного экспорта [3]). Очередной задачей свекловодства является снабжение хозяйств минеральными удобрениями и улучшенными с.-х. машинами.

---

[1]) „Бюллетень ЦСУ", 1924 г., № 82, стр. 44.

[2]) „Социалистическое хозяйство", 1923 г., №№ 9—11, стр. 250. См. также „Русская промышленность", 1923 г., стр. 517.

[3]) „Вестник Сельск. Хоз.", 1924 г., № 1, стр. 12—13.

Посевная площадь подсолнуха после 1920 г., а конопли после 1922 г. неуклонно расширялась. При чем посевы подсолнуха увеличились значительно выше сравнительно с довоенными. В последнем не малую роль сыграла семенная ссуда, выданная на площадь в 700 тыс. дес. в 1922 г. Семенная ссуда подсолнухом была выдана в таких районах, где раньше его не сеялось. Насколько удержится подсолнух в новых районах, покажет ближайшее будущее. Движение посевной площади названных культур по СССР было следующим:

В 1916 г.	. .	519 тыс. дес.	конопли;	1.015 тыс. дес.	подсолнуха.
„ 1921 „	. .	431 „	„	„	996 „	„	„
„ 1922 „	. .	400 „	„	„	1.529 „	„	„
„ 1923 „	. .	464 „	„	„	1.556 „	„	„ [1]

Довольно быстро с нэпом стали восстанавливаться посевы трав.

В 1916 г.	их насчитывалось	1.605 тыс. дес.
„ 1920 „	„	„	450 „	„
„ 1922 „	„	„	540 „	„
„ 1923 „	„	„	731 „	„ [2]

Увеличение посевов трав должно считаться быстрым потому, что не проведено еще до сих пор полностью землеустройство, что трудно достать семян. Несмотря на отмеченные серьезные препятствия, рост посевов трав проявляется активно. Он ценен еще более оттого, что захватил большое количество районов, раньше почти не знавших травосеяния. При поощрении травосеяния оно быстрее других культур перегонит уровень 1916 г. [3]).

Таким образом промышленно-технические культуры при нэпе быстро расширяются. Так как их расширение свидетельствует об интенсификации, то нэп заслуженно получил одобрение на XIII съезде РКП, на котором принятая резолюция констатирует: „политика нэпа в основном оправдала себя целиком и в деревне: производительность с. хозяйства и благосостояние широких крестьянских масс, хотя и медленно, но непрерывно идет вперед“ [4]).

---

[1]) Насколько не урегулирован вопрос собирания статистических сведений, показывает несоответствие данных ЦСУ данным, приведенным в „Социалистическом Хозяйстве“. В последнем посевные площади:

	1916 г.	1922 г.	1923 г.	
Под льном	1.317 т. д.	800 т. д.	976 т. д.	„Соц. Хозяйство“,
„ коноплей	519 „	535 „	670 „	1923 г., №№ 9—10,
„ хлопком	714 „	55 „	200 „	стр. 250.
„ подсолнухом . . .	1.015 „	1.470 „	1.566 „	

[2]) „Социалист. Хозяйство“, 1923 г., №№ 9—10, стр. 250. См. по поводу роста Кондратьев, Огановский, „Перспективы развития сельск. хозяйства СССР“, 1924 г., стр. 105; „Бюллетень ЦСУ“, № 84, 1924 г., стр. 32.

[3]) „Вестник Сельск. Хоз.“, 1924 г., № 3, стр. 25.

[4]) „Тринадцатый съезд РКП“, 1924 г., „Красная Новь“, стр. 670.

2. Нэп и промышленность

Несомненные успехи при нэпе с. хозяйства были бы не так ценны, если бы они не оживили нашей промышленности. Успех в с. хозяйстве закреплен значительным повышением продукции промышленности. Успех тем более значителен, что он произошел без всякой иностранной помощи, вернее, при значительном саботаже со стороны иностранцев.

Возрождение нашей промышленности необходимо для того, чтобы обеспечить существование пролетарского государства. Не может быть пролетарского государства там, где нет пролетариата; пролетариат имеется там, где существует промышленность. Это — с точки зрения сегодняшнего дня. Но ближайшее завтра предъявит и уже предъявляет новые требования. Два пути развития—капиталистический и социалистический—стоят друг против друга. Без роста национализированной промышленности начала социализма были бы затоплены капиталистической стихией. Немыслимо построение социалистического общества без его фундамента—крупной промышленности. Взращивая национализированную промышленность, мы увеличиваем число опорных пунктов для социализма, укорачиваем переходный период. „Действительной и единственной,—говорил Ленин,—базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна, это—крупная промышленность"... И дальше: „Социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной и государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов" [1]).

Когда мы переходим к строительству нашего хозяйства, то „с точки зрения построения социализма выгодно переплатить сотни миллионов заграничным капиталистам, но зато получить те машины и материалы для восстановления крупной промышленности, которые восстановят нам экономическую базу пролетариата" [2]).

Но мало строить социалистическое общество, необходимо это строительство обеспечить от посягательства иноземных „доброжелателей"; их развелось с победой пролетариата очень много. „Доброжелатели" имеют „руки загребущие, глаза завидущие". В один момент может быть найден предлог для войны с СССР. Социалистической республике пришлось бы плохо, если бы у ней не возрождалась промышленность. Аграрная страна может быть только дополнением к какой-нибудь другой капиталистически развитой стране. Исторических примеров вполне достаточно для подтверждения этой мысли.

Наши индустриальные ресурсы в мирное время дают основу для

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 260, 206.
[2]) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 264.

роста производительных сил, в моменты кровавых войн они обращаются на защиту государства.

Крестьянина, однако, вышеприведенные соображения могут слабо трогать. Представители его кулацкой части неоднократно выражали свои желания связаться непосредственно с иностранной промышленностью, предоставляя возрождение русской промышленности на волю обстоятельств и конкуренции с мировым рынком.

Не может быть более близорукой политики, чем отмеченное стремление русского кулачества к связи с заграницей, минуя свою промышленность. Близорука отмеченная политика с точки зрения всего некулацкого крестьянства.

Задача возрождения России очень проста. „Первоочередной задачей Советской республики,—писал Ленин в наказе,—является восстановление производительных сил, подъем с. хозяйства, промышленности и транспорта“ [1]). Троцкий на XII съезде РКП сказал, что „мы нашей политикой должны внимательно, умело и настойчиво содействовать дальнейшему развитию производительных сил“ [2]). Затем Бухарин на V конгрессе Коминтерна заявил, что „правильная хозяйственная политика пролетариата может быть такая, которая может служить основой роста производительных сил“.

Эти заявления руководителей Сов. государства не могут итти вразрез с интересами крестьянства, исключая кулака. Эти заявления полностью отвечают заветным чаяниям и желаниям крестьянства. Весь вопрос заключается в том, как поднять производительные силы в с. хозяйстве.

На поставленный вопрос нужно категорически ответить, что с. хозяйство разовьется, интенсифицируется только вместе с развитием внутренней, туземной промышленности. „Для того, чтобы производительность труда в нашем земледелии поднялась вдвое, необходимо громадное развитие машиностроения, горной промышленности, парового транспорта, постройки массы нового типа с.-х. строений, магазинов, складов, каналов и т. д. и т. д. [3]).

Развитие современной промышленности и транспорта бесспорно доказало, что в процессе производства играет решающую роль частота и массовость оборота. Чем чаще и крупнее оборот, тем дешевле отдельные мелькания, дешевле отдельные товары.

Если взять транспорт, то в земледельческой стране он периодически то будет загружаться до чрезмерности, то пустовать. Нет смысла строить плотную сеть железных дорог там, где она не будет иметь грузов. Аграрная страна не может дать большого количества грузов. Редкая железнодорожная сеть в силу необходимости дорога и часто дефицитна. Эксплоатационная деятельность их часто не оку-

---

1) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 235.
2) „Двенадцатый съезд РКП“, 1923 г., стр. 290.
3) Ленин, „Развитие капитализма в России“, изд. „Московский Рабочий“, 1923 г., стр. 152.

пается. Поэтому транспорт ложится непосильным бременем на перевозимые грузы.

Вполне понятно, что и оборудование такого транспорта не может быть первоклассным. Отсталая страна не сможет вынести постройки густой сети элеваторов, потребного количества холодильников и т. д. Отсюда целый ряд скоропортящихся продуктов не может быть перевезен на далекие расстояния, из-за чего скоропортящиеся продукты не могут стать рыночными.

Торговля из-за редкости оборотов, незначительности капиталов, дорогого кредита вызывает неизбежно большие накладные торговые расходы, прибавляемые к ценам товаров.

Рост промышленности увеличивает частоту оборота, так как, наряду с с.-х. деятельностью, весь год работает промышленность. Перевозки, торговые обороты учащаются. В основном же происходит рост производительных сил, рост накопления капитала, удешевления кредита. Промышленность, предъявляя спрос на с.-х. продукты, выбрасывает в качестве возмещения их орудия для с.-х. производства и продукты широкого потребления. Здесь идет двухсторонний процесс: „развитие промышленности в центре России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого“ [1]). Развитие с. хозяйства в Германии после 70-х г.г. было особенно блестящим из-за того, что, с одной стороны, были введены пошлины, с другой,—Германия вступила в полосу быстрого промышленного развития [2]).

Промышленность, расширяясь, захватывает и „облагораживает“ целый ряд производственных процессов в сельском хозяйстве, чем достигается увеличение разделения труда, с неизбежно вытекающим отсюда ростом производительных сил. „Основным процессом создания внутреннего рынка (т.-е. развитого товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяется один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуют самостоятельные отрасли промышленности, обеспечивающие свои продукты (теперь уже товары) на продукты земледелия. Земледелие, таким образом, становится само промышленностью (т.-е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации“ [3]).

С. хозяйство в целом переходит на промышленную ногу. Крахмально-паточная, свекло-сахарная и прочие отрасли в сильнейшей мере интенсифицируют с. хозяйство. Эти отрасли, дополняя промышленность, служат посредствующим мостиком между промышленностью и с. хозяйством.

Массовое производство в промышленности дает возможность удешевить снабжение орудиями и машинами, искусственным удобрением

---

[1]) Ленин, „Развитие капитализма в России“, стр. 169.

[2]) Rümker, „Die deutsche Landwirtschaft“, 1914, S. 39; „Землевладение и сел. хоз.“, изд. Водовозовой, см. статью Брентано.

[3]) Ленин, „Развитие капитализма в России“, стр. 27.

и перевозочными средствами с. хозяйство. Массовые перевозки, вызываемые степенью массового производства промышленности, обусловливают удешевление грузооборота. И в том и в другом случае крестьянин выигрывает. Поэтому „там, где цены с.-х. продуктов очень низки, и одновременно в отношении заработной платы, орудий и машин, покупаемых минеральных удобрений стоят высокие цены, может существовать только экстенсивное хозяйство". „Совершенно другое при высокой степени развития с. хозяйства, когда цена на с.-х. продукты относительно высока, и в отношении к ним орудия и машины дешевы" [1]).

„Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах" [2]). Это соглашение будет не мимолетным, с годами оно должно укрепляться; если мы будем развивать нашу национализированную промышленность, то это соглашение приведет нас к социализму. На крестьянских дрожжах должна вырасти национализированная промышленность. Истекшие года нэпа дали значительное увеличение продукции промышленности; это доказывает, что соглашение с крестьянством рабочего класса имеет успех.

С 1921 г. по 1922 г. продукция поднялась на 35%, а в 1923—1924 г. сравнительно с прошлым проф. Подтягин определяет рост промышленности в 25%—с 2.000 милл. руб. валовой продукции до 2.500 милл. руб. Громан считает рост продукции равным в довоенных ценах—22%, а в современных товарных рублях—в 45%, в червонных рублях—в 86% [3]).

Рост несомненный и довольно значительный. Промышленность переживает органический рост. Число занятых рабочих неуклонно повышается. Так, в 1922 г. по сравнению с 1921 г. число рабочих возросло на 2,4% с тем, чтобы в 1923—1924 г. по сравнению с прошлым вырасти—на 12% [4]).

Одновременно беспрерывно увеличивается производительность труда рабочих, что представлено в следующей таблице:

Годы.	Месячная продукция на 1 рабочего в довоенн. рублях.	То же, на 1 чел. в день.	Заработная плата на 1 челов. в день.
1913 г.	145	6,8	117
1920—1921 г. . .	45	2,4	16,5
1921—1922 „ . .	80	3,8	34,0
1922—1923 „ . .	90	4,0	52,0
1923—1924 „ . .			
1 квартал.	98	4,2	61,6 [5])

[1]) Lichtenberger, „Untersuchungen über die neuezeitliche Entwicklung des landwirtschaftlichen Maschinenwesens", 1914, S. 5—6.

[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 138.

[3]) Подтягин, „Народное хозяйство СССР, его достижения и состояние в 1924 г.", Гиз, стр. 7—9; „Эконом. Обозрение", 1924 г., №№ 9—10, стр. 3.

[4]) „Эконом. Обозрение", 1924 г, №№ 9—10, стр. 84.

[5]) Подтягин, „Народное хозяйство СССР", стр. 13.

Ввиду спорности статистических данных, мы приводим наиболее свежие сведения, сообщенные Каменевым на втором съезде Советов СССР.

Валовая продукция в милл. довоенн. руб.

(в %% к 1921 г.)

Название.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1922 г.	1923 г.
Добыча и обраб. минералов	14	17	20	11	14
Горнозаводск.	210	402	495	91	135
Металлическ.	136	173	232	27	69
Обраб. дерева	38	58	53	49	37
Химическ.	49	76	110	53	101
Пищевая.	433	408	424	5	2
Обраб. жив. прод.	53	67	66	29	23
Текстильн.	204	475	778	132	282
Швейная и обувн.	115	61	94	29	17
Бумажная	9	20	88	120	317
Полиграфическ.	14	58	61	302	326
Электро-технич.	38	45	46	18	22
Всего	1.318	1.882	2.411	42	83

Одновременно с увеличением производительности труда повышается и заработная плата, хотя не так быстро, как производительность труда. Отставание заработной платы показывает, что рабочий класс несет значительные жертвы на восстановление промышленности. По Подтягину, производительность рабочего поднялась до 68% сравнительно с 1913 г., а заработная плата—лишь до 57%. Разница на 11% за первый квартал 1923—1924 г. [1]).

Чем дальше подвигаемся мы от военной поры, тем глаже протекает процесс производства. Недостатки сырья, топлива, доходившие до грандиозных размеров в эпоху гражданской войны, теперь изжиты совершенно. Из-за недостатка сырья в 1923 г. было потеряно не больше 1% рабочих дней. По данным ВСНХ 1922—1923 г. лишь одно предприятие из-за отсутствия топлива потеряло 0,2% отработанных человеко-дней [2]). „Истекший год,—говорил Рыков,—мы прожили не только без топливного голода, но стали испытывать затруднения в размещении топлива и значительно сократили закупки угля за границей“ [3]).

Темп роста различных отраслей промышленности был неодинаков. Амплитуда колебаний роста доходит от 59,5% до 301,4% при общем подъеме с 1921 по 1922 г. в 35%. Различие темпа обнаруживает характерные сдвиги восстановления промышленности [4]).

---

[1]) См. Струмилин, „Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 г.г“, 1923 г., стр. 28, 63 и др.

[2]) „Соц. Хозяйство“, 1923 г., №№ 9—10, стр. 16—18.

[3]) Рыков, „Хозяйственное положение Сов. республики и очередные задачи экономической политики“, М. 1924 г., стр. 14, 19.

[4]) См. проф. Исиченко, „Промышленность и рынок сбыта ее изделий“, 1923 г., стр. 4. „Деформация в промышленности, являвшаяся первым и объективно неизбежным следствием войны, создала диспропорцию отраслей промышленности, из которых одни, кинутые в энергичную работу на фронт, невероятно разбухали, другие, имевшие назначение обслуживать население, приходили в постепенный упадок“.

Наиболее быстро растут отрасли, близкие к широкому потреблению. Потребительский характер обмена между городом и деревней дает себя знать в работе нашей промышленности. Происходит окрестьянивание промышленности. Промышленность, выравниваясь по рынку, по линии коммерческого учета, расширила отрасли легкой промышленности быстрее, чем тяжелую индустрию. Обработка хлопка, напр., составляла в 1922 г.—372,2% по сравнению с 1921 г.; льна—371%; полиграфическая—401%; обработка бумаги—221; обработка шерсти—146% и т. д. Отдельные отрасли тяжелой индустрии, наоборот, понизили свое производство. Среди всех остальных отраслей производства нас более всего интересует отрасль с.-х. машиностроения, как наиболее необходимая для восстановления земледелия в стране. Среди остальных она оказалась в наиболее затруднительном положении. После перехода на хозяйственный расчет вся промышленность очутилась в трудном положении, особенно отрасли, производящие средства производства. Реализация продуктов этих отраслей производилась медленно; товар залеживался; достаточного кредита не было; дотации правительства полностью не обслуживали нужды развертывания производства. К этому прибавилась еще существующая неустойчивость валюты, вылившаяся со временем в дуализм валюты. Реализация с.-х. машин и орудий натолкнулась на ничтожную покупательную способность населения. Руководители данной отрасли констатировали, что „русская с.-х. промышленность на распутьи: повесить ли замок на лучшие заводы (Эльворти, Ген, Копп), давшие стандартные типы, копировавшиеся за границей, или ожидать поддержки от правительства для восстановления и развития производства [1]).

Степень разрушения отрасли с.-х. машиностроения показывает следующая таблица:

Изготовлено с.-х. машин и орудий.
(В тыс. штук.)

Название.	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Плуги	667	100	152	86
Бороны	127	6	20	9
Сеялки	68	0,5	5,7	3
Убор. машины	110	5	13	6
Косы	46	976	944	474
Серпы	2.521	606	574	107
Молотилки	110	1,7	18	14
Веялки	68	0,5	1	3,2 [2])

Первоначально производственная программа на 1922—1923 г. была утверждена на 19.650 тыс. зол. руб. Но впоследствии кризис сбыта уменьшил программу [3]).

Несмотря на то, что земледелие не было обеспечено инвентарем по самым голодным нормам, крестьянин не мог купить нужный ему плуг из-за его дороговизны.

Слабая реализация с.-х. машин и орудий накопила на 12—14 милл.

---

1) „Союз Потребителей", 1923 г., № 7, стр. 22; см. также „Бюллетени Госплана", 1923 г., вып. 11—12-й, стр. 185.

2) „Соц. Хозяйство", 1923 г., №№ 4—5, стр. 288.

3) „Союз Потребителей", 1923 г., № 7, стр. 22.

зол. руб. остатков от продукции при годовом производстве в 11 милл. зол. руб. Новый операционный 1923—1924 г. должен был изготовить на 14 милл. зол. руб. новых с.-х. машин и орудий. Но машины сбыта не находили. Снабжение земледелия машинами осложнилось; нужны были революционные меры, которые бы обеспечили сбыт и тем самым здоровое развитие машиностроения.

СТО постановлением 7/XII 1923 г. и ЦИК от 11/I 1924 г. предоставили широкие льготы при покупке с.-х. машин крестьянам, в виде долгосрочного кредита и снижения продажных цен до довоенных [1]). Отмеченные постановления стали историческими датами в с.-х. машиностроении и в снабжении машинами и орудиями деревни. После их опубликования спрос, до сих пор не обнаруживавший движения, быстро вырос. Одновременно с понижением цен на с.-х. машины стали повышаться хлебные цены. В результате Госсельсклад и кооперативные организации по 1/V 1924 г. продали на 17.700 тыс. руб. и предполагали в ближайшее время реализовать еще на 13 милл. руб.

Насколько был велик спрос по сравнению с имевшимися запасами, можно судить по следующей таблице:

Операции по Госсельскладу (в тыс. штук)

Название.	Годовая довоенн. потреб. России.	Заявки с мест до марта 1924 г.	Наличность на складах к весенн. сезону.
Плуги	850	123	139
Культиваторы и пр.	52	10	2
Бороны	110	26	12
Сеялки	78	4	4
Серпы	2.500	250	88
Косы	5.300	744	499
Жнейки самосбор.	44	3	0,9
Сноповязалки	19	0,2	0,1
Лобогрейки	85	3	1
Сенокосилки	63	3	2
Конные грабли	65	3	1
Молотилки	50	9	0,7
Привода	35	6	0
Соломор., корнер. и жмыходроб. и др.	44	5	2
Сепараторы	36	13	14
Тракторы	100	100	—
Сортировки	95	3	—
Триера	—	0,9	—
Локомобили	6	0,2	—
Клеверотерки	2	0,2	—[2])

[1]) Каменев, „Доклад правительства второму съезду Советов СССР", 1924 г., стр., 50. „Весь запас с.-х. машин, которые были произведены за последнее время и лежали на наших складах, мы решили немедленно пустить в крестьянскую среду по довоенным ценам и ниже довоенных, с длительной рассрочкой платежа".

[2]) „Соц. Хозяйство", 1924 г., № 2, стр. 290.

Развернувшийся, сравнительно с довоенным еще незначительно, спрос натолкнулся на слабые производительные способности наших заводов. Частью консервированная, частью работавшая до 30% нагрузки, отрасль с.-х. машиностроения не могла быстро развить своей пропускной способности. Пришлось поднять вопрос о ввозе из-за границы. Разрешение импорта может быть терпимо лишь как временное зло, особенно при наличии прекрасно оборудованных заводов внутри России, не доведших своей работы до полной нагрузки.

Если понижение цены до довоенной и предоставление кредита обеспечивает временный сбыт с.-х. машин, то на будущее надо ставить вопрос более рационально. По предварительным подсчетам снижение цен дало убыток до 40 коп. на каждый рубль с проданной машины. Необходимо дальнейшее улучшение производственных условий.

В этой отрасли более, чем где-либо, необходимо государственное регулирование.

Прежде всего необходимо зафиксировать районные стандарты с.-х. машин и орудий, по крайней мере главные. Затем всю производительную деятельность Сельмаштреста направить на выработку машин и орудий массовым способом. Концентрация промышленности должна быть доведена до полной нагрузки заводов. Нужно прекратить давать заказы на с.-х. машины заводам, не вырабатывавшим их специально. Только таким путем можно дать дешевую машину крестьянину, столь необходимую для подтягивания уровня производительных сил нашего с. хозяйства до западно-европейского собрата.

Нэп принес упорядочение транспорта, увеличение товарооборота, повышение и грузооборота на транспорте. Транспорт труднее всего поддается восстановлению, во-первых, потому, что для этого непосредственно нужен рост народного хозяйства в целом и, во-вторых, рост тяжелой индустрии в особенности. Разрушения транспорта были настолько значительны, что их невозможно залечить в короткий срок.

Железнодорожное и водное хозяйства сделали следующие успехи:

Состояние транспорта.	1921—1922 г.	1922—1923 г.	В %% 1922—1923 г. к 1921—1922 г.
Количество перевезенных грузов в ком. поездах (в милл. пуд.)	4.075	5.625	138
Средняя суточн. погрузка вагонов-цистерн. (в тыс.)	9.769	11.818	121
Пробег всех грузов в ком. поездах (в милл. пуд.)	919.294	1.218.076	132
Напряженность грузового движения (пудо-верст на версту)	14.001	19.098	136
Общее количество паровозов	19.338	19.659	101
Общее количество товарн. вагонов	409.735	418.289	102
% больных вагонов	33,6	32,5	—
Общее наличие топлива на 1/X (в дровяных эквивалентах)	508.842	1.139.961	206 [1]

[1]) Рыков, „Хозяйственное положение Советской республики и очередные задачи экономической политики", М. 1924 г., стр. 17; см. также „Социалистическое Хозяйство", 1924 г., № 1, стр. 391; проф. Подтягин, „Народное хозяйство СССР", 1924 г., стр. 15.

Транспорт, как и промышленность, работает неполной нагрузкой по причинам от него не зависящим. Упорядочение и удешевление транспорта устранит одно из препятствий к быстрому возрождению народного хозяйства, в частности к установлению тесной связи между с. хозяйством и промышленностью.

ГЛАВА III

1. Нэп и рынок

„Военный коммунизм" застопорил все движения вольного рынка; только подпольно, все уменьшаясь в количестве, могли совершаться меновые сделки. Единый внутренний рынок распался на десятки мелких районных со своими центрами. Цены и ценностные соотношения в большинстве случаев перестали руководиться производственными условиями и в свою очередь сами не руководили последними. На высоту цен влияли и конфискация, и трудность, и дороговизна транспортировки, и падающая валюта, и целый ряд чисто местных условий, вздувавших до чрезвычайно больших размеров цены товаров.

За время „военного коммунизма" была проделана попытка уравнительного распределения, игнорируя деньги и их покупательную способность. Потребность населения в тех или других продуктах учитывалась и в зависимости от наличности удовлетворялась. Платежеспособный спрос, выступающий посредником и регулятором отраслей производства и распределения, был отодвинут на задний план. Классовые отношения, существовавшие в распределении при обмене до революции, были перевернуты на голову при „военном коммунизме". Их заменил „классовый паек".

Уменьшение производства постепенно сузило объем распределяемых продуктов, а следовательно и удовлетворение потребностей населения сократилось. Население за время 7-летней войны и революционного времени утратило совершенно понятие об уровне довоенных потребностей. На первое место выдвинулись потребности продовольственного характера. Все остальное, за исключением военного снаряжения, было отодвинуто на второе место. Общественная потребность испытала существенное изменение. Предполагалось, что с подъемом народного хозяйства в целом будет постепенно изменяться и характер общественной потребности. „Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них" [1]). Нужна была перемена установившейся системы, и она была произведена.

В 1921 г. снова появился вольный рынок. Промышленность переведена на хозяйственный расчет. На рынке встретились две экономические категории—предложение и спрос. На стороне первого—небольшие нераспределенные остатки товаров и незначительная текущая продук-

[1]) См. „Тринадцатый съезд РКП", стр. 383. Речь Каменева.

ция промышленности. Приведенная нами выше справка показывает, что отдельные отрасли промышленности деформировались неодинаково. Но в общем промышленная продукция была далека от довоенной, почему предложение было слабо сравнительно с спросом, к тому же предложение различных товаров было неодинаковым.

В свою очередь спрос, вернее, то, что Маркс называет „действительной общественной потребностью“ [1]), противостоял предложению. Население во всем нуждалось, все готово было купить, почему для предлагаемых товаров должна была создаться неустойчивая благоприятная конъюнктура.

При таком соотношении спроса и предложения была разрешена вольная торговля. Население ударилось в покупки изделий текстильной промышленности, в результате чего мы видим самый значительный рост цен на ситцы. За 1922—1923 г. с 4 на 1/VIII 1922 г. цена поднялась до 738 на 1/IX 1923 г.

Вторыми по степени роста цен являются продукты пищевой промышленности, давшие повышение цен с 6 на 1/VIII 1922 г. до 698 на 1/IX 1923 года. Сильный рост цен обнаружила группа металлов, поднявшаяся до 436 на 1/IX 1923 г. Общее движение цен на товары представлено в следующей таблице:

Общее движение оптовых цен по Европ. России

(Цены 1913 г. приняты за 1, индексы выражены в миллионах на 1 число каждого месяца.)

Название.	VIII	IX	XI	I	III	V	VII	IX
Зерно (фураж)	5	5	8	12	18	26	65	134
Прочие раст. прод.	6	5	9	13	20	30	71	162
Животн. прод.	3	3	6	14	22	34	67	170
Прод. пищ. пром.	6	8	19	25	44	85	194	698
Все продовол.	5	5	9	14	22	33	77	182
Топливо	5	5	9	20	42	72	138	427
Черн. металлы	3	3	7	11	23	56	132	456
Цветн. металлы	0,9	1	5	11	20	51	110	352
Все металлы	2	2	7	11	22	55	128	436
Х.-б. ткани	5	6	18	39	60	134	253	792
Лен, пенька, ткань	1	2	8	12	20	37	114	439
Шерсть и ткани	3	4	13	26	40	95	240	775
Текст. сырье	3	4	13	19	32	58	168	450
Вся текст. пром.	4	5	15	30	46	101	215	692
Кожев. товар.	3	4	11	16	26	48	108	428
Хим. товар.	2	3	6	12	18	33	65	218
Строит. мат.	2	2	6	9	18	33	70	221
Бумага	4	4	9	19	38	63	120	339
Все с.-х.	5	4	8	12	19	29	68	153
Промышл.	4	4	10	19	35	68	142	463
Общ. индекс	4	4	9	15	26	44	97	275 [2])

[1]) К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 1-я, стр. 164, М. 1907 г.

[2]) „Гос. и нар. хоз. СССР“, 1923 г., стр. 500—505.

Прежде всего на протяжении данного промежутка времени отмечается большая неустойчивость цен, неравномерность их движения. Отрасли, сильно разрушенные, на изделия которых одновременно предъявлялся большой спрос, наиболее всего повысили цены своих изделий. Тов. Каменев на XIII съезде РКП представил диаграмму цен на предметы крестьянского обихода. В цифрах она выражается в следующем виде (в коп.):

1923 г.	Сапоги 1 пара.	Сукно гр. 1 арш.	Полотно 1 арш.	Сахар 1 фунт.	Ситец 1 арш.	Мыло 1 фунт.
Октябрь	1296	891	108	59	54	24
Ноябрь	1284	846	110	65	47	23
Декабрь	1273	828	102	68	46	23
Январь	1375	849	101	53	45	24
Февраль	1541	894	108	44	45	25
Март	1692	826	108	39	43	26

После многократных рассуждений, после принятых мер все же имелись предметы, которые не подчинялись регулированию государства и обнаруживали все признаки лихорадочного состояния.

Если оптовые цены легко сравнительно поддаются регулированию, благодаря доступности государственным органам, то розничная торговля ускользает от усмотрения и учета государства.

В довоенное время как самое движение шло медленно, по известным закономерностям, так и соотношения между розничными и оптовыми ценами всегда держались определенного уровня. Истекшие три года нэпа обнаруживают нередко значительное расхождение оптовых и розничных цен. Все это вполне объяснимо той тонкой прослойкой товаров, которые имеются на рынке, с одной стороны, и дороговизной и малодоступностью транспорта,—с другой, отсутствием нормально действующего торгового аппарата,—с третьей. Напр., цены сахара уже 3-й год осенью испытывают необычайно лихорадочное состояние, что вызывает большой ажиотаж около этого товара. И это совершается под носом у сахаротреста.

Беспорядочное движение цен как оптовых, так и еще больше розничных вызывает неустойчивость всех хозяйственных взаимоотношений. Трудно производить предварительные расчеты, если неизвестно, каковы будут цены на те или другие товары. Поэтому, справившись с подчинением оптовых цен государственному регулированию, Каменев считал необходимым „добиться того, чтобы нас перестала бить лихорадка в области розничных цен“ [1]).

Неравномерность движения цен показывала, что „мы, как говорил Каменев, растем, но растем не гладко“. Рост этот выражался, не-

[1]) „Тринадцатый съезд РКП“, стр. 414.

смотря на беспорядочное движение цен, в происходящей консолидации рынка. На место отдельных районных центров, весь СССР тянулся к главным промышленным центрам — Московскому району и Ленинграду.

Если объединить городскую промышленность под одну рубрику и с. х. под другую, то на общем фоне динамики цен обнаружатся процессы схождения и расхождения цен товаров этих двух отраслей народного хозяйства. Расхождение цен на промышленные и с.-х. продукты, начиная с августа 1922 г., продолжалось весь 1923 г.

По существу в диспропорции промышленных и с.-х. цен проявились общие причины роста народного хозяйства, в котором то один, то другой элемент то слишком бурно шел вперед, то немного отставал. Аппарат цен путем повышения и понижения выравнивал отстающие и чересчур бегущие отрасли народного хозяйства. Процесс выравнивания происходил стихийно с большими колебаниями, при этом, конечно, не обошлось без значительных болезней роста, вызванных организационной неурядицей и большой неувязкой отраслей народного хозяйства между собой.

Явление „ножниц"—диспропорция цен—вызвало обширную литературу, главным образом в периодической печати. В обсуждении вопроса о „ножницах" приняли участие широкие ученые круги. Два партийных съезда уделили „ножницам" большое внимание. III сессия ЦИК имела несколько обстоятельных докладов, касающихся расхождения цен. Вопросы „ножниц" волновали каждого рабочего и крестьянскую толщу населения. Теперь этот вопрос стал уже достоянием истории. Сейчас он используется как опыт для того, чтобы впредь избежать ошибок, допущенных в 1923 г.

Весь период „ножниц" характеризуется проявлением монопольной цены, т.-е. цены, как ее определяет Маркс, упирающейся только в потребность покупателей. Такая цена хотя и имеет предел, но может возрастать до чрезвычайно больших размеров.

Промышленность вступила в нэп сильно разложившейся. Значительно износились машины и станки. Отсутствовал оборотный капитал. Процесс деквалификации рабочей силы сильно увеличился за время войны. Ресурсы народного хозяйства в целом настолько были истощены, что всех промышленных предприятий нельзя было пустить в ход, а пущенные предприятия принуждены были работать не полностью. Этот факт прекрасно выражен Троцким на XII съезде партии: „Как это ни парадоксально,—говорил он,—мы страдаем не только от бедности, но и от „богатства": мы слишком тяжело вооружены для борьбы на нынешнем слабом рынке, у нас сохранилось оборудование если не на 100%, то на 75% довоенного и военного производства, а мы пользуем это оборудование на 17—20%—максимум на 25%. Между тем все национализированное оборудование мы тащим на себе".

После того в связи с процессом концентрации, нагрузка значительно увеличилась, о чем тов. Рыков сообщил следующее: „В результате тех постановлений, которые принимались президиумом ВСНХ

на протяжении последних 6—7 месяцев по вопросу о концентрации промышленности, по предварительным расчетам ВСНХ, мы имеем значительные успехи по оздоровлению различных сторон производственной деятельности. Это прежде всего увеличение нагрузки предприятий. Я ограничусь лишь отдельными примерами в этом отношении: так, до концентрации хлопчатобумажной промышленности нагрузка в процентах составляла—46,7, после концентрации—59,2 процента; в крупной льняной промышленности до концентрации — 61,93, после концентрации—81 процент; для шерстяной промышленности соответствующие цифры будут—66 процентов и 75—100 процентов; для кожевенной—69,5 и 90 процентов; для Петромаштреста—12 и 50 процентов; для Госзачугплава—30 и от 87 до 96 процентов. Этот перечень я мог бы еще значительно продолжить" [1]). Слабая нагрузка предприятий удорожала товары.

В стоимость продукта входит в большой доле стоимость сырья. Когда промышленность работала еще на старом сырье и только начала закупать на рынке новые запасы, тогда цена на сырье входила при калькуляции в стоимость товара в меньшей, сравнительно с довоенной, норме. Так, напр., в товарных рублях 1 пуд хлопка стоил: в 1913 г. 16 руб.; в 1922 г. в январе—6,25, в феврале—6,20, в марте—4,49, в апреле—4,19, и в мае—3,67 [2]).

В 1923 г. мы наблюдаем сильное возрастание цен на сырье: так как зерновые культуры за время гражданской войны вытеснили промышленно-техническую, поэтому увеличение промышленного спроса столкнулось с ограниченными запасами сырья. Кроме того, в мировом масштабе, происшедшее понижение посевных площадей, понижение урожайности промышленно-технических культур, понижение численности скота заставило повысить цены на сырье. Подъем сырьевых цен повышает цены товаров.

Вопрос с топливом разрешается аналогично сырью. Все виды топлива в России сильно вздорожали, а еще значительнее повысился тариф за перевозки топлива. В результате франко-завод различные виды топлива дают следующие изменения:

	1914 г.	1924 г.
1 пуд. каменного угля стоил франко-завод	22 коп.	52—63 коп.
1 куб. дров „ „	16—50 руб.	31—58 руб.
1 пуд. антрацита „ „	25 коп.	52—63 коп.
1 пуд. торфа „ „	17,5 „	42—45 „ [3])

При этом качество как сырья, так и топлива понизилось, вследствие чего стоимость продукта должна была сильно возрасти.

Промышленность вошла в нэп без готовых организационных форм. Прежде чем будут найдены наиболее дешевые и эластичные формы управления национализированной промышленностью, последняя про-

---

1) Рыков, „Хозяйственное положение в Сов. республике и очередные задачи экономической политики", М. 1924 г., стр. 18.

2) Проф. Исиченко, „Промышленность и рынок сбыта", стр. 19.

3) „Вопросы текстильной калькуляции и торговли", 1924 г., стр. 32.

делает еще не один этап в своем развитии. Организационное состояние промышленности первого периода нэпа очень метко охарактеризовано Троцким на XII съезде РКП; он говорил: „Наши тресты во многих отношениях похожи на наши старые партизанские „армии". Пятьсот штыков, три отряда самолетов, две радио-станции и пр. и пр. Я не говорю уже о количестве салон-вагонов и маршрутов с разными „пособниками" обоих полов. Наши тресты в значительной мере имеют еще эту партизанскую структуру не только по их вине, не только по нашей вине,—конечно, и вина тут есть,—но и потому, что оборудование, аппарат, оснастка объективно не отвечают той производственной энергии, которую они пока что могут развивать".

В ожидании момента, когда будут развернуты полностью зачисленные за трестами предприятия, тресты вынуждены были расходоваться на их содержание. Часто заводы работали с ничтожной нагрузкой, но работали, лишь бы не быть закрытыми.

Концентрация 1923 г. много сократила, многое консервировала, но, конечно, еще кое-что осталось и продолжает обременять выпускаемые товары излишними издержками производства.

Затем, самих трестов было слишком много, они изобиловали бюрократическими преувеличениями штатов, бюрократической централизацией, подавляя инициативу заводоуправлений. Постепенно соподчиненность, число трестов, сфера действий их были уточнены; тресты сокращены числом; заводоуправлениям предоставлено больше прав. Этим была внесена значительная ясность в вопрос.

В результате всех вышеприведенных соображений накладные расходы в первый период нэпа так возросли, что сделались поистине бичом нашей промышленности. Напр., накладные расходы на хлопок возросли с 8% в 1913—1914 г. до 30% в 1922 г.; на 1 пуд тканей—с 8% до 25% за те же годы; на ящик спичек накладные расходы поднялись с 20% до 52% за те же годы [1]).

Из калькуляции текстильной промышленности приводится случай, когда на пуд пряжи накладные расходы возросли с 12 коп. в 1914 г. до 1 р. 94 коп. в 1924 г., на ткань с 13 коп. до 2 р. 59 коп. за те же годы [2]).

Сюда же необходимо прибавить акцизы и налоги, в наше время превысившие довоенные нормы.

В сумме мы получаем громадное увеличение стоимости товара. Так, 1 пуд пряжи, вместо 20 руб. 59 коп. довоенных,—поднялся до 46 руб. 4 коп. в 1924 г. [3]). Провоз, вместо довоенных 43 484 руб., стоил в 1922 г. 74.089 руб., в 1923 г.—68.700 руб. Чугун на Талашнинском заводе, вместо 60 коп. в довоенное время, стоил 90 к. в 1922 г. и 68 к. в 1923 г. Армейские сапоги вместо 6 р. 52 к., стоили в 1922 г. 14 руб. 98 к. и т. д. [4]).

---

[1]) „На новых путях", вып. 4-й, стр. 575.
[2]) „К вопросу текст. калькуляции и торговли", стр. 39.
[3]) Там же, стр. 58.
[4]) „На новых путях", вып. 4-й, стр. 226, 225.

Проф. Калинников, анализируя себестоимость отдельных товаров, приходит к выводу: „Резюмируя анализ приведенных калькуляций на широкопотребительскую продукцию промышленности, нужно сказать, что главными факторами, удорожающими себестоимость промышленной продукции, являются накладные расходы и основное сырье (тоже включающее накладные расходы) и только в некоторых случаях акциз, как, напр., у соли, керосина и сахара“ [1]). К себестоимости промышленных изделий нужно прибавить еще транспортные издержки и налоги. Кржижановский считает, что „в общем средний уровень нынешних железнодорожных тарифов на 30% выше довоенных...“, но „картина роста транспортных расходов отнюдь не исчерпывается расходами по статьям непосредственных транспортных тарифов, ибо так называемые дополнительные ж.-д. сборы, разнообразные местные сборы, завоз товара на базисные склады, зачастую создающие встречное движение одних и тех же грузов,—все это является чрезвычайно удорожающим фактором“ [2]).

Налоги после Октября составляли не менее 10—12% к цене чистой продукции промышленности, против 3% в довоенное время. Налоги особенно были высоки на товары широкого потребления. Напр., к оптовой цене стекла налоговая прибавка равнялась 44,4%, к сахару—94,5%, к соли—65,5%, к керосину—62,2%, к ситцу—17,59% [3]).

Роль кредита при разрыве довоенных ценностных отношений была довольно ощутительна. Кредит был дорог и распределялся неравномерно. С. хозяйство почти не получало кредита в момент, когда оно более всего в нем нуждалось—в период хлебных заготовок. По данным Преображенского, в августе месяце 1923 г. было 70,4% общего кредита Госбанка брошено в промышленность, 9,9%—в торговлю, 0,5%—в транспорт и 8,0%—в с. хозяйство. Только после удара осеннего кризиса рычаг кредитования был повернут в сторону с. хозяйства: запоздания с хлебозаготовками имели место, в результате чего хлебные цены упали до очень низкого уровня [4]).

Характерной особенностью нашей промышленности было ее монопольное положение. Весь мир за время войны обеднел. Чтобы сравняться с довоенным уровнем потребностей, население должно было поглотить, а промышленность дать колоссальное количество товаров. Но если психологически легко создать объем необходимых потребностей, то вовсе не легко развернуть продукцию промышленности для их удовлетворения. Особенно трудно было произвести процесс развертывания разрушенной русской промышленности при большем, сравнительно с Зап. Европой, обеднении.

Но потребности вообще на рынке в счет не принимаются. Учитывается рынком только платежеспособная потребность. В СССР в

---

[1]) „Союз Потребителей“, 1923 г., №№ 13—14, стр. 30.
[2]) „Экономическое Обозрение“, 1923 г., вып. 12-й, стр. 21.
[3]) „Экономическая Жизнь“, 1923 г., 23/X.
[4]) См. „Экономическое Обозрение“, 1923 г., статьи Кржижановского, Боголепова, Крумина, а также „Биржа и рынки“, стр. 114, 115 и 122.

1922—1923 году с. хозяйство дало чистой продукции на 4.200 милл. р. при стоимости промышленных изделий в 700 милл. руб., в то время как до войны с. хозяйство давало 5.600 милл. руб. чистой продукции при стоимости промышленных изделий в 2.300 милл. руб. В довоенное время промышленная продукция относилась к с.-хозяйственной, как 2,4 : 1, а в 1922—1923 г., как 6 : 1. В результате покупательная способность крестьянского хозяйства была соответственно выше, чем могла дать по довоенным ценам промышленность.

Вместе с тем первый год нэпа привел к тому, что промышленность проторговала около 300 милл. руб. XII съезд, исходя из этого, дал директиву безубыточно вести промышленность. „Победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает" [1]). Затем ВСНХ еще 16/VII 1923 г., т.-е. перед самым кризисом, разослал приказ, где рекомендовал „в основу управления положить прибыль хозяйственной единицы, т.-е. треста, и под углом зрения прибыли направлять всю деятельность треста и оценивать деятельность правления треста" [2]). И дальше Рыков, цитировавший этот приказ, прибавляет, что „этот приказ толковался в качестве основного приказа в каждом тресте, фабрике, синдикате" [3]).

Таким образом директива правительства субъективно подталкивала к вздуванию цен. Объективно это было возможно (до известного предела) из-за несоответствия с.-хозяйственной продукции промышленной.

Наши тресты и синдикаты, управляя всей крупной промышленностью (арендованное занимает ничтожное место в общей продукции), производя меньше, чем могли поглотить по довоенным ценам потребители, оказались в монопольном положении. Так, об этом говорит Рыков: „Возможность проведения политики высоких цен обеспечивалась системой организации нашей промышленности в виде системы трестов и монопольных синдикатов. Эта система страдает двумя недостатками: во-первых, самое количество синдикатов несколько больше, чем это нужно и чем это диктуется экономическими интересами, и второе,—что эта монопольная организация синдикатов была использована не так, как это нужно, т.-е. не была использована в сторону смычки с мужиком и понижения цен" [4]).

В результате повышательной политики установилась не только безубыточность, но даже и прибыльность нашей промышленности. Громан определяет рост оборотного капитала за 1922—1923 год в 300 милл. руб., что дает 30 коп. на каждый рубль чистой продукции. Политика неумеренного залечивания расстроенной промышленности привела к кризису.

Таким образом за истекшие 3 года нэпа обнаружился бурный рост промышленности. Промышленность освободилась от постоянно перемежающихся кризисов недостатка топлива, сырья и продовольствия.

---

1) „Двенадцатый съезд РКП", 1923 г., стр. 625.
2) Рыков, „Очередные задачи эконом. политики", 1924 г., стр. 6.
3) Там же, стр. 7.
4) Рыков, „Хозяйственное положение Советской республики", стр. 24—27.

При общем подъеме промышленности обнаружились своеобразные болезни роста, в результате которых произошло общее повышение издержек производства. Постепенно оздоровляющее воздействие государственного аппарата и рынка привело к концентрации промышленности, к большей организационной слаженности. Даже политика, приведшая к кризису, имела положительную сторону в том, что промышленность при этом накопила оборотные средства, смогла дать большую нагрузку предприятиям и таким образом удешевить товары [1]).

2. Нэп и торговля

„Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтоб уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски".

Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 142.

Все недостатки промышленности, при сравнении их с условиями торговли за истекшие 3 года, кажутся мелочью. Если в промышленности имелась точка опоры—сохранившиеся предприятия, нередко с сырьем, то в торговле было пустое место. Существовавший во время „военного коммунизма" распределительный аппарат оказался непригодным для развертывания торговой деятельности во время нэпа. Потребительская кооперация хотя и увеличила число членов, но была слаба, худосочна. Местное население в ней не было заинтересовано, в нее не было втянуто. Частно-торговый аппарат был настолько сильно разбит во время революции, что лишь небольшая часть его поднялась при нэпе.

При таком положении возрождающийся торговый аппарат пришлось строить заново. Он не имел конкурентов. Не установилось еще беспрепятственного свободного довоенного обмена веществ в народном хозяйстве. В большинстве случаев торговцы оказывались монополистами. Рыков 29/XII 1923 г. докладывал, что „в настоящее время даже разносчик по деревням является монополистом, при отсутствии конкурентов может брать любые цены" [2]).

Соблазн был действительно велик, от этого соблазна не удержались государственные торговые органы и кооперация. „Колоссальная ошибка,—говорил Рыков,—кооперации и государственной торговли заключается в том, что они конкурировали с частной торговлей не в том, чтобы дешевле продать, а в том, чтобы больше нажить" [3]).

---

1) См. „Бюллетени Госплана", № 10, 1923 г.

2) Рыков, „Хоз. положение Советской республики", стр. 34.

3) Там же, стр. 33. См. затем Ив. Посошков, „Книга о скудости и богатстве". „Еже добрые товары за добрые бы и продавали и средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по достоинству товара, прямую, настоящую... и излишние бы цены не у кого за товары не то, что взять, но и не припрашивали, и не стара, ни мала, ни несмышленного не обманывали бы". Взято из „Экономического Обозрения", № 3, 1923 г., стр. 8.

В торговле сильнее, чем в производственной отрасли, оказался частный капитал. Сюда он вливался часто в микроскопических дозах. Деревня, где вся торговля в руках мелких торговцев, дает пример, как торговцы начинают с небольших оборотов. Они даже не имеют постоянного места для торговли. Их обороты настолько малы, что они принуждены „коробейничать"—ездить с базара на базар, с ярмарки на ярмарку. Деревня почти полностью находится в руках таких торговцев,—в розничной частный капитал представлен на 83%, кооперативный на 10% и государственный на 7%.

В городах частный капитал распространился меньше, чем в деревнях, но зато большими суммами. В оптовой торговле 77% находилось в руках государства, 8%—в руках кооперации и 14%—в частных руках. Степень распространения частного капитала в оптово-розничной равняется 50,4%, кооперативного—10,7% и государственного—38,9% [1]). Степень распространения всех этих видов капитала по районам представлена в следующей таблице:

Розничные торговые предприятия
(В процентах.)

Названия.	Государств.	Кооперативн.	Частные.
Приозерный	6,3	12,5	81,2
М.-Промышл.	5,3	9,4	85,3
Ц.-Землед.	4,3	6,4	88,7
Зап.-Сибир.	4,3	5,3	90,4
Приуральск.	3,0	6,9	90,1
Украинск.	2,7	4,4	92,9
Ср.-Волжск.	2,2	3,5	94,3
Западный	1,9	3,4	94,7
Туркестан	0,7	0,9	98,4 [2])

В благоприятной атмосфере для наживы торговля развернула все возможности, чтобы усилить процессы накопления. „Если,—говорит Кржижановский,—по отношению к промышленности 1922 и 1923 календарные годы могут быть названы годами накопления государственных фондов, то совершенно не так дело обстоит с накоплением торгового капитала. Здесь эти годы могут быть названы, без излишних оговорок, годами первоначального, подлинно капиталистического, накопления" [3]).

Накопление выразилось по подсчетам Громана в 300 милл. руб., по подсчетам Преображенского, частный капитал отхватил за 1922—1923 г. до 600 милл. руб. золотом всего; из этой суммы чистой прибыли осталось у торговцев 200—300 милл. руб. [4]).

Во что это выливалось практически, видно из примеров, которыми пестрела периодическая печать весь 1923 г. и начало 1924 г., а также и специальные исследования торговли всех видов. Мы здесь приведем только некоторые примеры, необходимые для иллюстрации высказанных положений.

---

1) „Тринадцатый съезд РКП", стр. 404.
2) „Биржа и рынки", 1924 г., Москва, стр. 30.
3) „Экономическое Обозрение", 1923 г., вып. 12-й, стр. 24.
4) Рыков, „Хоз. положение", стр. 33.

По данным Статистико-экономической секции Госплана разница между оптовыми и розничными ценами в Москве в довоенное время составляла 21%, а в 1923 г. для промышленных товаров равнялась 51,3%, а для с.-х. товаров—38,3%. Калинников приводит пример нарастания цен при продвижении товара от завода к потребителю:

Для ситца	цена вырастает с	18	к. до	— р. 38	коп., на	117%
„ стекла	„ „	41—75	„ „	74 „ —	„ „	75 „
„ соли	„ „	13,5	„ „	2 „ 26	„ „	1.570 „
„ сахара	„ „	3 р. 45	„ „	11 „ 26	„ „	225 „
„ керосина	„ „	39	„ „	2 „ 19	„ „	464 „ [1]

Как пример гипертрофированных барышей, можно привести пример Дейчмана, ставший всероссийской известностью. Пример этот очень прост. Спички, выходя из завода, расценивались в 100%, пройдя трест и синдикат, те же спички расценивались в 195%. Из Центросоюза спички выходят с ценой в 207%, из Ростовского отделения—в 215%, из Донсоюза—в 313,%, из Миллеровского отделения—в 407%, из Чертковского пункта—в 455% и, наконец, в деревенском ЕПО цена повышается до 527%.

Ответ, появившийся на брошюру Дейчмана в „Союзе Потребителей", сводился вовсе не к отрицанию семи смертных грехов, взведенных на потребительскую кооперацию за ее торговую практику. Ответ указывал лишь на ненормальную обстановку, в которой приходится работать кооперации. „Ясно,—говорит автор ответной статьи,—что при такой общей экономической атмосфере, не зависящей не только от сельской кооперации, но и от всей кооперативной системы в целом, нельзя серьезно говорить о значительном сокращении накидок на товары и накладных расходов и вообще о введении планомерного начала в торговую работу деревенской кооперации [2]).

И далее говорится, что до проведения общей оздоровительной торговой политики в кооперативной практике по всей России наблюдались подобные случаи. На известный период, следовательно, огромный процент надбавок к цене являлся общим для всей торговой практики.

Наблюдалось также неоднократно, что государственная и кооперативная торговля продавала по более высоким ценам, чем частная. Еще от 10/III 1924 г. в „Экономической Жизни" приведены материалы КТА по обследованию торговых предприятий, захвативших громадный район СССР. Оказалось, что госмагазины торгуют дешево только те, которые связаны непосредственно с производством. Госмагазины посреднические, вроде ГУМа, торгуют дороже частных и кооперативных магазинов. Кооперация торгует часто также дороже частного торговца. До изменения торговой политики после кризиса органами, повышающими цены, были государственные и кооператив-

---

[1]) „Бюллетени Госплана", № 10, 1923 г., стр. 24. См. также „Союз Потребителей", № 13—14.

[2]) „Союз Потребителей", 1924 г., № 3, стр. 14.

ные магазины. Частный торговец продавал немного дешевле, чтобы привлечь больше покупателей [1]).

Как одно из звеньев обращения общественного капитала, как составная часть процесса воспроизводства, торговля сыграла плохую роль в разрыве с.-хозяйственных и промышленных цен. Торговля, подобно клину, вошла в образовавшуюся щель между промышленностью и с. хозяйством. Насколько была серьезна щель, известно по знаменитым „ножницам", с легкой руки Троцкого. Мы приводим здесь таблицу диспропорционального движения цен по последним данным.

Довоенный уровень принят за 100

1922 г.	Промышленные.		Сельскохозяйственные.	
	Оптовые.	Розничные.	Оптовые.	Розничные.
Август	92	100	112	92
Сентябрь	102	112	97	94
Октябрь	110	123	88	89
Ноябрь	117	136	82	83
Декабрь	116	133	82	84
1923 г.				
Январь	122	139	77	81
Февраль	126	139	74	81
Март	128	146	72	78
Апрель	136	146	67	76
Май	145	150	61	73
Июнь	145	156	61	72
Июль	142	158	63	69
Август	153	165	56	66
Сентябрь	167	179	50	58
Октябрь	171	187	49	64
Ноябрь	159	175	54	70
Декабрь	142	163	62	77
1924 г.				
Январь	134	141	68	83
Февраль	122	131	77	85
Март	115	127	83	90
Апрель	116	118	82	— [2])

На этом расхождении цен все бесспорно убедились, что завет тов. Ленина: учиться торговать,—не простая фраза. Неумение торговать сыграло не последнюю роль, чтобы не сказать первую, в расщеплении союза рабочего класса и крестьянства.

Обозревая положение крупной промышленности, национализированной на 100%, Ленин видел, что слабым местом в поступательном развитии социалистического хозяйства была торговля. „Торговля—вот то звено,—писал Ленин,—в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской власти, нам, руково-

---

[1]) См. об этом богатый материал, приведенный на XIII съезде Андреевым.
[2]) „Тринадцатый съезд РКП", стр. 396.

дящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всею цепью в ближайшее будущее овладеем наверняка" [1]). В другом месте Ленин, с другой точки зрения обсуждая вопрос торговли, говорит: „Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды, надо поставить дело так, чтобы каждый трудящийся прибавлял свои силы к укреплению рабоче-крестьянского государства. Только тогда может быть создана крупная промышленность [2]).

Размычка крестьянской и городской продукции заставила принять все меры, чтобы сблизить лезвея „ножниц". Все внимание СССР было обращено на расхождение цен. „Снижение цен, умение найти дорогу к крестьянину,—говорил Каменев на II съезде Советов,—и к крестьянскому рынку есть единственный способ укрепить смычку с крестьянином и развивать промышленность" [3]).

Организация Наркомата по внутренней торговле, решительная политика снижения цен почти ликвидировали опасную изоляцию городской промышленности от деревни [4]).

ГЛАВА IV

1. Сельское хозяйство и диспропорция цен

Промышленным изделиям с их высокими ценами противостоит с. хозяйство со своими продуктами, на которые держались низкие цены. Обе эти отрасли связаны с торговлей, которая поглощает значительную часть ценностей как промышленного продукта, так и с. хозяйства, являясь занятием, как говорит Маркс, непроизводительным. Торговля во вред роста производительных сил раздувала свои расходы до невиданных размеров.

---

1) „Тринадцатый съезд РКП", стр. 383.

2) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 380.

3) Каменев, „Доклад правительства II съезду Советов СССР", 1924 г., стр. 55.

4) Рыков так описывает этапы, пройденные торговлей: „Узел новой экономической политики, конечно, заключается в торговле. Я не могу скрыть и того, что именно эта отрасль нашей деятельности одна из основных, наиболее ответственных, в которой приходится прежде всего искать разницу между новой и старой экономической политикой, именно она в значительной степени отставала. Это произошло потому, что понадобился сравнительно большой срок, чтобы убедить людей в том, что торговля есть тоже специальность. Первый период новой экономической политики мы прожили под впечатлением, что торговать могут все и всем... Конечно, это была величайшая ошибка с производственной точки зрения. Но это обозначает тоже, что к торговле не относились с достаточной серьезностью. Это одна из ответственнейших отраслей народного хозяйства, которая требует специальных знаний, которая требует также детализации и специализации, как наша фабрично-заводская и экономическая деятельность. Эти детские болезни в торговой деятельности товарного обращения—они или изжиты, или изживаются". „Биржа и рынки", 1924 г., М., стр. 1.

Что может значить для с. хозяйства установившаяся диспропорция цен—„ножницы"?

Задача с. хозяйства вообще, а после революции в особенности заключается в повышении производительных сил. Последний процесс выражается в усилении интенсификации, а после социальной революции еще в процессе коллективизации. „Организуем ли мы,—говорил Ленин,—мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты,—от этого зависит исход борьбы" [1]). Организовать крестьянское хозяйство мы можем только на фоне роста производительных сил. Ленин неоднократно подчеркивал, что коллективизация возможна лишь на основе машинизации с. хозяйства, на основе установления тесной связи с. хозяйства с промышленностью. В стране, где крестьянская масса составляет подавляющее большинство, „роль пролетариата заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно" [2]). Но этот переход немыслим без создания опоры в нашей промышленности.

Наша промышленность была настолько разрушена, что не могла представлять серьезной опоры росту с. хозяйства. Чтобы оздоровить промышленность, потребовался переход к нэпу, где, благодаря рыночной стихии, с. хозяйство могло подняться до известной ступени не столько за счет продукции промышленности, сколько за счет реализации старых запасов.

После того на „крестьянских дрожжах" оправилась и стала расти промышленность; поток товаров из города в деревню стал постепенно увеличиваться. Связи росли и крепли.

Одновременно с ростом связей стали повышаться цены промышленных изделий, приведшие к кризису осенью 1923 г. Опять смычка города с деревней, начало которой положено было с объявлением нэпа, поставлена была под удар. Промышленность понизила поток товаров в деревню посредством изменения цен, в то время как деревня увеличила количество продуктов, посылаемых в город.

П. И. Попов определяет платежепокупательную силу с. хозяйства в 1922—1923 г. в 1.462 милл. руб. За уплатой налога 484 милл. руб. оно могло приобрести на 978 милл. руб. товаров от городской промышленности [3]).

Благодаря „ножницам" деревня получила, вместо 978 милл. руб., по довоенному ценностному соотношению, лишь на 702 милл. руб. А так как двойная валюта падала значительной тяжестью на деревню, то деревня из-за этого потеряла еще дополнительно, по определению Попова, 27 %. В результате деревня по довоенному уровню цен по-

---

1) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 377.
2) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 118.
3) П. И. Попов. „Сельское хозяйство Союза республик", М. 1924 г., стр. 41; См. также Струмилин, „Емкость нашего рынка", 1924 г., стр. 30; Литошенко, „Крестьянский бюджет 1922—1923 г., изд. ЦСУ, стр. 53 и след.; „Союз Потребителей", 1923 г., №№ 1—2, стр. 7—12.

лучила продуктов промышленности на 504 милл. руб., вместо 978 милл. руб. Каменев определял потерю деревни от „ножниц" полумиллиардом рублей приблизительно [1]).

Во что такие ценностные сдвиги выливались, видно из бесчисленных иллюстраций „ножниц", из которых мы проводим немногие.

Вот одна из иллюстраций.

В обмен за 40 фунт. ржи можно получить промышленных товаров по оптовым ценам в потребляющей полосе

Названия.	Довоенн. соотнош.	1923 год. I.	IV.	VI.	X.	XII.	Средн. за год.	1924 год. I.	II.	III.
Соль	127	38	35	33	25	35	30	45	55	60
Сах. песок	7	3	3	2	2	3	2	3	4	4
Керосин	21	17	17	17	13	17	15	21	26	29
Жел. крас.	15	10	6	6	3	4	6	5	7	7
Гвозди	10	9	6	4	3	4	5	4	5	6
Ситец	7	2	2	2	1	2	2	2	2	3
В производящей полосе.										
Соль	127	33	24	19	13	24	21	34	43	48
Сах. песок	7	3	2	1	1	2	2	2	3	3
Керосин	21	13	9	9	7	10	9	13	22	20
Жел. крас.	15	7	4	3	2	4	4	3	5	5
Гвозди	10	5	4	2	1	3	3	3	5	5
Ситец	7	1	1	1	0,9	1	1	1	2	3 [2])

Вместо 127 фунт. соли, 40 фунт. ржаной муки покупали только 25 фунт. в октябре 1923 г. Гвоздей вместо 10 фунт.—3 фунт., ситца вместо 7 арш.—1,9 арш. Еще резче понизилась эквивалентность хлебов в производящей полосе. Вместо 129 фунт. соли покупали только 13 фунт., вместо 7 арш. ситца—0,9 арш. и т. д. При обмене хлеба на с.-х. машины проф. Калинников дает следующую таблицу:

Название.	Довоенн. цена (в рубл.).	Соврем. цена (в рубл.).	До войны (в пудах ржи).	Теперь (в пудах ржи).
1 плуг	6	11	10	36
1 веялка	40	84	60—70	200—280
1 сенокосилка	125	245	208	816
1 п. железа	2	8	3,5	26
1 п. сапог	5—7	25—75	8—12	83—250 [3])

Получается расхождение от 3 до 10 раз. Басня Демьяна Бедного о 80-пудовых сапогах оказывается преуменьшенной. Фактически сапоги доходили до 250 пуд. за пару.

Насколько была мала продажная цена хлеба непосредственно на розничном рынке при скупке хлеба у производителей-крестьян, показывает следующая таблица:

---

[1]) „Тринадцатый съезд РКП", стр. 395.
[2]) „Союз Потребителей", 1924 г., № 4, стр. 21.
[3]) „Бюллетени Госплана", вып. 10-й, 1923 г., стр. 88.

Рожь

Названия.	1923 г.о.д. IX.	X.	XI.	XII.
Запад. и черноз.	35	36	41	45
Волжск. губ.	32	36	38	41
Юго-Восток	23	34	35	37
Украина	22	26	34	43
Пшеница.				
Волжск. губ.	64	65	64	78
Юго-Восток	36	58	66	72
Украина	32	45	65	79
Овес.				
Запад. и черноз.	28	29	35	41
Волжск. губ.	37	26	33	37
Ячмень.				
Волжск. губ.	19	21	24	36
Юго-Восток	19	31	34	38
Украина	17	25	35	46 [1]

Эти цифры получились, как результат статистической стилизации. В отдельных случаях цены хлеба спускались даже до 15 коп.

Такая катастрофически низкая цена хлеба была бы еще не так плоха, если бы она доходила до потребителя и вызывала бы приток промышленных изделий по соответственно пониженным ценам. В нашей практике наблюдалось противоположное. Низкая цена хлеба при дальнейшем движении обрастала накладными расходами, как снежный ком. Потребитель получал в лучшем случае утроенную цену.

Накладные расходы при торговле хлебом с заграницей также достигали небывалых размеров, что показывает следующая таблица:

Рентабельность экспорта ржи

(Из черноземных и волжских губ. к балтийским портам.)

Названия. 1923 г.	Цена франко-ст., загот. цена + содер. загаппарата.	Ж.-д. порт. расходы.	Фрахт. комис. страх. контр. кредит.	Всего.	Себестоим.	Цена на загр. рынках.	Разница-прибыль. Содержан. централ-пар. и непред. расх.
Сентябрь	40	39	17	56	96	116	19
Октябрь	42	39	18	58	100	112	12
Ноябрь	45	39	20	59	104	119	14
Декабрь	49	37	20	58	107	123	15

(Из Украины и Юго-Востока к черноморским портам.)

1923 г.							
Сентябрь	28	36	20	56	84	116	31
Октябрь	33	36	20	56	89	112	22
Ноябрь	40	36	21	57	97	119	21
Декабрь	48	34	21	56	104	123	18 [2]

[1] „Экономическое Обозрение", вып. 4-й, 1924 г., стр. 33.
[2] Там же, стр. 37.

Приблизительно такое же соотношение накладных расходов отмечается при экспорте пшеницы. Торговые организации были необычайно прожорливы. Они поглощали более того, сколько платится за хлеб на месте у крестьян. Благоприятная конъюнктура мирового рынка не чувствуется крестьянином. При таком состоянии накладных расходов Красин считал возможным, чтобы безубыточно торговать, платить за рожь—21 коп. за пуд. Повышение этой цены принесет убыток хлеботорговым организациям. Впоследствии, правда, расходы понизились на 20 коп., и Красин с удовлетворением сообщал, что теперь можно платить по 41—45 коп. за пуд. [1]).

Особенностью нашего с. хозяйства является то, что вся посевная площадь распылена на 18 милл. крестьянских хозяйств. Сумма в 504 милл. руб. ценностей, приобретенных деревней, распыляется по этим распыленным хозяйствам. При этом деревня сейчас имеет поступление, главным образом, от земледелия. Так, напр., из 100 руб. валового дохода получают.

Группы.	От сельск. хоз.	От личн. заработ.	Проч.	Итого.	Всего валового дохода: на 1 хоз.	на 1 душ.
Маломощн.	82	9	7	100	425	75
Средние	85	9	5	100	721	94
Зажиточн. Богатые	92	4	3	100	1.124	112
Итого	85	8	6	100	571	86 [2])

Значение промысловости сильно пало. В процентах рабочее время, затраченное на промысла, равнялось в Московской губ. в довоенное время 28%, а в 1922—1923 г.—5%, в Пензенской, вместо 25%,—3%, в Вологодской, вместо 21% — 7%. Иначе говоря, в наше время крестьянин может получить доход только за счет реализации с.-х. продуктов, в том числе, главным образом, за счет зерновых продуктов, так как скотоводство пало и не поднялось настолько, чтобы дать значительный доход крестьянскому хозяйству.

Неблагоприятная конъюнктура для с. хозяйства, мелкость хозяйств дают незначительные суммы доходов на хозяйство, поэтому хозяйственные расходы также занимают ничтожное место. Так, напр.:

Названия.	Отчуждено на хов. на сумму руб.	Приобретено на 1 хоз. Всего.	В том числе продуктов промышленн.
Маломощн.	55	77	25
Среднее	94	108	35
Зажиточное и богатое	184	171	70
Итого	78	94	32 [3])

[1]) „Соц. Хозяйство“, 1923 г., №№ 6–8, стр. 88; см. „Продовольствие и революция“, 1923 г., №№ 7—12, стр. 58 и след.

[2]) Хрящева, „Группы и классы в крестьянстве“, 1924 г., стр. 71.

[3]) Там же, стр. 73.

Так как маломощное составляло 62,7% всего крестьянского населения, а среднее—23,1%, зажиточное и богатое—14,2%, то вполне понятно, что для покупок влияние мелких хозяйств оказывается значительным.

Раз хозяйство тратит всего 25 руб. на промышленные изделия, то трудно предполагать, что оно может купить машины. Во-первых, потому, что они дороги, во-вторых, потому, что на-ряду с хозяйственными нуждами имеются не менее настоятельные потребности потребительского характера.

Совершенно не приходится говорить при этом о массовой покупке минеральных удобрений, улучшенных семян и т. д. Ничтожность дохода оставляет постоянно хозяйство без оборотных средств. Стесненные в средствах хозяйства принуждены прибегать к ростовщическим займам. Ростовщические проценты достигают громадных размеров, тем самым подрывая еще сильнее основы мелкого хозяйства.

На XII съезде РКП Троцкий отмечал слабость обмена между городом и деревней,—обмена, который носил по преимуществу потребительский характер. „Обращаю тут же ваше внимание—говорил Троцкий,—на факт чрезвычайной важности: товарный оборот между городом и деревней за истекший год имел, главным образом, потребительский характер, т.-е. город получал от деревни предметы личного питания, а крестьянин в свою очередь получал от города, главным образом, предметы личного потребления или домашнего обихода“ [1].

Если промышленность за 1923 г. изменила характер спроса на с.-х. продукты, то спрос с. хозяйства до момента понижения цен на с.-х. машины и орудия в начале 1924 г. оставался по преимуществу потребительским. Создалось положение, при котором машины лежали на складах, а крестьянин пахал сохой, сеял нестсортированным зерном, молотил цепом и т. д.

Насколько трудно было крестьянину купить плуг, борону, а тем более жнейку, молотилку и другие более сложные машины, показывает льготная продажа Последгола, когда, несмотря на значительные льготы, склады оставались переполненные машинами [2]. В кооперативных организациях выдвигались предложения о кооперативной закупке самых элементарных машин, чтобы преодолеть их высокую цену. Но все это делу не помогло [3]. Только правительственное понижение цен на с.-х. машины, а затем встречное повышение цен на хлеб всколыхнуло крестьянские низы. Вместо залежей машин на складах, их не стало хватать. В народном хозяйстве рассосались вреднейшие залежи.

В общем процессе развития с. хозяйства расхождение цен, имевшее место, действовало безусловно понижающе. Процессы интенсификации замедлялись, так как нормальный процесс воспроизводства

---

[1] „Двенадцатый съезд РКП“, стр. 85.
[2] „Эконом. Обозрение“, 1923 г., вып. 9-й, стр. 29.
[3] „Союз Потребителей“, 1924 г., № 4, стр. 26.

в с. хозяйстве требует нормального притока восстановительных элементов от промышленности. Если этого нет, то молекулярные процессы медленно, на первый раз незаметно, будут накапливать отрицательные силы в с. хозяйстве. Так, за время войны империалистической и гражданской СССР незаметно обзавелся грызунами, саранчой и прочими вредителями без счета.

Интенсивное хозяйство, кроме всего прочего, требует устойчивых эквивалентных отношений. Понижение эквивалентности при интенсивном ведении хозяйства немедленно разрушает его. Прекрасным примером в данном вопросе может служить Англия, где интенсивнейшее полеводство было вытеснено лугами во время аграрного кризиса 70-х г.г.

Интенсивное хозяйство предполагает наличие свободных оборотных средств, связанных с существованием дешевого и удобного кредита. Понижение цен на хлеб уменьшает наличие оборотных средств и кредитоспособность сельского хозяина.

Отсюда мы твердо можем установить, что длительное понижение цен на с.-х. продукты влечет за собой экстенсификацию с. хозяйства, даже забрасывание хозяйств, как это имело место в послевоенный кризис в Соед. Штатах [1]).

Диспропорция цен в наших условиях замедлила восстановительные процессы в с. хозяйстве; это обстоятельство, однако, не поддается учету.

С. хозяйство дошло во время голода до чрезвычайно низкой ступени. Оно не покрывало обычной нормы продовольствия. Питание населения, по Лосицкому, за годы 1920—1921 и даже 1922 г. было значительно ниже довоенного. Голодный год просто разорил громадный земледельческий район. Поэтому наблюдающиеся сейчас процессы роста с. хозяйства являются просто распрямлением крестьянских сил, свернувшихся во время войны и революции.

Затем самая размычка цен все же не отменила рынка. Крестьянин усилил покупки потребительского характера, укрепляя тем самым рыночность своего хозяйства. Если сравнить приток товаров к городской промышленности в деревню за время „военного коммунизма“ и за первые годы нэпа, то 1923 г., несмотря на высоту промышленных цен, дал увеличение товарооборота. Общего роста хозяйства эта диспропорция цен в с. хозяйстве не остановила.

Влияние этой диспропорции могло бы сказаться потом, так как процесс вытеснения сохами плугов, благодаря ей, усилился. Но дешевая распродажа машин в начале 1924 г. могла парализовать вредное влияние. Затем низкие цены на зерновые продукты корректировались сильно повысившимися ценами на промышленное сырье, вследствие чего сдвиги в с. хозяйстве в сторону интенсификации усилились. Эта положительная сторона не должна упускаться из виду при рассмотрении влияния смычки.

---

[1]) Покупательная способность американского земледелия, по вычислениям Вашингтонского департамента земледелия, испытало следующие изменения: 1913 г.—100 1920 г.—86, 1921 г.—67, 1922 г.—64—75. „Экономическая Жизнь“, 1923 г., 4/XI

Совсем не было бы плохо, если бы наша промышленность из-за дешевого хлеба накопила необходимые ей оборотные средства в большем количестве, чем это имело место до сих пор. Тогда бы она смогла скорее наладить массовое производство, удешевить таким образом товары и тем самым повысить эквивалентность земледельческих продуктов при низких ценах на них. Можно считать слабую емкость с.-х. рынка происходящей как от низких с.-х. цен, так и от высоких цен на промышленные изделия; если бы последнего не было, то вся диспропорция цен не носила бы такого тяжелого характера для с. хозяйства. Для последнего важна высокая эквивалентность продуктов.

Наше хозяйство имело до сих пор так много паразитических посредников, которые так много поглощали из общего национального дохода, что промышленности, как таковой, перепадает совсем незначительная часть доходов.

Посредническое звено обросло таким большим количеством ненужных маленьких звеньев, что, затрудняя оборот, они крайне удорожают его [1]).

В общем мы должны признать, что диспропорция цен при необычайно высоких накладных и всяких посреднических расходах должна задержать рост с. хозяйства в целом не на один, а на целый ряд лет.

ГЛАВА V

1. Условия развития сельского хозяйства при нэпе

„На почве этой новой экономической политики явно наметился общий хозяйственный подъем: несомненно поднимается сельское хозяйство; растет государственная промышленность, и увеличивается ее концентрация; постепенно поднимается заработная плата, и достигаются известные успехи в поднятии производительности труда".

„Из резолюции XIII съезда РКП".

Октябрьская революция смела власть помещиков, омыла деревню живой водой. Вся социально-экономическая система была разломана, и на ее место установилась новая система, более прогрессивная, вполне отвечающая росту производительных сил. „Всякая настоящая революция,—говорит Энгельс,—есть революция социальная, так как она передает власть в руки нового класса и доставляет ему возможность перестроить общество по образу и подобию своему" [2]).

---

[1]) „С большим трудом мы изжили хищническое посредничество частных лиц в торговле между госорганами". „Рынок и биржа", стр. 2.

[2]) Фридрих Энгельс, „Статьи 1871—1875 г.г.", Ленинград 1919 г., стр. 62.

Наша Октябрьская революция—великая революция потому, что она смела помещика со всеми его крепостническими остатками. Насколько последние были значительны экономически, видно из приведенных нами данных о миллиардных ссудах для помещиков за счет развития производительных сил деревни.

Вся система крепостнических отношений уподоблялась тормозу для развития с. хозяйства. Этот тормоз умерял в сильнейшей степени влияние промышленного развития на земледелие. Именно о такой системе писал Маркс: „Россия же напоминает нам скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка, или, вернее, фасад общественного здания (хотя все же имевший под собой гораздо более прочный фундамент, чем в России), представляет собой что-то вроде сатиры на отсталое, неподвижное состояние главной отрасли производства (земледелия) и на голодание производителей" [1]).

Чтобы контактировать поступательный ход промышленности с развитием с. хозяйства и первую базировать на втором, необходима была очистка России от сети полуфеодальных отношений. Только эта очистка гарантировала смычку городской промышленности с с. хозяйством и облегчала развитие последнего. Поэтому Ленин и писал: „Мы не смотрим так, что крестьяне имеют мало земли и им надо земли побольше. Это ходячий взгляд. Мы говорим, что помещичье землевладение есть основа гнета, который душит крестьян и делает его отсталым. Дело не в том, мало у крестьян земли, или нет. Долой крепостничество!—вот постановка вопроса с точки зрения революционной классовой борьбы, а не тех чиновников, которые рассуждают, сколько земли у них, и по каким нормам ее нужно разверстать".

Следовательно, первое необходимое условие развития производительных сил в с. хозяйстве есть освобождение от пут, тормозов и вообще от крепостнической кабалы. Земля должна быть разгорожена; и Октябрь разгородил ее, очистил и освободил. А. И. Чупров, наблюдая всякие препятствия, стоявшие на пути развития русского народа, считал их настолько сильными и затрудняющими развитие сельского хозяйства и вместе с тем настолько способным и трудолюбивым крестьянство, что, по его мнению, „десять лет свободы и разумной работы без помех сделают Россию просвещенной, богатой и довольной" [2]). Такая пора настала после революции.

После переворота, а особенно с объявлением нэпа, к приведенной постановке вопроса необходимо все же причислить те непосредственные выгоды, которые получили крестьяне, в виде дележа помещичьих усадеб и земель. С точки зрения развития производительности земледельческого труда это имеет немалое значение. Цифры мы уже приводили по этому вопросу, сейчас необходимо лишь отметить, что крестьяне прирезали лучшую по качеству землю, а местами

---

1) „Письма К. Маркса к Николай—ону", Ленинград 1908 г., стр. 24.
2) А. И. Чупров, „Крестьянский вопрос", М. 1909 г., стр. 106.

и по расположению. Дележ инвентаря, живого и мертвого, частновладельческих посевов—все это усилило основания, на которых может подняться и поднимается крестьянское хозяйство.

Освобождение земли и передача значительной части ее в распоряжение крестьян является залогом небывало быстрого развития народного хозяйства в СССР. Исторические параллели не менее теоретических соображений доказывают нам это неоспоримо. В самом деле, Великая французская революция освободила крестьян от феодальной кабалы и тем самым дала почву для быстрейшего развития народного хозяйства Франции, несмотря на громадные затруднения, которые последняя пережила в революционный период.

Такой же пример представляют С.-А. С. Штаты после гражданской войны Севера с Югом.

2. Окрестьянивание промышленности

„Давно уже созрело убеждение, что в настоящее время никакая страна не может занять приличествующего ей места в кругу цивилизованных наций, если она не обладает промышленными машинами, приводимыми в движение паровой силой, и если она неспособна удовлетворять сама, по крайней мере, в очень значительной степени—всем своим нуждам по части мануфактурных товаров".

Энгельс, „Письма".

Указание Маркса на то, что картина России представляла сатиру на развитие промышленности в условиях отсталого земледелия, было верно в предвоенное время. Характерной чертой нашей молодой промышленности являлось то, что она из французских, бельгийских, немецких и др. иностранных банков принесла империалистические вожделения. Благодаря этому мы наблюдали в России, стране голодной, с рынком колоссальной емкости, и бросовый экспорт (сахар 5 коп. на внешнем рынке при цене 15 коп. на внутреннем) и империалистическое продвижение на Дальнем и Ближнем Востоке.

Внутренний рынок считался вторым делом. Развитие покупательной силы крестьянского населения считалось политикой недостойной деловых промышленных людей. Еще в 1915 г. Совет съездов промышленников в докладной записке о развитии производительных сил считал, что базировать развитие металлургии и металлообрабатывающей промышленности на потребностях с. хозяйства—все равно, что строить их на песке. Неумеренная и нерациональная, в смысле развития с. хозяйства, таможенная политика дореволюционного правительства дополняла невязку промышленности с крестьянским рынком.

В результате промышленность шла своим путем, с. хозяйство своим, мало трогая друг друга. Октябрьская революция внесла решительное изменение политики в этом вопросе. Ленин на XI съезде

РКП говорил: „Надо помнить, что основная, решающая, все себе остальное подчиняющая задача новой экономической политики, это— установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, в которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить“ [1]). Советское правительство стремилось в меру возможностей завещание, оставленное Лениным, воплотить в жизнь. Крестьянская экономика превратилась из гонимой в дореволюционное время в именинницу в революционное время.

Социализм без крупной промышленности создать нельзя, а крупную промышленность в СССР нельзя серьезно строить, не опираясь на крестьянский рынок. С другой стороны, с. хозяйство без развития промышленности не может прогрессировать. Отсюда особенно настоятельно важно развитие промышленности и именно в согласии с крестьянским рынком. „Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем“ [2]).

Смычка нашей госпромышленности и с. хозяйства выглядывает из всех производственных планов и правительственных заданий. Съезды Советов и съезды РКП этому вопросу уделяют центральное место. „Не только наблюдение за хлебными ценами,—говорит Каменев,— и регулирование их, но также наблюдение за продолжением промышленностью линии приспособления к крестьянскому рынку на почве расширения производства являются очередными задачами“ [3]).

Приспособление промышленности к крестьянскому рынку при нашей бедности не достигло еще достаточных размеров, достаточных для того, чтобы революционизировать технику с. хозяйства, а вместе с ней и быт крестьянства. Однако условия для этого движения имеются налицо.

Государственное обладание промышленностью дает возможность, благодаря рациональной концентрации, притти к массовому производству на отдельных гигантах-предприятиях товаров, нужных для деревни.

Для того, чтобы следить за состоянием смычки промышленности и с. хозяйства, создан специальный барометр—набор крестьянских товаров.

Благодаря энергии, направляемой на оздоровление промышленности вообще, мы на этом пути не только изжили невиданно быстро кризисы топлива, сырья и транспорта, но докатились до кризиса перепроизводства. Промышленность с каждым месяцем удешевляет свою

---

1) Ленин, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 28.
2) Там же, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 29—30.
3) „Тринадцатый съезд РКП“, стр. 399.

продукцию, приспособляет ассортимент товаров к крестьянскому и рабочему рынку. В этом по существу основа смычки, а впоследствии—фундамент для построения социалистического общества.

Во время кризиса было произведено массовое снижение цен на товары. Этим самым крестьянству практически была доказана ориентация Соввласти на деревенский рынок. Ленин неоднократно говорил, что „надо сделать так, чтобы простому, рядовому, трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения—бывали, несомненно, улучшения и очень крупные—был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет".

В общем снижении цен особенно было важно снижение цен на с.-х. машины, так как оно дало возможность улучшить земледелие. Сов. правительство заинтересовано в росте с. хозяйства, а рост его возможен лишь при снабжении его машинами [1]).

Для поднятия производительных сил используются все возможные средства, в том числе и электрификация. При наших материально-технических ресурсах электрификация пока не развернулась в должном темпе. Но постройка таких гигантов, как Волховстрой, показывает, что начала социализма неукоснительно продвигаются вперед в нашей стране.

В электрической энергии заложены наиболее широкие возможности переустройства деревенских социальных отношений. Эта энергия вливается в дремлющие силы деревни, как живительный элексир. Темп роста промышленности, проявление хозяйственной самодеятельности населения обеспечивают врастание электрической энергии в деревню. „Пожарное дело, деревенская мельница, деревенский водопровод,—вот первые потребители мелких электродвигателей; параллельно росту сознательности деревни, возрастающему значению показательных хозяйств, постепенно будет вводиться в разных сферах с. хозяйства все большее количество электромоторов. Общественные молотилки, веялки, сортировки, крупорушки, сенной пресс, резалки соломы и корнеплодов и, наконец, общественный электрический плуг и электрификация подъездных путей,—во всех этих областях электрификация даст такой сдвиг с.-х отношений, которые в настоящее время даже трудно предрешать. Таким образом будет под-

---

1) А. И. Чупров, „Крестьянский вопрос", М. 1909 г. стр. 80—90. „У сельского населения нет капитала для правильного хозяйствования. Крестьянину не на что завести достаточного количества скота, порядочных орудий, очищенных семян и т. д. Для борьбы против неурожаев необходимо было бы в одном месте провести воду или устроить запруду, в другом—перейти к глубокой вспашке, в третьем—переменить систему хозяйства и род возделываемых растений, в четвертом—вздобрить почву прибавкой искусственных туков. Крестьянин во многих случаях превосходно понимает значение упомянутых мер... Но для всех подобных улучшений нужны средства",

веден решающий технико-экономический базис для перехода деревни к обобществленному производству, к наиболее безболезненной ликвидации деревенских индивидуалистических навыков" [1]).

До сих пор рост нашего хозяйства происходил без иностранной помощи. Развитие могло бы сильно ускориться, если бы в наше хозяйство был влит иностранный капитал. Это соображение делает пользу импорта иностранного капитала бесспорным. У нас сейчас числится около миллиона безработных, при чем с увеличением количества занятых рабочих растет число безработных, что указывает на наличность колоссальной, скрытой армии безработных в деревне.

Промысловость деревенского населения пала, промышленность не поглощает того количества рабочих, которое она поглощала до войны. С. хозяйство тоже почти прекратило наем рабочих в больших количествах, с отходом на сторону. Существует только местный, незначительный спрос. Уменьшенное земледелие требует меньшего количества рабочих рук. В силу этого деревня представляет сейчас резервуар в несколько миллионов рабочих, которые при первой возможности пойдут на фабрики и заводы, в копи и рудники.

Производительное занятие этих миллионов даст сильнейшее прибавление продуктов в народном хозяйстве СССР. „Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих пор,—все это при помощи концессий мы сделаем раньше, чем без концессий" [2]).

Иностранный капитал может притти лишь в форме крупных предприятий, что в капиталистической форме несет социалистическую сущность в условиях СССР. „Насаждая государственный капитализм в виде концессий,—говорит Ленин,—Соввласть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного. Увеличивает количество продуктов крупной промышленности в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелкобуржуазным анархическим" [3]). В общей схеме государственного капитализма на-ряду с национализированной промышленностью будут существовать отдельные предприятия концессионеров. При наличии пролетарской власти, командных высот в народном хозяйстве в руках пролетариата, „как тот капитал, который будет в виде концессий, так и тот, который будет расти неизбежно через кооперативы, через свободу торговли, нам не страшны [4]).

Двенадцатый съезд РКП в резолюции подтвердил допустимость и полезность концессий. „Опыт истекшего года,—говорится в резо-

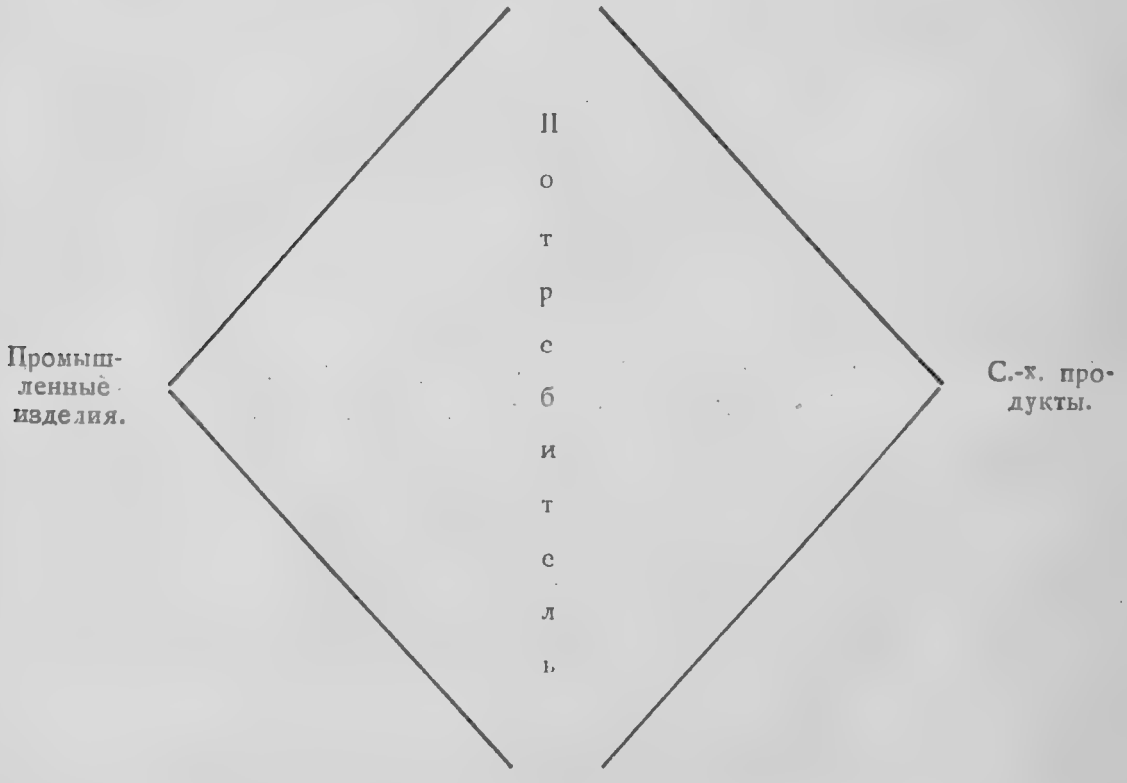
---

1) Кржижановский. „Основные задачи электрификации России". Гиз, 1920 г., стр. 41.
2) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 199.
3) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 217.
4) Там же, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 199.

люции,—подтвердил, что государственное социалистическое строительство при новой экономической политике вполне совместимо в известных, и притом широких, пределах с активной ролью частного, в том числе и иностранного капитала в сфере промышленности. Необходимы дальнейшие систематические мероприятия, направленные на привлечение к промышленности иностранного капитала во всех тех формах, целесообразность которых уже обнаружилась до настоящего времени: концессии, смешанные общества, аренды".

Если до сих пор концессионная практика не была обширной (поступило предложений о концессиях до второй половины 1923 г.—615; „Соц. Хозяйство". №№ 6—8, 1923 г., стр. 113), то в этом повинна европейская неурядица. Устроение Европы обеспечит кредиты для СССР, так как участие СССР в мировом хозяйстве настоятельно необходимо в интересах остальных великих держав.

На-ряду с поощрением развития промышленности идет еще более упорная борьба за оздоровление товарооборота [1]). Темп повышения транспортных и торговых расходов представлен здесь на диаграмме тупым треугольником. Чем дальше от производства товара потребитель, тем беспримерно быстро возрастают транспортные и иные расходы.



[1]) Интересно в отношении к развитию с.-х. таможенной политики, выраженной в последнем пересмотре таможенных ставок. Здесь понижены все ставки на с.-х. орудия и машины, которые в России не производятся или производятся в недостаточном количестве. См. об этом Б. И. Шапошников, „Новый импортный таможенный тариф", 1924 г., стр. 14.

Тупой угол должен смениться острым. Оздоровление торговли должно быть доведено до уровня процента торговых расходов, существующего в высоко развитых капиталистических странах. Эта задача тем более важна, что невыполнение ее может свести на-нет все успехи промышленного развития, а отсюда застопорить интенсификацию с. хозяйства, так как связать обе отрасли возможно только через рынок.

Решительное улучшение—удешевление и упрощение связей—возможно только путем самодеятельного кооперативного аппарата.

Подготовительные работы, проделанные в 1923—1924 г., устранили многочисленные дефекты как в области закупки хлеба, так и в области торговли товарами вообще.

3. Бюджет и сельское хозяйство

„Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств... Чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и др.“.

Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 138.

Старый бюджет отличается от современного, послереволюционного, своей социальной окраской. Он содержал дотации в различных формах и в очень больших размерах отживающему дворянству. Армия была значительно многочисленнее современной. Расходная часть носила характер непроизводительного потребления, процент расходов на культурные и хозяйственные цели был сравнительно незначителен. Вот как оценивает старое бюджетное хозяйство А. И. Чупров: „От недобора дохода в частных хозяйствах и от непроизводительных расходов в государственном бюджете не миллионами, а миллиардами рублей нужно оценивать те ущербы, которые причинены русскому народу ложным направлением внутренней политики“ [1]).

Наш бюждет меньше и легче для населения, производительная часть в нем представлена значительнее, чем в дореволюционном. Правда, в бюджете до сих пор еще имеются отрыжки старого бюрократического извращения дореволюционного периода и первого периода революции. Об этом Бухарин на V конгрессе Коминтерна заявил следующее: „Сверхцентрализированная форма управления хозяйства во время военного коммунизма привела к такому раздуванию государственного аппарата, что стоимость его пожирала все. До сих пор мы страдаем от последствий этой болезни. Проблема распределения между производительным и непроизводительным потреблением

---

1) А. И. Чупров, „Крестьянский вопрос“.

является одной из важнейших проблем международного пролетариата".

Борьба с излишествами, борьба за передвижку расходной части бюджета в сторону производительной части занимает большое внимание правительства. На XII съезде РКП Каменев заявил: „Мы железной рукой будем сокращать все те расходы, которые мы должны производить из тощего крестьянского кармана... Мы должны ко всему тому, что уже сделано коммунистами для рабочего класса, добавить еще одно: чтобы крестьянство знало, что мы—самое дешевое правительство, которое может только существовать в России".

Заботы об облегчении налогового бремени для крестьян имеют уже сейчас для них реальное значение. По вычислениям Попова, всех изъятий от сельского населения на 1 душу производилось в 1913 г.—11 р. 33 к.; в 1921—1923 г.—5 р. 28 к. и в 1922—1923 г.—6 р. 64 к. Если принять понижение продукции с. хозяйства до 79% сравнительно с довоенным, то и тогда в 1913 г. взималось 7 р. 93 к., вместо 6 р. 67 к. современных [1]).

Произведенный подсчет платежей в Нижегородской губ., без учета аренд, показал, что до войны крестьянские платежи с души равнялись 6 р. 17 к., а в 1922 г.—2 р. 53 к. Различие в налоговых повинностях и всяких других платежах должно быть особенно резким в губерниях с большей арендой, как Полтавская, Киевская и др.

Основная директива партии, данная Наркомфину в области взимания налогов, заключается в следующей формуле: нужно брать так, „чтобы крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем" [2]).

Денежность налога, льготы бедняцким и культурным хозяйствам [3]), преуменьшенность взиманий и затем экономия расходования собранных средств на непроизводительные нужды служат гарантией, что государственная машина будет не только самой дешевой, но и самой полезной: она будет не тормозить, а поощрять развитие производительных сил.

ГЛАВА VI

1. Сельскохозяйственная политика

Для СССР земельный вопрос является основным вопросом в общей экономической политике. Выше мы уже говорили об условиях роста производительных сил. Рост в с. хозяйстве должен происходить при условиях существования крестьянских хозяйств, распыленных на

---

[1]) П. И. Попов, „Сельск. хоз. Союза Республик", 1924 г., стр. 43.

[2]) „Двенадцатый съезд РКП", стр. 293. См. об этом „Вестник Финансов", 1923 г., № 3, стр. 5.

В 1920—1921 г. взято 13,7% валового дохода от сельск. хоз.
„ 1921—1922 „ „ 11,5% „ „ „ „ „
„ 1922—1923 „ „ 8,0% „ „ „ „ „
„ 1923—1924 „ „ 7,0% „ „ „ „ „

[3]) См. VI отдел „Положения о едином с.-х. налоге".

18 милл. единиц. Мелкобуржуазность крестьянского хозяйства не только осталась, но и поощряется. Ставка на старательного, на рачительного крестьянина является прогрессивным делом, но вместе с тем за известной гранью этот рачительный хозяин может превратиться в кулака. Мы имеем в деревне, как говорил неоднократно Ленин, в самом характере хозяйства широчайшую базу возобновления капитализма. При таких условиях для пролетарской власти мало поднять производительные силы: нужно их направить в такие рамки, в которых подъем пойдет по социалистическому руслу. В вопросе направления растущих производительных сил по социалистическому руслу и предстоят большие трудности. Наша подлинная работа, работа коммунистическая начинается „там, где мы эти поднимающиеся производительные силы направим по каналу социалистического пролетарского строительства“ [1]).

Деревня при нэпе возобновила процессы дифференциации. Ленин, предвидя это, говорил, что „не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло“ [2]).

Последующие исследования дифференциации деревни полностью подтвердили предположения Ленина. Деревня обеднела; на фоне обеднения оставшиеся от старого хозяйства немногочисленные запасы у кулака служили серьезным основанием для кабалы маломощной части крестьянства. Если прежде скупка земли была фокусом проявления растущего могущества кулака, то теперь это с национализацией земли отпало. Теперь обладание плугом и бороной, лошадью и телегой служит достаточным основанием для кабалы. А если при этом сохранилась некоторая сумма денег и хлеба, то крестьянин мог подторговывать, давать в заем, обеспечивая таким образом монопольное положение обладателя таких средств и наживу в сотню процентов. Такой крестьянин быстро распухает и превращается в „благодетеля“-паука, который опутывает сетью все окрестное население.

Выигрышное положение кулачества усиливается беспомощным состоянием маломощного и бесхозяйного крестьянства. Особенно скверно положение бесскотных. Скот наиболее трудно восстанавливается. Он—единственная двигательная сила в крестьянском хозяйстве. Поэтому приводимые Яковлевым и Хрящевой примеры аренды живого и мертвого инвентаря показывают тягчайшие формы ростовщичества. За два вспахивания берется 15—16 пуд. При урожае в 35—40 пуд., обычном для обследуемой т. Яковлевым волости, остается за работы по уборке урожая, свозке, молотьбе, на выплату налога—20 пуд. [3]).

Крестьянское хозяйство, которое вынуждено прибегать для обработки земли к найму, не сможет подняться, за исключением редких

---

1) „Двенадцатый съезд РКП“, стр. 283.
2) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 145.
3) Яковлев, „Наша деревня“, 1924 г., стр. 23; А. И. Хрящева, Группы и классы в крестьянстве“, 1924 г., стр. 13, 50.

случаев, до самостоятельного хозяйства. Здесь всего нужнее государственная и кооперативная помощь. Здесь она даст наиболее осязательные плоды.

Положение маломощных и бесхозяйных затрудняется еще отсутствием промыслов. Маломощному крестьянину не за что зацепиться, негде заработать, он беззащитен против ростовщичества кулака.

Происходящие процессы дифференциации видны из следующей таблицы:

Процент крестьянских хозяйств по 48 губ. РСФСР

Годы.	Без посева.	С посевом.					
		до 2-х дес.	2,1—4;	4,1—6;	6,1—8;	8,1—10;	свыше 10.
1920	7,5	39,2	28,7	12,7	5,3	2,5	4,1
1922	6,7	51,3	27,3	9,2	3,2	1,3	1,0
1923	3,2	47,3	29,7	11,4	4,5	1,9	2,0

Состояние крестьянских хозяйств по скоту

Годы.	Без рабочего скота.	С 1 головой.	С 2 головами.	С 3 головами.	С 4 головами скота и выше.
1920	26,6	51,0	13,6	4,3	4,5
1922	37,1	50,0	0,9	1,9	1,1
1923	30,6	54,6	11,0	2,4	1,4 [1]

Процент беспосевных уменьшается с каждым годом. Уменьшается по всем районам, за исключением Киргизской ССР. Так, по данным динамических обследований, процент беспосевных уменьшается в различных районах следующим образом:

Процент хозяйств без посевов

	1920 г.	1922 г.	1923 г.
В 6 потребляющих губ.	8,3	6,3	5,4
„ 3 производящих „ непоснрад. . . .	2,6	2,4	1,0
„ 4 „ „ постpад.	4,6	5,2	5,1 [2]

Пользуясь неоспоримым правом пользоваться землей, каждый крестьянин из всех сил бьется, стремясь засеять свою полосу. Поэтому особенно кабальна аренда живого и мертвого инвентаря. Неурожай, увеличивший число беспосевных хозяйств, не оказал, однако, длительного действия. Уже в 1923 г. процент беспосевных уменьшился. В остальных группах голод произвел общую понижательную передвижку. Урожай 1922 г. значительно восстановил положение, бывшее до голода. Из-за голода не была собрана жатва, но остался инвен-

---

[1] А. И. Хрящева, „Группы и классы в крестьянстве“, стр. 56.
[2] Там же, стр. 56.

тарь, и вообще крепкие хозяйства выдержали в большем количестве голодовку, чем мелкие. После голода процессы дифференциации снова получили большое распространение.

Положение крестьянских хозяйств в отношении скота было таковым, что процент хозяйств без рабочего скота повысился с 26,6% в 1920 г. до 37,1% в 1922 г. Урожай 1922 г. и государственная помощь не смогли уменьшить числа хозяйств без рабочего скота до уровня 1922 г. В 1923 г. группа без рабочего скота равнялась 30,6%. Порайонно средний процент хозяйств без рабочего скота распределяется очень неравномерно. Так, процент хозяйств без рабочего скота в 1923 г.

в потребляющем районе равнялся	23,6%
„ производящем „ „	36,2 „
на Юго-Востоке „ „	37,3 „
в Сибири „ „	7,7 „
„ Киргизской ССР „ „	38,4 „
„ Белорусской ССР „ „	18,5 „
„ Украинской ССР „ „	52,7 „
Итого по СССР	35,6 „ [1]

Особенно тяжело положение бедноты на Украине. Процент без рабочего скота настолько значителен, что он, бесспорно, может быть одним из факторов, задерживающих рост с. хозяйства. В абсолютных величинах распределение крестьянских хозяйств по скоту на группы следующее:

	Число хозяйств в тыс.	В процентах.
Без скота	3.362	19,3
Имеющих 2 гол.	8.885	51,0
„ от 2 до 4	4.173	24,0
„ более 4-х	986	5,7
Итого	17.408	100,0 [2]

Если мы обратимся к другому полюсу—многопосевных, многоскотных, то увидим, как их число тоже подвергается большим изменениям. Голодный год нарушил рост группы зажиточных хозяйств: с 4,1% в 1920 г. эта группа пала до 1% в 1922 г. Но тот же самый 1922 г. урожаем поднял эту группу в 1923 г. до 2% по площади и до 1,4% по скоту. В 1923 г. сравнительно с 1920 г. оказалось понижение группы зажиточных, но впоследствии эта группа обнаружила неуклонный рост как в районах, пораженных голодом, так и в районах, неопострадавших от неурожая. В последних районах рост группы зажиточных был непрерывным, что видно из следующей таблицы:

---

[1] Хрящева, „Группы и классы в крестьянстве", стр. 57.
[2] Там же, стр. 58.

Процент хозяйств в потребляющих губ. по группам

Названия	1920 г.		1923 г.	
Бесхозяйные	7,0		2,0	
Маломощные	34,0	75,7	31,5	69,3
Нижесредние	34,7		35,8	
Средние	21,0		24,8	
Зажиточные	2,7	3,3	4,4	6,0[1]
Богатые	0,6		1,6	

Мы видим здесь общий подъем с. хозяйства, начиная с бесхозяйных, процент которых уменьшился в три с половиной раза. Уменьшились и маломощные группы. За счет этого уменьшения произошло увеличение средних и еще значительнее, чем средних,—почти вдвое—зажиточных и богатых. Процесс дифференциации в этом росте с. хозяйства налицо.

Нам необходимо определить с точки зрения поощрения роста производительных сил и одновременно направления их в социалистическое русло свое отношение к процессу дифференциации.

Кулак—представитель торгового капитала, его ростовщической формы. Как таковой, он глубоко реакционен. „Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей“ [2]).

Кулак производит разрушение производительных сил. За счет разорения массы бедноты он строит свое благополучие. Кулаку выгодно не движение вперед, а консервация старого способа производства, крестьянства в феодальных условиях. Кулак—отрыжка старого, еще докапиталистического, периода истории. Он осужден на исчезновение, но отсталая с.-х. Россия приютила его в своих недрах.

Против него нужно вести борьбу по всему фронту. Борьбу столько же из-за того, что он представляет угрозу социалистическому строю, сколько и потому, что он стоит поперек пути развития деревни.

После нэпа, однако, нельзя применять мер административного воздействия. „Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами“ [3]).

Принудительные меры при нэпе не упростят борьбы с кулаком, а, наоборот, осложнят ее. В руках государства имеются довольно радикальные меры, но рассчитанные на более длительное время.

Национализация земли уже ограничивает скупку основного элемента земледелия—земли; хотя она и обходится арендой земли, но аренду ни в каком случае нельзя равнять со свободной скупкой земель.

Сильно срезает кулаческое благоприобретение установленная в едином с.-х. налоге прогрессия. Последняя доходит от 2,1% для мелких, до 20,6% для крупных крестьянских хозяйств [4]).

---

1) Хрящева, „Группы и классы в крестьянстве“, стр. 62.
2) К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 1-я, 1907 г., М., стр. 311.
3) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 145.
4) П. И. Попов, „Сельск. хоз. Союза республик“, 1924 г., стр. 42.

Затем кооперация, с.-х. кредит, комитеты взаимопомощи, мобилизация общественного мнения—все это действует против кулака.

Кулак нам не страшен, но он совершенно чужд коллективизации и всему новому, что проявляется в деревне. Он целиком за старое. Поэтому необходимо умерять его влияние таким образом, чтобы бедняк и середняк отрывались от него и противопоставлялись ему.

Беднота теперь представляет собой совершенно другую картину, нежели беднота довоенная. Резервы современной бедноты рекрутировались за счет солдат, военнопленных, красноармейцев, прошедших гражданскую войну или бывших только в советской казарме, нередко за счет рабочих, ушедших от городской голодовки. Современная беднота не только активна вообще, но она активна в искании новых форм, в стремлении уйти от старого. Такой бедняк не только сам идет в коммуну, но и других влечет за собой. Если проследить несколько номеров „Бедноты“ и „Крестьянской Газеты“, мы увидим корреспонденции, которые дышат жаждой нового, горят борьбой с кулаком, с попом и деревенской отсталостью.

Беднота в значительной степени избавилась от прежней забитости и покорности, которые ей были свойственны до революции. Она самодеятельна, следовательно, имеются налицо субъективные предпосылки для перехода к новому строю, к высшей стадии хозяйствования. Объективные предпосылки зависят от широты государственных мероприятий и от правильности подхода к самодеятельной части бедняка и середняка.

Здесь мы должны перейти к рассмотрению форм государственного воздействия, направленных на помощь бедноте, и не просто на помощь, а на помощь в устроении новых форм по преимуществу. Для нас переход к коллективным формам имеет большое прогрессивное значение, так как „парцеллярная собственность по своей природе исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественных форм труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки...[1]). Она вызывает „бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей; колоссальное расточение человеческой силы, возрастающее ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон парцеллярной собственности“ [2]).

В условиях нашей революции, в силу необходимости смычки рабочего класса с крестьянством „всерьез и надолго“, мы проводим мероприятия общего агрикультурного характера. Мероприятия, ведущие к росту с. хозяйства, проводятся сейчас в жизнь, хотя бы они и носили индивидуалистическую окраску. В деревне наметились две линии развития: „одна линия развития—капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом— наемный труд, ни-

---

1) К. Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 2-я, стр. 336.
2) Там же, стр. 336.

щета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации—к социализму" [1]).

При наличии этих двух линий необходимо все силы государственного воздействия сосредоточить на второй—ее нужно взращивать, ее нужно лелеять и поощрять, одновременно не оставляя всего крестьянства вне поля зрения.

При настоящих условиях самым удобным средством обобществления является кооперация. „Какое исключительное значение имеет кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым формам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина!" [2]). „А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать на счет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело практически строить этот социализм так, чтобы в с я к и й мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы достигли теперь" [3]). Тринадцатый съезд партии, подытожив практику второй половины 1924 г., отметив ростки новой жизни, заявил, что „партия будет содействовать даже самым простейшим формам объединения как в области закупки предметов городской промышленности, так и в области сбыта продуктов сельского хозяйства, и в особенности в области объединения тех или иных элементов крестьянского производства" [4]).

Кооперация после известного выступления т. Ленина получила всеобщее признание. Она считается широчайшим путем к социализму.

Перейдем теперь к практическому рассмотрению того, что сейчас представляет из себя кооперация. Кооперация подразделяется на потребительскую, производственную и кредитную.

До революции всякая самодеятельность населения подавлялась, в том числе и стремление к кооперированию. До 1905 года число кооперированного населения было совсем ничтожно [5]). После 1905 года кооперативное движение оживилось. К 1 января 1914 года потребительских обществ насчитывалось 7.742; на 1/XI 1920 г.—11.856; на 1/X 1921 г.—9.258; на 1/I 1922 г.—11.582 [6]); на 1/I 1923 г.—11.466.

Такое число потребительских кооперативов можно считать прямо ничтожным сравнительно с количеством населения. Только волостей насчитывается в СССР 10.641, а селений—348.320. Из 11.466 потребительских обществ значительная часть падает на города. Деревня попросту предоставлена во власть торгаша, кулака. Значение потребительской кооперации особенно важно тем, что она представляет собой звено, связующее сельское хозяйство и промышленность, такое звено, куда

---

1) „Тринадцатый съезд РКП", стр. 670.
2) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 40.
3) Там же, стр. 40.
4) „Тринадцатый съезд РКП", 1924 г., стр. 652.
5) А. Лозовый, „Сельскохозяйственная кооперация и значение ее в современных условиях", 1923 г., стр. 81, 85.
6) „Сборн. статистических сведений по СССР за 1918—1923 г.г.", 1924 г., стр. 334.

особенно много набилось частных капиталистов. Выжать их оттуда и одновременно организовать население — задача настолько существенная, что мимо нее не прошел XIII съезд. Из доклада и прений выяснились наиболее полно все недостатки, тормозившие организацию кооперативов. За них взялись основательно, надо полагать, что к будущему съезду кооперирование населения изживет большую часть тех недостатков, которые имели место до сих пор. Главными из принятых съездом положений можно считать следующие: 1) „Проведение децентрализации в области как организационной и торговой, так и кредитной деятельности"; 2) „безусловно должен быть ускорен переход на добровольное членство"; 3) „путем целого ряда мер упрощения аппарата и уменьшения накладных расходов, кооперация должна добиться того, чтобы в борьбе с частной торговлей продавать свои товары дешевле средне-рыночных цен своему организованному потребителю, таким образом премируя последнего за участие в кооперации"; 4) „кооперация должна отказаться от задачи снабжения всего населения"; 5) „должна быть увеличена предприимчивость и заинтересованность привлечения потребителя и производителя со стороны органов кооперации" [1]).

Уже предварительные мероприятия в конце 1923 года и в начале 1924 г. увеличили удельный вес кооперации.

Кредитная кооперация в связи с нэпом приобрела центральное значение. Кредит дает максимум возможностей не только кооперировать население, но и регулировать производственную деятельность отдельного крестьянина. В настоящее время это особенно резко сказалось на практике крестьянских комитетов взаимопомощи. Желание организоваться в коммуны, артели и кооперативные товарищества имеется, но для выполнения этого нехватает средств. Страна наша пока еще бедна и не может предоставить достаточного кредита для всесторонней помощи обедневшему крестьянству.

Кредит является важным средством борьбы за бедняка. Кулак легко завоевывает власть над бедняком. Лишняя лошадь, плуг—этого вполне достаточно, чтобы подчинить себе несколько бедняцких хозяйств. „Сельскохозяйственный кредит и организация его должны быть не только орудием повышения покупательной силы бедняцкого и середняцкого хозяйства, но и орудием нашей борьбы с торговым и ростовщическим капиталом в деревне" [2]).

Единоличное хозяйство старательного хозяина находит помощь в виде ссуд на улучшение сельского хозяйства, на введение травосеяния, на покупку улучшенного скота, машин и затем просто на общее поднятие бедняцкого хозяйства. А так как, кооперируя его производственную деятельность, кредитные учреждения получают власть над кредитующимся хозяйством, то они могут в известном направлении изменять и ведение самого хозяйства: например, вводить посевы льна долгунца, вместо обычного сорта, покупать племенную корову, вместо

---

[1]) „Тринадцатый съезд РКП", 1924 г., стр. 668.
[2]) Та же, стр. 411.

обычной, не молочной и т. д. Через кредит создается связанность центральных органов, всего правительства с мельчайшими распыленными хозяйственными ячейками в деревне.

Поэтому „среди мер, проводимых партией в деле закрепления связи между городом и деревней, сельскохозяйственный кредит должен занять одно из центральных мест“ [1]).

Практика кооперативного кредита показывает, что он выдавался по преимуществу на производительные нужды. На 1 января 1915 г. взятые ссуды предназначались:

На живой инвентарь	24,8%
„ аренду земли	15,1 „
„ жилые постройки	8,2 „
„ покупку земли	6,6 „
„ покупку семян	5,9 „
„ корм скоту	3,1 „
„ покупку с.-х. орудий	3,6 „ [2])

В современной практике кредитных учреждений видно, что выдано ссуд:

На рабочий скот по сумме выдач	52,7%
„ восстановление капитала кооперации	26,4 „
„ сельскохозяйств. машины	8,2 „
„ технические улучшения с.-х. производства	7,1 „
„ мелиорацию	3,1 „
„ прочие расходы	2,5 „ [3])

Эта таблица лучше всяких иллюстраций показывает на исключительно производственный характер выдаваемых теперь ссуд. Особенно важно количество ссуд на приобретение лошадей. Скромные размеры капиталов наших кредитных учреждений требуют максимального расширения. Путем кооперативной сети мы сможем гарантировать наиболее рациональное использование назначенных ссуд для кредитования населения. Кредитные кооперативы, как наиболее близко стоящие к населению, гарантируют возвращение предоставленного кредита в срок, поэтому нужно удвоить внимание и силы к организации этого вида кооперативов.

Кредитных кооперативов числилось:

В 1905 г.	1.629
„ 1915 „	15.450
На 1/I 1922 г.	616
„ 1/I 1923 „	799
„ 1/VII 1923 „	2.789
„ 1/I 1924 „	3.850 [4])

Примечание: с 1922 года число кооперативов считается без Закавказья, Украины и Дальне-Восточной области.

---

1) „Тринадцатый съезд РКП“, стр. 672.
2) „Социалистическое Хозяйство“, №№ 6—8, 1923 г., стр. 125.
3) „Экономическая Жизнь“, 1924 г., 17/I, статья Шефлера.
4) „Сельскохозяйств. кооперация в системе государственного капитализма“, Сельскосоюз, 1924 г., стр. 126—127.

Количество кредитных учреждений недостаточно. Но в 1923 г. было обращено внимание на организацию кредита. Были организованы Всероссийский Кооперативный Банк и Сельско-хозяйственный Банк, призванные обслуживать специально кооперативные организации, в том числе и кредитные. Но, что самое важное, была увеличена довольно значительно низовая сеть кредитных учреждений. Можно полагать, что даже небольшие ссуды правительства могут привлечь в разветвленную низовую сеть средства самих крестьян и перераспределить их с большим производственным эффектом [1]).

„Партия будет содействовать... в особенности в области объединения тех или иных элементов крестьянского производства". При обсуждении вопросов о производственнной кооперации особенно важно подчеркнуть ее гигантское значение для обобществления распыленного крестьянского труда. Крестьянское хозяйство, наиболее отсталое и архаическое, а поэтому и расточительное хозяйство, в силу чего „в особенности", как говорит резолюция партсъезда, нужно вовлекать крестьян в производственные кооперативы.

Производственные кооперативы делятся на промысловые и сельскохозяйственные непосредственно. В первые входят всякого рода артели и товарищества—смолокуров, охотников, рыболовов, дроворубов и т. д. Эта форма производственной кооперации была распространена и до революции. Она имеет дело с побочными промыслами для крестхозов; земледелия она не касается. Тем не менее подобного рода объединения имеют большое значение.

Промысловых кооперативов насчитывалось в 1920 году к 1 ноября 4.464, к 1 октября 1921 г.—6.650, к 1 января 1922 г.—8.423, к 1 января 1923 г.—6.151. Производственных артелей за то же время насчитывалось к 1 ноября 1920 г. 526, 5.983—к 1 октября 1921 года, 7.746—к 1 января 1922 года, 5.115—к 1 января 1923 г.

Гораздо более ценен второй вид производственной кооперации — сельскохозяйственная кооперация. Она объединяет коммуны, артели, общественную обработку—объединения, непосредственно связанные с земледелием. Коллективы являются наиболее значительной брешью в отсталой технически деревне и в ее допотопных условиях. Коллективы—это далеко выдвинувшийся форпост социалистической пролетарской армии.

Затем в сельскохозяйственную кооперацию входят объединения по переработке с.-х. сырья: молочные, льноводные, пчеловодные, огородные, картофельные и проч. товарищества. Организация кооперативов по первичной переработке с.-х. продуктов служит вернейшим основанием для интенсификации сельского хозяйства. Для нас поэтому чрезвычайно важно распространение кооперативов этого вида.

К сожалению, сведения о числе кооперативов очень разноречивы. ЦСУ дает следующие цифры:

---

[1]) „Сельское лесное хозяйство", 1924 г., кн. 12-я, стр. 3.

	1/I 1914 г.	1/XI 1920 г.	1/X 1921 г.	1/I 1922 г.	1/I 1923 г.
Всех сельскохозяйственных кооперативов	24.256	9.486	6.378	8.519	15.090
Количество губ., давших сведения . . .	82	32	27	36	44 [1]

Учитывая число губерний, давших сведения, мы должны считать, что на I/I—1923 г. число сель.-хоз. кооперативов перешагнуло довоенное количество. Однако цифры, данные ЦСУ, находятся в явном противоречии с фактическим положением вещей. В специальной работе, посвященной кооперации, тов. Лозовый дает для одних только коммун, земледельческих артелей и товариществ по обработке земли следующие цифры:

Годы.	Всего по РСФСР.	На Украине.	Азербайджан.
1918	950	—	—
1919	6.186	487	—
1920	11.536	274	—
1921	15.079	1.700	—
1922	13.026	2.707	—
1923	12.028	4.500	178 [2]

Приведенные цифры подкрепляются из источников Наркомзема, приведенных Катоном. По последним, всех коллективов на территории СССР насчитывалось:

в 1918 г.	912
„ 1919 „	6.186
„ 1920 „	13.607
„ 1921 „	16.425
„ 1922 „	15.703
„ 1923 „	18.041 [3]

Совпадение двух последних источников заставляет считать их более вероятными, более отвечающими действительности.

Приведенное число коллективов распадается следующим образом по районам:

Северный	422	Заволжский	850
Северо-Восточный	920	Юго-Восточн.	609
Центр.-Промышл.	1.195	Предкавказье	476
Петроградский	133	Средне-Волж.	2.701
Западный	629	Центр.-Земл.	1.848
		Украина	5.105 [4]

[1] „Сборн. статист. св. по СССР за 1918—1923 г.г.", стр. 336.
[2] А. Лозовый, „Сельскохозяйств. кооперация", стр. 158—159.
[3] „На новых путях", V—I, стр. 638.
[4] Там же, стр. 638.

Ячейки коммунизма рассеяны по всем районам, находятся в самой гуще населения. Увеличение колхозов тем более ценно и показательно, что они являются всецело результатом деятельности Советской власти. Первые сведения о коммунах появились в феврале—марте 1918 г. [1]), при чем движение в коллективы было движением низовым, только потом захватившим центральные органы земледелия.

После крещения нэпом некоторые коллективы рассыпались, но оставшиеся еще более окрепли, а после 1922 г. число колхозов снова стало расти. Особенно бурное распространение получили коллективы на Украине. Деникинщина, врангелевщина насильственно задержали там органический рост колхозов.

Крепость колхозов в настоящее время полностью зависит от их внутренней силы, так как с переходом к нэпу коллективы оказались беспризорными. За ними никто не доглядывал, их никто не ссужал, хотя опекунов было немало, и тем не менее число коллективов растет.

Колхозы, кроме всего прочего, несут в толщу сельского населения агрикультуру. Уже сейчас за короткий промежуток, когда они еще не успели встать на ноги, коллективы ведут гораздо более интенсивное земледелие. Соотношение посевных культур на Украине было следующим:

Названия.	% зернов.	% корн. и клубн. плодов.	% прм. зерн.	% бобов.	% масл.	% бахч. огород.	% трав.
Колхозы . . .	63	9	10	4	7	2	2
Крестхозы . .	87	7	1	—	2	1	1

Значительно выше в коллективных хозяйствах и урожайность на засеваемой площади. Так, там же на Украине (в пудах с десятины):

Названия.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овес.	Гречиха.	Просо.	Кукуруза.
Колхозы . . .	106	116	58	94	100	28	120	99
Крестхозы . .	79	81	67	75	68	50	67	98 [2])

Отсюда вытекает большая доходность коллективных хозяйств сравнительно с крестьянскими. С одной десятины получается в рублях:

	От полеводства.	От животноводства.	Всего.
В колхозах	102	22	124
„ крестхозах	73	23	96 [3])

---

[1]) Мещеряков, „Организация Комиссариата земледелия и земельных отделов", 1918 г., стр. 226.

[2]) „На новых путях", V—I, стр. 641.

[3]) Там же.

Эти данные говорят нам, что колхозы при отсталом техническом оборудовании, при общей народно-хозяйственной разрухе смогли поднять свое хозяйство значительно выше отдельных хозяйств. Передвижки от зерновых в сторону интенсивных культур опять-таки говорят о закреплении того подъема, который произведен в колхозах. Уже при настоящих условиях большинство коллективных хозяйств стало и постепенно становится еще более культурными очагами среди рутины и отсталости деревни.

Ленин неоднократно указывал на то, чтобы примером агитировать крестьянина на новый коммунистический путь. Он на съезде коммун и артелей настойчиво повторял то же самое. Теперь его заветы через коммуны постепенно проводятся в жизнь.

В коллективах мы имеем до сих пор наиболее близкий к коммунизму поток в сельском хозяйстве.

Система мероприятий по кооперированию крестьянского хозяйства так обставляет мелкого хозяина, что вокруг него не окажется щелей, в которые мог бы проникнуть частный капиталист. Частный капитал почти целиком владеет сейчас деревней. Постепенный процесс кооперирования должен вытеснять частного капиталиста таким образом, чтобы создать единое монолитное хозяйство, возглавляемое национализированной промышленностью. Поэтому одно кооперирование крестьянства еще не обозначает коммунизма. „Это еще не построение социалистического общества,—писал Ленин,—но это все необходимое и достаточное для его построения“ [1]).

Мы, однако, не исчерпали бы вопроса, если бы не коснулись совхозов. В совхозах не самодеятельность крестьян, а непосредственное государственное регулирование руководило производственным процессом. Совхозы вместе со всем народным хозяйством пережили полосу разрухи, и только в 1923 г. они начали постепенно вставать на ноги. Можно рассчитывать, что они скоро станут даже бездефицитными [2]).

Совхозы представляют собой крупные коммунистические и агрикультурные центры. По мнению Ленина, „в интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития крупного хозяйства и общественного контроля над ним мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства“.

В какой мере совхозы стали образцовыми, сказать трудно. До сих пор мы знаем, что совхозы далеки еще от выполнения поставленной им тов. Лениным задачи.

Все же мы можем сказать, что за поставленную задачу совхозы постепенно берутся. Агрикультурную роль совхоза трудно переоценить, несмотря на все их отрицательные стороны. Лацис сообщает, что только совхозы Госсельсиндиката к началу 1923—1924 г. имели 322 племенных хозяйства, 520 случных пунктов, 203 семенных хозяй-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2-я, стр. 140.
[2]) Лацис, „Советские хозяйства“, 1924 г., стр. 71.

ства (последние дали 1,5 милл. пудов семенного зерна), 104 прокатных пункта.

Совхозы, проводя механизацию, служат примером для окрестного населения. Отдельные совхозы ведут к тому же большую культурно-просветительную и изредка политическую работу [1]).

Совхоз, таким образом, становится средством подъема производительных сил, агрикультурным очагом и культурно-политической ячейкой. При освежении руководящего персонала совхозы еще более усилят свое влияние на окрестное население.

Совхозы вперемежку с коллективами разбросаны по всем районам СССР. Всех совхозов числилось к концу 1922 г. 5.927 [2]). Земли в совхозах в 1923 г. числилось 2.175.894 десятины. В руках пролетарского государства совхозы превращаются из гнезд помещичьей кабалы в светочи новой общественной жизни, гарантирующей небывалый рост производительных сил.

Нам нет надобности перечислять все задачи земорганов. Новое, что внесла революция в сельское хозяйство и что значительно двигает его в гору, мы уже отметили. В общем получается довольно стройная система госкапитализма.

Сверху национализированная промышленность. Ее рост обеспечивает усиление социалистического начала. Внизу сельское хозяйство, пока еще распыленное и отсталое. Оно представляет наиболее благоприятную почву для роста капитализма. Чтобы не произошел рецидив капитализма насильственно, была проведена система нэпа, и сельское хозяйство стало быстро оправляться. Чтобы капитализм не взял социалистическую республику тихой сапой, крестьянство кооперируется и коллективизируется. „Действительные массовые успехи в области кооперирования процессов производства при нынешних орудиях труда могут быть достигнуты с течением ряда лет“ [3]). Но вместе с тем вполне возможно и должно организовывать сейчас кооперирование процессов производства с тем, чтобы материально-техническая возможность вошла уже в подготовленное русло хозяйства. Поощряя развитие производительных сил и направляя их в социалистическое русло, мы одновременно заботимся и о связи развивающегося сельского хозяйства с растущей промышленностью. Замена частной торговли кооперацией и государственной торговлей довершает задачу, поставленную в начале нэпа. С вытеснением частного торговца получится стальная цепь от мелкого кооперированного крестьянина до крупнейшей национализированной промышленности. Не останется ни одного звена, где мог бы укрепиться частный предприниматель или торговец.

---

[1]) Лацис, „Советские хозяйства“, 1924 г., стр. 72—76.

[2]) „На новых путях“, V—I, стр. 587; см. также „Государственное и народное хозяйство СССР“, стр. 61.

[3]) „Тринадцатый съезд РКП“, стр. 672.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Обозревая довоенное, военное и революционное время, с трудом верится, что так недалеко мы от старого царистского строя хронологически и так далеки социально. Переворот, подобно геологическому, изменил совершенно социальное лицо земли русской.

Давно ли было то время, когда позором считался труд. Совсем близки те времена, когда в угоду отживающему помещику безжалостно обрезались растущие производительные силы.

Всякое прогрессивное явление бралось под надзор, под сомнение. Зубрилин, Левицкий, вместо поощрения, арестовывались, как неблагонадежные.

Россия из года в год все резче отставала от своих соседей. Она была бы превращена в колонию с течением времени, если бы не произошла революция. Революция с корнем вырвала все, что тормозило развитие народного хозяйства. Революция очистила путь для прогресса. Не стало более почетного звания, чем рабочий и крестьянин. „Не трудящийся да не ест" является одним из лозунгов революции.

Революция всколыхнула самые глубинные народные пласты. Она вызвала самодеятельность там, где раньше царили инертность и рутина. Передовая революционная часть рабочего класса цементирует в единый монолит всю распыленную массу рабочих и крестьян.

Если Ратенау считал главной силой Германии миллионные армии дисциплинированных рабочих, то СССР путем организации рабочего класса и крестьянства, путем повышения промышленности и сельского хозяйства быстро достигнет образцовой производственной единицы. Советская власть, рабочий класс и широчайшие массы крестьянства стремятся к этому, и СССР превратится в единый образцовый производственный коллектив.

Семь лет прошло с Октября, при чем три года прошли в беспощадной и тягчайшей военной борьбе, и все же народное хозяйство невероятно быстро оправилось. Еще вчера был голод, а осенью 1923 года мы уже имели кризис перепроизводства. За счет подъема производительных сил исправлена часть разрушенного, произведено накопление оборотного капитала—и это все в два, в три года. Судя по темпу восстановления, совсем близко то время, когда мы получим большую возможность маневрировать, расширять наши производственные планы,—то время, о котором тов. Ленин говорил: „Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДО ВОЙНЫ

Глава I.

Стр.

1. Мировое хозяйство 3
2. Рост народного хозяйства России 4
3. Приливы капитала в земледелие 6

Глава II.

1. Состояние сельского хозяйства до войны 7
   - Рожь 8
   - Пшеница . . . . . —
   - Ячмень 9
   - Овес 10
   - Кукуруза . . . . . —
   - Картофель 11
   - Лен 12
   - Сахарная свекла . . . . . —
   - Травы 13
   - Сборы всех хлебов . . . . . —
   - Урожайность 15

Глава III.

1. Участие районов в производстве хлебов 15
2. Рынок и строение земледелия в районах 17
3. Рыночная связь районов 18

Глава IV.

1. Подъем сельского хозяйства 19
2. Сельское хозяйство и народное хозяйство 20

Глава V.

1. Мировой рынок и сельское хозяйство 21
2. Мировой рынок и сельское хозяйство СССР 22

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

3. Внутренний рынок и сельское хозяйство 23
4. Промышленность и сельское хозяйство 25
5. Смычка нашей промышленности с сельским хозяйством 27

Глава VI.

1. Крестьянская политика дворянского правительства 33
2. Дифференциация деревни 36

Глава VII.

1. Рост потребления населения 37
2. Рыночность сельского хозяйства 39

Глава VIII.

1. Скотоводство 40
   Лошади 41
   Рогатый скот 45
   Овцы 46
   Свиньи 47
2. Резюме 53

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ВОЙНА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Глава I.

1. Рынок и сельское хозяйство 55
2. Мобилизация населения 58
3. Лошади и волы 64
4. Мертвый инвентарь 67

Глава II.

1. Внеэкономический разрыв связей сельск. хоз. с мировым рынком 72
2. Внутренний рынок 74
3. Транспорт . . . . . —

Глава III.

1. Продовольственные мероприятия правительства 77

Глава IV.

1. Посевная площадь во время войны 85
2. Урожаи 90

Глава V.

1. Скотоводство 92

Оглавление

Стр.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава I.

1. Влияние гражданской войны на народное хозяйство 98
2. Гражданская война и транспорт 99
3. Промышленность и гражданская война 101

Глава II.

1. Сельское хозяйство и Октябрь 104

Глава III.

1. Продовольственный вопрос после Октября 108
2. Рынок и продовольственная политика 111
3. Продовольственная политика и сельское хозяйство 114
4. Гражданская война и сельское хозяйство 115
5. Мертвый инвентарь 116

Глава IV.

1. Политика и экономика в сельском хозяйстве 118

Глава V.

1. Скотоводство 127

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
НЭП И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Глава I.

1. Предпосылки нэпа 133

Глава II.

1. Нэп и подъем народного хозяйства 138
2. Движение посевных площадей 141
3. Нэп и промышленность 155

Глава III.

1. Нэп и рынок 163
2. Нэп и торговля 171

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава IV.

1. Сельское хозяйство и диспропорция цен 175

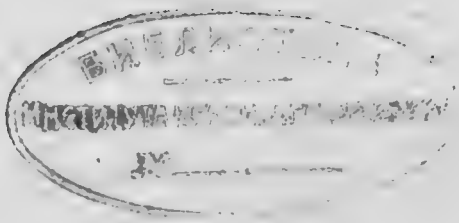
Глава V.

1. Условия развития сельского хозяйства при нэпе 182
2. Окрестьянивание промышленности 184
3. Бюджет и сельское хозяйство 189

Глава VI.

1. Сельскохозяйственная политика 190

Послесловие 204



118
131
132
135
136
161
162
163
165
166
171
172
174
181
185

cp 1958

73